

ДИКИ ИРАНИИИ

КНИГА
СКАЗАНИИ

ЛЕТНИЙ САД

МОСКВА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2001

ЛИКИ ИРЛАНДИИ

КНИГА СКАЗАНИЙ

Перевод, составление и комментарии

Сергея Шабалова

ББК 84(4Ирл)3
Л56

Художественное оформление М. Verte

Лики Ирландии. Книга сказаний / Пер., сост., коммент.
Л56 С. Шабалова. — М.; СПб.: Летний сад, 2001. — 286 с.

ISBN 5-94381-002-1

Кельтский эпос является древнейшей литературой Западной Европы. Лики Ирландии — первая книга серии «Anima Celtica», представляет не адаптированные переложения, а переводы подлинных кельтских текстов с подробным историко-культурным комментарием. Ирландские сказания — небольшие по объему и простые по композиции наиболее точно передают характер Кельтской Души. Большинство текстов впервые переводится на русский язык. Книга предназначена для ценителей и знатоков истории литературы.

ББК 84(4Ирл)3

ISBN 5-94381-002-1

© С. В. Шабалов, перевод, составление
и комментарии, 2001

© ЗАО ИТД «Летний сад», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый народ имеет или некогда имел свое собственное лицо — зеркало его невидимой души. Еще в XIX веке было замечено, что «каждый народ обладает душевным строем столь же устойчивым, как и его анатомические особенности»¹. Продолжая аналогию, добавим, что некоторые народы, будучи угнетены или даже искалечены «телесно», не только сумели сохранить свою духовную самобытность, но и явились духовными донорами своих завоевателей. Так произошло, например, с этрусками: римляне обязаны им почти всем, что относится не к Цивилизации, а к Культуре. Правда, этруски как народ не сохранились даже в виде отдельных островков в море чуждой расы. Иное дело — кельты. Они сохранились несмотря на ничтожное число носителей кельтских языков, даже получили в последние два века нечто вроде духовного

реванша: мы имеем в виду возникновение и развитие кельтологии, а также культурно-духовное «Кельтское Возрождение» Ирландии, Шотландии, Уэльса и Бретани — процесс, который, по всей вероятности, будет углубляться и дальше. Вряд ли нынешние «фениии» из Ирландской республиканской армии думают о том, что *кельтская раса*, которой не суждено было сохранить свою независимость, «победителей диких пленила». И вряд ли они вспоминают слова из старинного ирландского сказания «Болезнь Кухулина»: «Красота — победа без пролития крови...»

Народы Старого и Нового Света обязаны кельтам значительной частью своей культуры и своей духовности, — достаточно вспомнить о роли ирландских миссионеров в крещении Европы или о «фейных» сказках, которые на протяжении веков рассказывались детям.

Что касается России, то у нас, наряду с возрастающим интересом к кельтской тематике (о чем свидетельствует, например, издание в последние годы множества пересказов и переложений древних текстов), ощущается определенный голод на первоисточники, без которых вместо первоизданного образа воспринимается некоторый муляж (как в свое время произошло с «Оссианом» Макферсона), — что-то вроде популярного жанра «фэнтези». В настоящее время существует три авторитетных сборника переводов древних ирландских сказаний на русский язык, которые, конечно, не охватывают большей части их богатства и многообразия². Необходимость продолжить эту традицию, начатую трудами А. А. Смирнова, С. В. Шкунаева и Т. А. Михайловой, привела к появлению этой книги.

«Если эпос всякого народа отражает национальный облик его, то особенно это можно сказать про эпос ирландский»³. Каков же был этот облик? Древние ирландцы, ветвь великого кельтского племени, владевшего некогда Европой (от легендарной Ultima Thule до Северной Италии и от побережья Атлантики до Дуная), сохранили в основном те черты народного характера, которые отмечены в отзывах греко-римских писателей о кельтах второй половины I тысячелетия до н. э. Вообще, из всех так называемых варваров «на античный мир наибольшее впечатление произвели кельты»⁴. Вот некоторые, наиболее часто встречающиеся, характеристики кельтов:

- непостоянство, нетерпение (*Полибий. Всеобщая история, II, 32, 8*);
- пылкость, страстность (*Тит Ливий. История Рима от основания Города, V, 44, 4*);
- простодушие, легковерие (*Марциал. Эпиграммы, V, 1, 10*);
- любопытство, переимчивость (*Юлий Цезарь. О Галльской войне, IV, 5*);
- бесстрашие, безрассудство (*Аристотель. Эвдемова этика, III, 1, 25*);
- любовь к яркому, пестрому, блестящему (*Страбон. География, IV, 4, 5*);
- хвастовство, заносчивость (*Арриан. Поход Александра, I, 4, 8*).

Перед нами, точнее, перед людьми античного мира, «enfants terribles» тогдашней Европы, которые отличались «выдающимися умственными дарованиями, но не обладали задатками, необходимыми для великой исторической роли»⁵ (если под таковой подразумевать создание Империи). Теперь, по прошествии двух тысяч лет, можно сказать, что кельты были

предназначены совсем для другого. Например, для того, чтобы средневековая Европа читала романы о короле Артуре, рыцарях Круглого Стола, Тристане и Изольде, а Европа современная — романы в жанре «фэнтези», ибо «корни всей этой группы стихотворных и прозаических произведений кроются очень глубоко, в несохранившихся, конечно, устных сказаниях, которые были принесены кельтами — часто даже при переселении их в Европу»⁶.

Греко-римские писатели, кроме указанных выше психологических свойств, подметили две важные особенности уклада жизни кельтов: огромную роль сословия друидов (например, у Юлия Цезаря: *О Галльской войне*, VI, 13—14) и высокую активность женщин (например, у Плутарха: *О доблести женской. Кельтиянки*). Первую из этих особенностей справедливо объясняли уже в Новое время «глубоким идеализмом» кельтов, который выражался, в частности, «в их способности добровольно подчиняться представителям силы нравственной»⁷. Тот же «идеализм», к слову, проявлялся в том, что кельты были, выражаясь современным языком, «визионеры» и «контактеры». Что же касается высокой активности женщин в кельтском обществе, то она, кроме чисто психологического объяснения, имела еще одно, более глубокое: это некая «генетическая матриархальность» кельтской культуры. Например, ирландский сонм богов возглавлялся Женщиной, и звались эти боги по ее имени — Племенем Богини Дану. Эта «матриархальность», конечно, связана и с той самой «детскостью», которую античные авторы заметили в национальном характере кельтов. Здесь уместно привести одну из версий происхождения кельтов, бытовавшую в античности. Диодор Сицилийский сообщает в

«Исторической библиотеке», что у галльского короля Британнуса была дочь по имени Кельтин, которая так гордилась своей необыкновенной внешностью и великой красотой, что пренебрегала всеми, кто искал ее руки. Но когда она увидела Геракла, она почувствовала, что ее холодность исчезла, и испытала такое желание быть любимой, что похитила быков Гериона, которых вел этот герой, и не соглашалась вернуть их ему, пока он не уступил ей. После этого она родила сына, которого назвали Кельтом (или Галатом) и который дал свое имя кельтам (галатам)⁸. Не столь важно, имела ли эта легенда какую-нибудь историческую основу и в какой среде она зародилась и бытовала — в кельтской или греческой. Важно то, что, согласно этой легенде, у колыбели кельтского племени стоял мощный и «красноречивый» образ Женщины, подобия которого то и дело являются в кельтской и, особенно, в ирландской традиции.

Древние ирландцы, если судить по дошедшим до нас источникам, а это прежде всего сказания или «повести», вполне сохранили общекельтские черты национального облика и жизненного уклада. Ирландские сказания — важнейшая составная часть Традиции, хранителями которой в разное время являлись три сословия: друиды, филиды (поэты-мудрецы) и, наконец, монахи⁹. Уже в Новое время функция главных хранителей Традиции осталась за народными сказителями — знатоками старины. Устная традиция, сохранившаяся благодаря ученым поэтам, наследникам друидов, превратилась в письменную трудами монахов после крещения Ирландии в V веке: именно монахи записали и обработали сказания, которые таким образом дошли до нас. Записанные

в XI—XV веках, эти сказания принадлежат, однако, гораздо более раннему времени. Вместе с тем продолжала жить (и дожила до XX века) традиция устная, восходящая к тем же истокам. Об устных преданиях можно сказать: «Что касается их формы, характеров и мотивов, они имеют очень много общего с теми записанными в средневековых рукописях текстами, которые по сей день составляют славу и гордость ирландской литературы»¹⁰.

Одна из «сквозных» тем, объединяющих устные предания и «повести» — излюбленная в кельтской Традиции тема встречи с женщиной из Иного Мира. Ирландские «повести» и предания очень хорошо иллюстрируют многие идеи Юнга, Кэмпбелла и их последователей; например, хорошим комментарием к этим текстам может служить такой пассаж: «Женщина является проводником к возвышенному кульминационному моменту чувственной авантюры. Несовершенный взор низводит ее до низшего состояния; злой взор невежества превращает в банальность и безобразие. Но взор понимания восстанавливает ее в ее величии. Герой, который может принять ее такой, как она есть, без излишнего смятения, но с той сердечностью и твердостью, которых она требует, — потенциальный царь, воплощенный бог ее сотворенного мира»¹¹.

Мы не случайно «перескочили» от седой древности к Юнгу и Кэмпбеллу: берем на себя смелость утверждать, что ирландские сказания по-своему актуальны и важны для современного человека; они затрагивают «проблемы души нашего времени». Тот же Кэмпбелл, к примеру, приводит сновидение юноши, ищущего путь к новому пониманию окружающего мира: «Зеленая страна, где пасется много овец. Это „страна

овец". Неизвестная женщина стоит в стране овец и указывает мне путь»¹². Так, по неведомой причине, из глубин души современного человека вдруг всплывает образ «зеленого Эрина», то есть Ирландии; а быть может, образ Обетованной Страны из ирландских сказаний, — и тут же образ феи-сиды, вестницы и проводницы из Иного Мира. Впрочем, эти образы никогда и не покидали человека «внутреннего» и продолжали жить в его «коллективном бессознательном». Для таких людей кельтская Традиция особенно привлекательна. Для других она интересна своим забавным — наивным и грубоватым — эстетизмом, который имеет, однако, серьезные основания и в душе, и в укладе жизни кельтов. Третьи, быть может, удивятся своеобразию некоторых нравов и стереотипов поведения и т. д. и т. п. При всем при том, следует особое внимание обращать на комментарии, зная, что каждый текст образует со своим комментарием некоторое единство; «нельзя просто пересказывать древние кельтские предания без комментариев»¹³, а тем более читать и переводить их древние тексты.

Главная задача, которую мы ставим перед собой при переводе и издании этих текстов, — это показать первоначальный национальный облик и дать почувствовать невидимую кельтскую Душу, — в данном случае душу древних ирландцев. Поэтому мы стремились отбирать тексты по двум критериям — их выразительности и авторитетности их источника. Большинство текстов, собранных в этой книге, содержится в рукописных сводах XII—XV веков, несколько текстов взято из знаменитой «Истории Ирландии», написанной в XVII веке Джеффри Китингом, и несколько — из устной традиции ирландских сказителей в записи авторитетных кельтологов. Почти все эти

тексты переводятся на русский язык впервые — кроме трех из них, особая значимость которых потребовала перевести их еще раз после А. А. Смирнова. (Это: «Приключение Конлы Красного», «Приключение Кормака в Обетованной Стране» и «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк»). После каждого текста даются примечания с указанием источника перевода.

Перед нами не стояла задача дать комментарий к переводимым текстам в полном объеме, однако к наиболее важным местам для понимания ирландской или общекельтской своеобразности даны развернутые примечания. Следует заметить, что примечания, как и тексты, часто дополняют друг друга.

Мы стремились как можно меньше обрабатывать текст в литературном отношении. Поэтому язык в некоторых местах кажется темным и грубоватым (особенно это касается стихотворных фрагментов; обычно они «темны» и в оригинале).

Тексты расположены без учета принятого деления ирландских сказаний по циклам: мифологический, героический, цикл Финна и королевский цикл (большая часть сказаний первых двух циклов уже переведена А. А. Смирновым и С. В. Шкунаевым). В нашем сборнике все тексты можно свести к трем главным темам:

- кельтский Иной Мир;
- кельтская Женщина;
- кельтский Король.

Однако любой текст из выбранных нами богаче какой-нибудь одной «темы», и мы не ставили иной задачи при отборе текстов, кроме как представить выразительные первоисточ-

ники, дающие возможность — если нам хоть в какой-то мере удалась наша работа — «познакомить читателя» с кельтской Душой и миром древних ирландцев.

С. В. Шабалов

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1996. С. 5.

² Ирландские саги / Пер. и коммент. А. А. Смирнова. Л.: Academia, 1929. (Сокровища мировой литературы); то же: Ирландские саги / Пер., предисл., вступ. ст. и коммент. А. А. Смирнова. 2-е изд., испр. М.; Л.: Academia, 1933. (Сокровища мировой литературы); то же: Ирландские саги / Пер. А. А. Смирнова. М.; Л.: Гослитиздат, 1961; Похищение быка из Куальнге / Изд. подгот. Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев; Примеч. С. В. Шкунаева. М.: Наука, 1985. (Литературные памятники); Предания и мифы средневековой Ирландии / Под ред. Г. К. Косикова; Сост., пер., вступ. ст. и коммент. С. В. Шкунаева. М.: МГУ, 1991. (Университетская библиотека).

³ Смирнов А. А. Древнеирландский эпос // Исландские саги. Ирландский эпос. М.: Худож. лит., 1973. С. 549. (Б-ка всемирной литературы. Сер. 1).

⁴ Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000. С. 5.

⁵ Моммзен Т. История Рима. Миниздат, 1993. С. 43—44.

⁶ Грифцов Б. А. Теория романа. М., 1927. С. 48.

⁷ Стороженко Н. И. Очерк истории западноевропейской литературы: Лекции, читанные в Московском Университете. М., 1908. С. 34.

⁸ Изложено по: Larousse P. Grand Dictionnaire Universel du XIX siecle. Paris. T. 3. P. 691.

⁹ Шкунаев С. В. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. С. 5—30.

¹⁰ Рис А., Рис Б. Наследие кельтов = Celtic Heritage: Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. Т. Михайловой. М.: Энигма, 1999. С. 16.

¹⁰ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Пер. А. П. Хомик. М.; Киев: Рефл-бук: АСТ: Ваклер, 1997. С. 119. (Astrum sapientiae).

¹² Там же. С. 66.

¹³ Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. С. 27.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ КОНЛЫ КРАСНОГО

Почему Арт Одинокый был так прозван? Нетрудно сказать. Конла Красноволосый, сын Конна Ста Битв, был однажды со своим отцом на высотах Уснеха, когда он увидел женщину в странном одеянии. Конла сказал: «Откуда пришла ты, женщина?» Женщина ответила: «Я пришла из Страны Живых, где нет ни смерти, ни греха, ни преступления. Мы наслаждаемся беспрестанными пирами без надобности их готовить. У нас доброжелательство без распрей. Мы живем в большом сиде, откуда мы прозваны Народом Сидов». — «С кем ты разговариваешь?» — сказал Конн своему сыну, ибо никто не видел женщины, кроме одного Конлы. Женщина отвечала:

*Он разговаривает с юной прекрасной женщиной
Из благородного племени,
Которое не ждет ни смерти, ни старости.*

*Я полюбила Конлу Красновололого
И призываю его на Равнину Блаженств,
Где Боадаг — вековечный король,
Король без плача и без скорби в его земле,
С тех пор как он стал правителем.
Пойдем со мной, Конла Красноволосый,
С пестрой — золото на румянце — шеей
И глазами как пламя свечей!
Золотая корона на тебе
Над твоим румяным лицом
Будет венцом твоей царственности.
Если пойдешь ты со мной,
Твой облик не увянет в своей юности и красоте
Вплоть до Судного Дня Апокалипсиса.*

Конн сказал своему друиду по имени Коранн, когда они услышали все, что сказала женщина, которую они не могли видеть:

*Я умоляю тебя, Коранн,
Великий в пении, великий в умении;
Я пересилен силою, которая больше, чем мой совет,
Которая больше, чем крепость моя,
Борьбою такой, что мне не являлась,
С тех пор как я получил королевство,
Обманчивой битвой с невидимым образом,
Который подавляет меня, чтобы прочь утащить
Моего пригожего сына волшебными чарами;
Он похищен от моего королевского бока
Через чары женщины.*

Тогда друид спел заклятие против голоса женщины, так что никто не слышал ее голоса, а Конла не видел женщину в это

время. Когда женщина удалялась под пересиливающую песнь друида, она бросила Конле яблоко. Месяц после этого Конла был без еды и питья и не имел желания есть никакую пищу, только свое яблоко. Однако, сколько он ни ел, яблоко не уменьшалось, а было по-прежнему целым. Тогда тоска охватила Конлу по женщине, которую он увидел. Однажды по прошествии месяца Конла был рядом со своим отцом на равнине Архоммин. Он увидел, как пришла та же женщина, и она сказала ему:

*На высоком троне сидит Конла
Среди преходящих Смертных,
Ожидających смерти пугающей.
Бессмертные Живые приглашают тебя;
Они призовут тебя к племени Тетры,
Которое видит тебя каждый день
В собраньях твоей родимой земли
Среди дорогих твоих ближних.*

Когда Конн услышал голос женщины, он сказал своим спутникам: «Позовите друида ко мне! Я вижу, что язык у нее распустился сегодня». Тогда женщина сказала:

*Конн Ста Битв, не люби друидство,
Ибо в скором времени придет человек справедливый
Со многими общинами, многими и замечательными,
Чтобы дать правосудие нашим дальним берегам;
Вскоре его Закон достигнет тебя.
Он рассеет чары друидов, с их дурным учением,
На виду у Дьявола, Черного Мага.*

Конн удивился тогда, что Конла ни с кем не заговорил, когда пришла женщина. «Это проникает в твое сердце, то, что

говорит женщина, Конла?» — спросил Конн. Конла сказал: «Это нелегко для меня, ибо я люблю мое племя; все же тоска по женщине охватила меня». Женщина сказала:

*Ты борешься — труднейшее из желаний —
С волной твоей страсти, что отрывает тебя от них;
В моей хрустальной лодке мы могли бы
Придти к сиду Боадага,
Если б сумели его достичь.
Есть иная земля, которую не худо сыскать;
Солнце садится, я вижу это, —
Хоть она далека, мы достигнем ее до ночи.
Это земля, которая радует
Сердце каждого, кто познаёт ее;
Нет там иного рода, —
Там только женщины и девушки.*

Тогда Конла прыгнул прочь от них в хрустальную лодку. Те увидели их в отдалении; едва можно было проследить глазами, как они уплывали по морю. С той поры по сей час их не видели.

И тогда Конн сказал, поглядев на Арта: «Сегодня Арт оставлен одиноким». Отсюда он стал зваться «Арт Одинокий».

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в древнейшем сохранившемся рукописном своде под названием «Книга Бурой Коровы», составленном около 1100 года. По преданию, пергамент этой «Книги» был изготовлен из шкуры коровы, принадлежавшей одному известному ирландскому святому — Киарану. Как и в других случаях, переписанные в своде

сказания гораздо древнее самого свода: так, «Приключение Конлы Красного» кельтологи относят к VIII веку; и это не говоря уж о том, что в устном виде сказание могло бытовать на много веков раньше.

На русский язык этот текст впервые был переведен А. А. Смирновым (*Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда Ста Битв // Ирландские саги / Пер., предисл., вступ. ст. и коммент. А. А. Смирнова. М.; Л.: Academia, 1929*). Несмотря на все достоинства этого перевода, он был не совсем полон, сокращались, в частности, стихотворные фрагменты — и, быть может, слишком приближен к русскому читателю. Наш перевод сделан по изданию: *Jackson K. H. A Celtic miscellany: Translations from the Celtic Literatures. London, 1971*.

Мы вернулись к общепринятому названию текста — «Приключение Конлы 'Красного», или иногда «Приключение Конлы». Кроме того, хотя в других случаях мы придерживаемся транскрипции ирландских собственных имен по Смирнову, в этом случае (Конла, Конни) мы используем варианты англоязычной кельтологии.

Сказание это неслучайно открывает наш корпус текстов: оно и вправду является ключом к кельтской душе.

Арт Одинокий — брат Конлы, сын Конна Ста Битв, был верховным королем Ирландии, согласно хроникам, в 165—195 годах, после своего отца Конна. О нем существует особое сказание, повествующее о его путешествии в Иной Мир, — «Приключение Арта, сына Конна», которое мы приводим в этой книге. Из этого путешествия Арт, в отличие от своего брата Конлы, благополучно вернулся. Погиб он в междоусобной борьбе, как это описывается в сказании «Битва при Маг Мукрима» [52]. Арт Одинокий имел знаменитого сына — короля Кормака, одного из самых любимых королей ирландской традиции (см. «Приключение Кормака в Обетованной Стране»).

Нетрудно сказать. — Традиционное начало рассказа о происхождении того или иного имени; в основном это касается географических названий: так начинаются предания «диндсенхас» — «Старина мест», своеобразный топографический словарь древней Ирландии.

Конла Красноволосый — в другом варианте перевода просто Красный. Прозвище скорее всего связано с огненно-рыжим цветом волос Конлы, распространенным среди ирландцев. Известно, что кельты в древности даже подкрашивали волосы, отчего тогда сложилась поговорка: «Что ты красишься как кельт?» У римского историка Тита Ливия говорится, что у кельтов были «длинные, крашенные в рыжий цвет волосы» (*История Рима, XXXVIII, 17, 3*). Если же принять вариант перевода «Конла Красный», то следует учесть, что «Красный» означает здесь, как и в русском фольклоре, и «Красивый», и действительно «Красный». В ирландской традиции и кельтской традиции вообще понятия «красивого» и «красного» совпадают: ирландский язык — язык «красной» культуры [41]. Любовь к красному цвету в различных оттенках заметна во многих ирландских сказаниях. Это один из цветов, присущих облику и одеянию обитателей Иного Мира. В сказании «Болезнь Кухулина» прямо говорится: «Ведь все красное — красиво» [14].

Конн Ста Битв — отец Конлы и Арта, один из легендарных королей ирландской традиции, согласно хроникам правивший в 123—157 гг. Прозвание свое получил за сто битв, в которых сразился с областными королями Ирландии. С его рождением связывают различные чудеса, произошедшие в стране, а его правлению приписывают процветание Ирландии (см. «Видение Фингена» [52]). Согласно преданию, оказавшись в Ином Мире, Конн услышал пророчество о своих

потомках, которым предназначено править страной после него, — от бога Луга и богини, олицетворяющей ирландскую землю. Однако один из этих потомков — его сын Конла — исчез для этого мира, увлеченный феей-сидой в Волшебную Страну.

Высоты Уснеха — находились в центральном, «срединном» королевстве Ирландии — Миде (Мит), к юго-западу от столицы верховных королей Ирландии — Тары. Уснех был вторым после Тары священным центром древней Ирландии. Предание называет Уснех «пупом страны»; отсюда излились двенадцать главных рек Ирландии, здесь же, на холме Уснеха, друидом по имени Миде был зажжен первый священный огонь страны. Уснех считался центром, где «сходились» границы четырех древних королевств Ирландии: Улада (север), Мунстера (юг), Лейнстера (восток) и Коннахта (запад); пятым было Миде с двумя священными столицами — Тарой и Уснехом (центр страны). Высоты Уснеха расположены в округе Конри теперешнего графства Вестмит.

...увидел женщину в странном одеянии. — Любовь сверхъестественного существа женского рода (по-ирландски «сиды», или «ши») к смертному и его увод из этого мира — излюбленный сюжет ирландских сказаний. Подобная любовь «привязывается к какому-нибудь избранному смертному, который с тех пор потерян для человеческих чувств и становится тем, что в языческие времена называли «нимфолепт» [83, р. 81]. В сказании об исчезновении Конлы голос феи, голос Иного Мира, оказывается сильнее голоса крови, голоса родственных и человеческих привязанностей Конлы, который обречен, как и многие другие персонажи кельтской традиции, на роль «сопротивляющегося любовника». «Странное» нужно понимать как «нездешнее», выдающее принадлежность к Иному Миру.

Страна Живых — одно из названий чудесного кельтского Иного Мира. Среди других его названий — Страна Юности, Страна Обетованная, Страна Женщин, Страна Под Волнами, а также Равнина Блаженств, Равнина Игр, Остров Яблок и некоторые другие. «Живыми» обитатели Иного Мира называют себя в противоположность людям, которые для них не более как «смертные» [78, р. 142]. Ни одно кельтское, в том числе ирландское, повествование не обходится без присутствия Иного Мира и его обитателей.

Сид — в современном произношении «ши», что означает «мир, покой»; в ирландской традиции чудесный холм, бесчисленное множество которых было рассеяно по всей Ирландии. Сиды были обиталищами одноименных существ, сидов женского и мужского рода, послуживших прототипами средневековых фэй и эльфов. Происхождение расы сидов таково: некогда поверхность Ирландии заселяло Племя Богини Дану — сонм ирландских (общекельтских) божеств, которые фигурируют в так называемом мифологическом цикле ирландских сказаний. С приходом людей — предков ирландцев — это Племя было вынуждено уступить поверхность Ирландии людям. «Многие из богов отказались покинуть Ирландию и обосновались в тайных жилищах под старыми крепостями и зелеными холмами, создав новые королевства под землей. С тех пор Племя Богини Дану (Туата Де Дананн) известно как Аэс Сиде, или Раса Холмов» [72, р. 30—31]. С другой стороны, боги, покинувшие Ирландию, стали обитателями Иного Мира где-то к западу от страны, на чудесных Островах. Поэтому «география» Иного Мира в ирландских сказаниях двойственна: он расположен и в волшебных холмах-сидах, и где-то за морем. Возможно, что изначально Расу Холмов понимали как сонм умерших. К этому пониманию возвратились, празднуя Хеллоуин (кельтский Самайн) как День поминовения усопших.

А. А. Смирнов, первый переводчик ирландских сказаний на русский язык, отмечал, что в подлиннике звучит непередаваемая игра слов («В большом сиде обитаем мы»), чтобы сделать призыв женщины еще более привлекательным [16, с. 129].

...никто не видел женщины, кроме одного Конлы. — Сиды, обитатели сидов-холмов, обладали даром невидимости для смертных, так называемым Фет Фиада, который они получили от своего короля Мананнана, уходя в свое время в холмы от людей. Этим даром, однако, они могли не пользоваться и являлись взору тех, кого выбрали для общения. Из всех присутствующих фею-сиду видит только Конла, ибо он-то ей и нужен.

Равнина Блаженств — одно из устойчивых наименований Иного Мира, языческого рая в ирландских сказаниях. Особенно подробно эта Равнина и ее обитатели «нарисованы» женщиной-вестницей в сказании «Плавание Брана» [14].

Боадаг — это имя иномирного короля встречается только в данном сказании. Обычно владыкой Иного Мира сказания называют Мананнана, сына Лира.

С пестрой — золото на румянце — шейей... — Это выражение нужно понимать как «румяная, украшенная золотым ожерельем» [14, с. 291]. У кельтов и, в частности у древних ирландцев, кроме любви к красному цвету, была еще очень распространена страсть к украшению себя, особенно золотом. Это отмечали такие древние писатели, как Диодор Сицилийский, Страбон, Тит Ливий и другие. При этом мужчины были подвержены этой страсти ничуть не меньше женщин.

Так, Страбон в своей «Географии» писал: «Вдобавок к простодушью и хвастости у них еще много глупости и хвастовства, а также страсти к украшению, ибо они не только носят золотые украшения — ожерелья вокруг шеи и браслеты на руках и запястьях, но и сановники носят разноцветную расшитую золотом одежду» (*География, IV, 5*). Еще раньше Страбона об этом же писал Полибий во «Всеобщей истории»: у галлов, писал он, «в первых рядах не было ни одного воина, который бы не имел на себе золотого ожерелья или браслетов», причем «золотое ожерелье, которое галаты носят на шее», называется маниаком (*Всеобщая история, II, 29, 8; II, 31, 5*). У Тита Ливия это ожерелье называется торквесом, и одно такое снимает с шеи побежденного в единоборстве галла римский воин Тит Манлий, получивший прозвание Торкват (*История Рима, VII, 10, 5—14*). Наконец, приведем известное место из «Энеиды» Вергилия, описывающее галлов:

*Золотые у них волосы, золотое и платье,
Блещет в полосках хитон, и их молочные шеи
Золотом окружены...*

[5, с. 659—661]

...как пламя свечей! — Это сравнение свидетельствует о том, что составитель или переписчик сказания был христианским монахом, в чем нет никакого сомнения, ибо именно монахи со времени крещения Ирландии святым Патриком в V веке были хранителями древней языческой традиции, существовавшей прежде изустно.

Вплоть до Судного Дня... — В ирландских сказаниях не стоит удивляться христианским речам в устах обитателей Иного Мира. Это не искусственные вставки монахов-переписчиков. Персонажи из Племени Богини Дану, различные феи-сиды предстают верующими в истинного

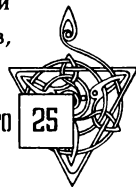

Бога, пророчествуящими о тех или иных событиях христианской Истории. Возможно, уже во времена первых записей этих сказаний природу сидов понимали так, как ее понимали ирландские крестьяне в XIX веке: «Всеобщее верование крестьянства в том, что существующие фэйри — это те ангелы, которые, открыто не присоединившись к Сатане в его восстании, не противостояли ему. Их будущая участь будет определена в Судный День» [83, р. 142].

...сказал своему друиду... — Могущественное сословие кельтских жрецов-друидов, хранителей священного Знания и вершителей обрядов (они же — маги, врачи, учителя, судьи...) обладало такой значимостью, что один из греко-римских писателей заметил: цари у кельтов ни делать, ни решать что-либо без друидов не могли. Власть друидов описана многими древними авторами, например, Юлием Цезарем в «Записках о Галльской войне», но не сохранилось системы их Веры и Знания. В ирландских сказаниях друиды появляются, чтобы служить посредниками между обитателями Иного Мира и этого. Друид короля Конна по имени Коранн упоминается и в других источниках, например в сказании «Видение Фингена» [52].

Великий в пени... — Песни друидов, а затем поэтов-сказителей «филидов» были формой сохранения Знаний и способом воздействия на окружающий мир. Они, в частности, служили оружием против видимых и невидимых врагов — как, например, песни поношения.

...бросила Конле яблоко. — Яблоко — самый распространенный «залог», который оставляют выходцы из Иного Мира. Кельтский Иной Мир, между прочим, представлялся Страной, где растет невянувший яблоневоый лес; это отразилось в таких названиях чудесных Островов,

как Абла, или Авалон (Остров Яблок). Кельтский языческий рай справедливо сравнивают с Садом Гесперид, куда отправился греческий Геракл, — по двум характеристикам: Страна Женщин и Страна Яблок. Оставляя яблоко Конле, фея делает Конлу «своим», причастным уже не столько этому, сколько Иному Миру. Яблоко или яблонева ветвь, как в «Плавании Брана», — это атрибут героини Иного Мира, залог ее возвращения и ее власти над смертным.

Равнина Архоммин. — Точное местоположение этой равнины неизвестно. Однако она должна быть где-то неподалеку от Тары и Уснеха, в том же королевстве Миде.

Тетра — божество Иного Мира, которое в иных сказаниях называется, как и Мананнан, правителем счастливого сообщества Живых, Племени Тетры. Однако сказания упоминают его не часто и очень скупое, поэтому о нем мало что можно сказать. Тетра, как и Мананнан, связывается с морем («скотом» того и другого именуется рыба).

...придет человек справедливый... — Исследователи полагают, что этими словами фея-сида пророчествует о приходе апостола и крестителя Ирландии, ее святого покровителя Патрика, в V веке, то есть через триста лет после описываемых в сказании событий. Святой Патрик действительно преобразовал Ирландию духовно; он и его ученики, судя по житиям, неизменно выходили победителями в спорах с друидами. В «Трехчастном житии Патрика» содержится рассказ о конфликте между ним и друидами столицы верховных королей Тары, в ходе которого святому удается превзойти друидов: он первым зажигает священный огонь и побеждает их в магических состязаниях,

демонстрируя свою высшую власть над миром света и тьмы, огня и воды [54, с. 89].

Мощь и авторитет друидов сошли на нет, однако никакой настоящей борьбы не было, а напротив, была преемственность двух традиций — языческой и христианской [52, с. 5—30]. Ирландская церковь долгое время стояла особняком; ее упрекали в друидическом наследстве. Ирландские святые, проповедовавшие по всей Европе в раннее средневековье, во многом были наследниками друидов [18, с. 238].

Там только женщины и девушки. — Иной Мир нередко называется Страной Женщин, или Страной Нестареющих Женщин, откуда некоторые из них приходят в наш мир как вестницы и проводницы. «С точки зрения средневекового человека, в таких местах, как волшебные холмы или острова бессмертия, главенствующая роль женщин не вызвала никаких сомнений» [54, с. 44].

...в хрустальную лодку. — Хрусталь (стекло) в кельтской традиции часто фигурирует как материал для изделий, произведенных в Ином Мире. Отметим, что у кельтов-бриттов Остров Яблок (Авалон) назывался еще иногда Стеклянным Островом (Инис Витрин). Транспортное средство, связующее наш мир с Иным, должно быть изготовлено из «иномирного» материала — в данном случае, хрусталя. Подобный материал, разграничивающий и вместе с тем связывающий два Мира, вообще играет в кельтской традиции большую роль; часто это так называемая белая бронза.

...уплывали по морю. — В этом сказании отразилось двойное представление о географии Иного Мира: с одной стороны, он находится

в холмах-сидах Ирландии, с другой стороны — за морем. Такая двойственность проходит через всю ирландскую традицию.

...стал зваться «Арт Одинокий». — «История Ирландии» Дж. Китинга, написанная в первой половине XVII века, доносит более прозаическую версию происхождения прозвища Арта. Он был прозван Арт Одинокий, ибо из сыновей своего отца единственный остался в живых, в то время как его два брата, а именно Конла и Крионна, были убиты Эохайдом Фионом, братом Конна [80].

ОЖИЖИ В ТИР НА Н-ОГ

Был король в Тир На Н-Ог, который много лет хранил трон и корону от всех пришельцев; а закон королевства был таков, что в каждую седьмую годовщину поборники и лучшие люди страны должны были бежать ради должности короля. Раз в семь лет все они встречались перед дворцом и бежали на вершину холма, отстоявшего за две мили. На вершине этого холма было кресло, и тот человек, который первым садился в это кресло, становился королем Тир На Н-Ог на следующие семь лет.

После долгого правления король стал беспокоен; он боялся, что кто-нибудь сумеет сесть в кресло раньше него и снимет с его головы корону. Поэтому однажды он призвал своего друида и спросил: «Долго ли сохраню я кресло, чтобы править этой страной, сядет ли кто-нибудь в него прежде меня и снимет ли корону с моей головы?»

«Ты сохранишь кресло и корону навсегда, — сказал друид, — если твой зять не отберет их у тебя».

У короля не было сыновей, а только одна дочь, самая прекрасная женщина в Тир На Н-Ог, и подобной ей нельзя было найти ни в Эрине, ни в любом другом королевстве мира. Когда король услышал слова друида, он сказал: «У меня не будет зятя, ибо я сделаю дочь такой, что никто не женится на ней».

Затем он взял жезл друидических чар и, приказав дочери встать перед ним, ударил ее жезлом и сотворил свиную голову на месте ее собственной. Затем он отослал дочь на ее место в замке, и, повернувшись к друиду, сказал: «Нет человека, который бы женился на ней теперь».

Когда друид увидел облик принцессы со свиной головой, данный ей отцом, он очень огорчился, что сообщил такие сведения королю, и некоторое время спустя пошел повидать принцессу. «Должна ли я остаться в этом облике навсегда?» — спросила она друида. «До тех пор, — сказал он, — пока ты не соединишься с одним из сыновей Финна Мак Кумала в Эрине. Если ты соединишься с одним из сыновей Финна, ты освободишься от уродства и получишь назад собственную голову».

Когда она услышала это, ее охватило нетерпение и она не могла успокоиться, пока не покинула Тир На Н-Ог и не прибыла в Эрин. Она разузнала, что Финн и фении Эрина жили в это время на Кнок Ан Ар; она немедленно проделала туда путь и до поры жила там; а когда она увидела Ойсина, он понравился ей; а когда она узнала, что он был сыном Финна Мак Кумала, она стала все время поджидать его и стремиться к нему.

И было в обычае у фениев в те дни выходить охотиться на холмы и горы и в леса Эрина, и, когда один из них шел, он всегда брал с собой пять или шесть человек, чтобы нести домой дичь.

Однажды Ойсин отправился со своими людьми и собаками в леса; и он зашел так далеко и убил так много дичи, что когда ее собрали воедино, люди оказались так усталы, обессилены и голодны, что не могли тащить ее, а пошли восвояси, и пришлось ему с тремя собаками: Браном, Скьоланом и Бугленом, — рассчитывать на самого себя.

В это время дочь короля Тир На Н-Ог, что сама была королевой Юности, тайно следовала за охотой весь тот день, и, когда люди покинули Ойсина, она появилась перед ним; пока он стоял, взирая на огромную грудку дичи, и говорил: «Мне очень жаль бросить что-нибудь из того, что я сумел подстрелить». Она посмотрела на него и сказала: «Сделай мне связку, и я потащу ее, чтобы облегчить тебе ношу». Ойсин дал ей тащить связку дичи, а оставшееся взял сам. Вечер был очень жарким, а дичь тяжелой, и, после того как они прошли некоторое расстояние, Ойсин сказал: «Давай отдохнем немного». Они оба сбросили свою ношу и прислонились спинами к большому камню, что стоял у края дороги. Женщине было жарко, она задыхалась и распахнула свое платье, чтобы освежиться. Тут Ойсин посмотрел на нее и увидел ее красивое тело и белую грудь.

«Эх, — сказал он, — как жаль, что на тебе голова свиньи; ибо я никогда не видел женщину такой наружности за всю мою прежнюю жизнь». — «Хорошо, — сказала она тогда, — мой отец — король Тир На Н-Ог, и я была лучшей женщиной в его

королевстве и самой красивой из всех, пока он не положил на меня друидические чары и не дал мне свиную голову, что на мне теперь, вместо моей собственной. И друид Тир На Н-Ог пришел ко мне потом и сказал мне, что если один из сыновей Финна Мак Кумала женится на мне, свиная голова пропадет, и я получу назад мое лицо таким, каким оно было до того, как мой отец ударил меня друидическим жезлом. Когда я услышала это, я не останавливалась, пока не пришла в Эрин, где я нашла твоего отца, и выбрала тебя между сыновьями Финна Мак Кумала, и следовала за тобой, чтобы увидеть, женишься ли ты на мне и сделаешь ли меня свободной».

«Если ты в таком положении, и если соединение со мной освободит тебя от чар, я больше не оставляю на тебе свиной головы».

Так они без промедления стали мужем и женой, не дожидаясь, пока донесут домой дичь или поднимут ее с земли. В этот момент свиная голова исчезла, и дочь короля получила то же лицо и красоту, что были у нее до того, как отец ударил ее друидическим жезлом.

«Теперь, — сказала королева Юности Ойсину, — я не могу оставаться здесь дольше, и, если ты не пойдешь со мной в Тир На Н-Ог, мы должны разлучиться». — «Ох, — сказал Ойсин, — куда бы ты ни шла, пойду и я, и куда бы ни направилась, я последую за тобой».

Затем она повернулась, и Ойсин пошел с ней, не возвращаясь к Кнок Ан Ар, чтобы увидеть своего отца или сына. Весь тот день они добирались до Тир На Н-Ог и ни разу не останавливались, пока не пришли к замку ее отца; и, когда они пришли, их приняли хорошо, поскольку король думал, что его дочь пропала.

В этот самый год следовало избрать короля, и, когда намеченный день в конце семилетия пришел, все знатные люди и поборники, и сам король, встретились перед замком, чтобы бежать и увидеть, кто окажется первым в кресле на холме; но прежде чем один из них был на полпути к холму, Ойсин восседал в кресле перед ними. С этих пор никто не дерзал бежать за королевскую должность против Ойсина, и он провёл много счастливых лет как король в Тир На Н-Ог.

Наконец, он сказал своей жене: «Я хотел бы оказаться сегодня в Эрине, чтобы увидеть моего отца и его людей».

«Если ты пойдешь, — сказала его жена, — и поставишь ногу на землю Эрина, ты никогда не вернешься сюда ко мне и станешь слепым стариком. Сколько минуло, ты думаешь, с тех пор, как ты пришел сюда?»

«Около трех лет», — сказал Ойсин.

«Три сотни лет, — сказала она, — прошло с тех пор, как ты пришел в это королевство со мной. Если ты должен отправиться в Эрин, я дам тебе этого белого коня, чтобы отвезти тебя; но если ты сойдешь с коня или коснешься своей ногой земли Эрина, конь в ту же минуту вернется, а ты останешься там, где он покинет тебя, жалким стариком».

«Я вернусь, ничего страшного, — сказал Ойсин. — Разве нет у меня хорошей причины вернуться? Но я должен увидеть моего отца, моего сына и моих друзей в Эрине еще раз; я должен хоть однажды взглянуть на них».

Она приготовила коня для Ойсина и сказала: «Этот конь доставит тебя куда бы ты ни пожелал».

Ойсин ни разу не останавливался, пока конь не коснулся земли Эрина; и он ехал, пока не прибыл к Кнок Патрик в

Мунстере, где он увидел человека, пасущего коров. На поле, где паслись коровы, лежал широкий плоский камень. «Ты подойдешь сюда, — сказал Ойсин пастуху, — и перевернешь этот камень?»

«Конечно, нет, — сказал пастух, — ибо ни я не мог бы поднять его, ни двадцать человек поболее меня».

Ойсин подъехал к камню, наклонившись, захватил его рукой и перевернул. Под камнем был великий рог фениев, борабу, который закручивался как морская раковина, а было правило, что когда любой из фениев Эрина подует в борабу, другие тотчас соберутся, в какой бы части страны они ни находились в это время.

«Поднесешь ты этот рог ко мне?» — спросил Ойсин у пастуха. «Нет, — сказал пастух, — ибо ни я, ни многие поболее меня не могли бы поднять его с земли».

С этим Ойсин потянулся к рогу и, наклонившись, взял его в руку; но так ему не терпелось подуть в него, что он все забыл, и соскользнул так, что одна его нога коснулась земли. В мгновение конь исчез, а Ойсин лежал на земле слепым стариком. Пастух пошел к святому Патрику, который жил неподалеку, и рассказал ему, что случилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

Источник этого текста — устное предание. Оно записано в 1887 году на западе Ирландии и, как подчеркивает собиратель, «из уст людей, говоривших только по-гэльски». Наш перевод выполнен по изданию: *Curtin J. Myths and Folklore of Ireland. Boston, 1890.* Кельтологам известно, что Традиция, которая некогда и начиналась изустно,

в последние века снова стала главным образом достоянием «уст», уст сказителей — знатоков старины. Между сказаниями, записанными в Средние века ирландскими монахами, и сказаниями, сохранившимися в устах хранителей из народа, нет никакой пропасти: они восходят к единой «подпочве» Традиции. Средневековой рукописи с текстом сказания об Ойсине в Стране Вечной Юности нет: это сказание из века в век сохранялось в устной форме. В нем и теперь явственно проглядывает архаический облик.

В свое время поэт XVIII века Микеаль Куймин создал на этот сюжет длинную поэму, которая, однако, вряд ли может послужить авторитетным источником: это произведение человека своего времени (хотя именно эту поэму чаще всего излагают в стихах или прозе различные антологии). Несмотря на сравнительную «бедность» нашего текста, мы выбрали для публикации как раз его. Он представляется нам «доподлиннее» в смысле архаической простоты и выразительности. Что же касается сюжета, то он — один из самых излюбленных среди кельтских сказителей и слушателей Ирландии и Шотландии вот уже много веков. (Пересказ этого сюжета по М. Куймину можно найти в книге: *Old Celtic romances / Transl. from Gaelic by P. W. Joyce. London, 1879; Dublin: Talbot press, 1961*; русский перевод: *Кельты. Ирландские сказания / Пер. с англ. Л. Володарской. М., 2000*). На русском языке наш текст публикуется впервые. Мы сочли целесообразным перевести только первую — наиболее выразительную часть сказания, так как вторая повествует о встрече героя со святым Патриком и имеет более позднее происхождение.

Ойсин — в шотландской традиции Оссиан, сын знаменитого вождя и мудреца-воина Финна Мак Кумала, жившего в III веке, при короле Кормаке Мак Арте. Ойсин («оленок») родился, когда его

мать, фея-сида по имени Садб, была превращена чарами ревливой соперницы в олениху. Ойсин вместе со своим отцом Финном руководил дружиной воинов-охотников, «фениев», был первоклассным воином и поэтом. Именно Ойсину приписывают авторство большинства поэтических произведений, входящих в цикл Финна (цикл Ойсина), — огромный пласт ирландской и шотландской письменной и устной традиции. Главное в истории Ойсина — то, что он благодаря своему пребыванию в Стране Юности сумел пережить своих современников на несколько веков и рассказать о них потомкам. Так, собственно, и создался цикл Ойсина и его отца Финна. Ойсин приобрел мировую известность, когда в XVIII веке шотландец Джеймс Макферсон на основе устных преданий издал собственное сочинение — «Поэмы Оссиана» [32]. Что касается самих гэлов — коренных жителей Ирландии и Шотландии, — то для них Ойсин (Оссиан) всегда был не просто любимым персонажем, но абсолютно реальным историческим лицом. В середине XX века народных сказителей еще охватывал искренний ужас, когда кто-то из слушателей сомневался в правдивости рассказа о возвращении Ойсина из Страны Юности или предполагал, что Ойсина вообще не было на свете [54, с. 21]. Могилу Ойсина обычно показывали в одной из долин ирландского графства Антрим, близ городка Кушендалл [72, р. 93].

Тир На Н-Ог — Страна Юности, одно из наименований и устойчивая характеристика кельтского Иного Мира, который в ирландской традиции часто располагался где-то за морем, к западу от Ирландии. В Ином Мире время течет по-иному. «Теория относительности» древних кельтов позволяла простому смертному, добравшемуся до Тир На Н-Ог, разделить вечную юность вместе с обитателями этой Страны, но не позволяла «безнаказанно» вернуться на родину. В сказании «Плавание

Брана» описывается судьба одного из участников плавания при возвращении домой: он прыгнул из ладьи на берег и едва коснулся земли Ирландии, как тотчас обратился в груду праха [16].

...бежать ради должности короля. — Очевидно, на Тир На Н-Ог перенесен древний обычай самих ирландцев, практиковавшийся в незапамятные времена. Сакральное отношение к королевской власти включало требование физической полноценности и силы короля; без этого нарушалась так называемая «правда короля», и страна была обречена на различные бедствия: неурожаи, поражения и т. д. Поэтому описанный в сказании обычай — бежать ради должности короля — не простое соревнование, а ритуал, который сродни тем, что описаны, например, в сказании «О потомстве Конайре Великого» [52]: претендент на королевское звание должен был остановить колесницу, влекомую конями, никогда не знавшими упряжи; на этой колеснице он должен был проехать сквозь два плотно сдвинутых стоячих камня, чтобы они расступились; а в конце колесничной дороги под ним должен был вскрикнуть магический камень Фаль. Все это было невозможно для недостойного «должности короля».

...на вершину холма... — Именно на холмах, как считалось, короли вступали в «священный брак» с Землей или с Властью, которой им предстояло владеть. Особенно известен в связи с этим Холм Тары, где «венчались на царство» верховные короли Ирландии. Кроме того, холмы, или «пупы» земли, — это точки соприкосновения с Иным Миром.

...одна дочь... — В других версиях этой истории называется имя дочери короля Тир На Н-Ог: ее звали Ниам («красота»).

Эрин (Эйре) — древнее название Ирландии, земля Эриу. Согласно преданию из «Книги Захватов Ирландии», когда предки ирландцев впервые ступили на эту землю, которой до того владели нечеловеческие расы, в том числе Племя Богини Дану, они повстречали трех богинь по имени Банба, Фотла и Эриу, пожелавших, чтобы пришельцы назвали остров в их честь. Это им было обещано. Однако больше двух других имен закрепилось за островом имя богини Эриу (Эйре), так как она «славно приветствовала» пришельцев, сказав им: «Давно провидели мудрецы ваш приход, и вам достанется этот остров до конца дней» [52, с. 54]. Эриу была Матерью-Землей и олицетворением Власти, Верховенства в Ирландии: именно с ней «сопрягались» верховные короли страны [84, р. 76—114].

...жезл друидических чар... — «волшебная палочка» друида. Друиды обладали всеми знаниями и приемами колдовской практики. «Люди знания и силы, они превосходили всех в искусстве магии» [91, р. 306].

...сотворил свиную голову... — В других версиях (например, в поэме М. Куймина) дочь короля Тир На Н-Ог, Ниам, не приобретает по «милости» отца свиную голову, а приходит в Эрин к Ойсину просто по любовному влечению к нему.

Здесь необходимо учесть следующее: во-первых, для древних ирландцев всякая обезображенность была равнозначна смерти. Так, героиня сказания «Сватовство к Луайне и смерть Атирне» [52] умирает «от стыда и позора», когда у нее на лице в результате песни поношения образуются три нарыва. Во-вторых, свиньям кельты придавали разнообразные мистические значения; свиньи, как правило, принадлежат в сказаниях к Иному Миру. Поэтому свиная голова на плечах — не только уродство, но еще и знак иномирности.

...отослал дочь на ее место в замке... — Женская часть в королевских жилищах обычно именовалась грианан (солнечный покой, или светлица).

Финн Мак Кумал — отец Ойсина, главный герой одноименного цикла устных и письменных преданий Ирландии и Шотландии, легендарный вождь дружинников-фениев, мудрец, обладавший многими сверхъестественными дарами. Финн был сыном воина Кумала, бывшего вождем фениев до него, и феи-сиды Блаи (или Мирны). Он был воспитан в лесу женщинами-воительницами, а затем получил образование от наставника-друида. Само имя Финн (Фион) связано с понятиями «светлый» и «мудрый». Истории о Финне, складывавшиеся веками, очень многочисленны и разнообразны, в них проходит вся жизнь Финна, от его рождения до смерти. В отличие от своего сына Ойсина, Финн жил и умер в III веке, а затем, согласно традиции, был заново рожден в образе короля Монгана в VII веке. Об этом см. «Истории о Монгане».

...прибыла в Эрин. — Страна Юности, располагавшаяся за морем к западу от Ирландии, отделялась от Ирландии водой, однако в сказаниях (кроме «Плаваний») на это не всегда обращается внимание. Это объясняется двойственной географией Иного Мира (см. примечание к «Приключению Конлы Красного»).

Фенин Эрина. — Согласно традиции, подобные дружины состояли на службе у королей Ирландии и до Финна, но с Финном, при верховном короле Кормаке, сыне Арта, внуке Конна Ста Битв, фиана достигла наибольшей силы и расцвета. Слово «фиан, фиана» применялось к странствующим воинам, основными занятиями которых были охота и

война. Эти воины составляли особое братство, связанное своими внутренними законами и бывшее во многих отношениях «элитой» народа. Ни одна девушка не могла выйти замуж, пока не была предложена фениям. О фениях также говорили, что их матерями были женщины из Племени Богини Дану. Матерью самого Финна, матерью его сына Ойсина и матерью его внука Оскара всякий раз была женщина-сида.

Кнок Ан Ар — Холм Кровопролития, возвышенность рядом с устьем реки Шеннон в теперешнем графстве Керри. Здесь некогда произошла жестокая сеча, в которой полегло много фениев.

...выходить охотиться... — В летнее время от праздника Бельтан (1 мая) до праздника Самайн (1 ноября) фении в основном жили в лесах, занимаясь охотой, а в зимнее время (от Самайна до Бельтана) жили в домах ирландцев. «Что касается охоты как основного занятия фениев и их любви к лесной жизни в целом, то все это находит свои параллели в излюбленных развлечениях деревенской молодежи Ирландии и в наше время. Мы имеем здесь в виду прежде всего пешую охоту с собаками, требующую изрядного умения быстро бегать по лесу» [54, с. 75].

Бран, Скъолан и Буглен — гончие собаки Финна Мак Кумала. Они были наделены сверхъестественным разумом и магическими способностями. Особенно в устной традиции выделен Бран («ворон»). Эта собака по происхождению — женщина: она рождена в то время, когда ее мать, сестра Финна, была превращена враждебной сидой в борзую. Брана в одном сказании убивает сам Финн, спасая от нее олениху — то есть превращенную в олениху свою жену, мать Ойсина.

...свиная голова исчезла... — Не только в кельтской, но и в иных Традициях встречается сюжет добывания «чудесной жены», когда герой «излечивает» ее вынужденное уродство и возвращает ей первозданный облик, не побрезговав соединиться с ней физически (сравни со сказкой о царевне-лягушке). В другом контексте этот мотив звучит в ирландском сказании «Приключение сыновей Эохайда Мугмедона» [52], где один из братьев, чтобы добыть воды из колодца, охраняемого безобразной демонической старухой, осмеливается по ее требованию возлечь с нею, и тогда она превращается в прекраснейшую фею.

Особенно интересно та же идея изложена в сказании о легендарном короле Ирландии Лугайде Лайгде, жившем в первой половине первого тысячелетия до н. э. «Когда он охотился в пустынном месте», говорится в этом сказании, «он встретил отвратительную ведьму, которая носила волшебную маску. Он пошел с ней в постель и снял с нее волшебную маску, и ему показалось тогда, что она стала прекрасной юной девушкой; и под этой ведьмой, с которой спал Лугайд, иносказательно понимается Ирландия: тот, кто вначале вытерпит ради нее тяжкий труд и муку, впоследствии насладится радостью и восторгом» [80, р. 149]. Не выходя за пределы кельтского мира, находим параллель в бретонской сказке из собрания Франсуа Люзеля под названием «Дикая свинья»: в этой сказке герой встречается на охоте дикую свинью, которая навязывается ему в жены, да так упорно, что он в конце концов оглашается. Родив ему золотоволосых детей, свинья в итоге превращается в прекрасную принцессу [3].

...увидеть своего отца или сына... — В других версиях истории сын Ойсина по имени Оскар (Осгар) к тому времени уже погиб: это произошло накануне путешествия Ойсина в Тир На Н-Ог, в битве при Гавре в 284 году, где фении были почти полностью уничтожены объединенными

силами враждебных ирландских королей и фениев-соперников из клана Морны.

...пока не пришли к замку ее отца... — Вновь путь в Страну Юности выглядит как сухопутный. В упомянутой нами поэме М. Куймина подробно описан путь Ойсина и Ниам в Страну Юности — на запад, через море, со многими чудесными видениями. Однако эту поэму отличает явный авторский почерк, а в нашей фольклорной версии сохранились многие архаические черты.

Три сотни лет... — Этот «парадокс времени» обнаруживается во всех кельтских сказаниях, повествующих о пребывании смертных в той или иной части Иного Мира — на Счастливых Островах или в холмах-сидах. Впрочем, этот парадокс может действовать обратным образом: целая жизнь, прожитая в Ином Мире, оказывается лишь мгновением земной жизни. Иной Мир — это нечто подобное эйнштейнову пространству-времени, когда в нем движутся с субсветовыми скоростями. «Об этом же парадоксе говорится во Втором Послании св. апостола Петра: „У Господа один день, как тысяча лет, а тысяча лет, как один день“» [54, с. 394].

...я дам тебе этого белого коня... — Уже замечено, что в ирландских сказаниях всадниками чаще всего являются выходцы из Иного Мира [52, с. 261]. Лошадь, подобно обуви из светлой бронзы, отделяет пришельца от земной почвы, является «изолятором» — но одновременно также и «посредником», «проводником». Будучи всадником, Ойсин остается обитателем Иного Мира. Сходя с коня, он подпадает под действие законов земного пространства-времени. Участь, ожидающая Ойсина, все же лучше участи Нехтана из сказания

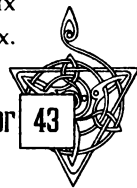
«Плавание Брана»: сойдя на почву Ирландии, Нехтан обратился в горстку праха.

Кнок Патрик в Мунстере — Холм святого Патрика в Мунстере, королевстве в южной части Ирландии, у города Кашел, столицы Мунстера. Согласно традиции, двум свинопасам, отдыхавшим на этом холме, некогда явился ангел, одетый в солнечный свет и с голосом слаще музыки. Он благословил холм и прилегавшее место и предсказал, что сюда явится Патрик. Когда об этом узнал Корк, сын Лугайда, будущий король Мунстера, он воздвиг на этом холме крепость и получал здесь свою королевскую дань [80].

...ни двадцать человек поболее меня... — Согласно распространенному в древности представлению, люди из поколения в поколение физически и морально мельчают. Ойсин, оказавшись в «будущем», застаёт низкорослое и слабосильное по сравнению с ним и его современниками население. Фении к тому времени представлялись уже гигантами. Например, средневековый писатель Гектор Бозций, автор «Истории Альбы», утверждал, что Финн был ростом в 15 локтей [80, р. 328].

...великий рог фениев, борабу... — «Герои Фианы пили вино из раковин, подобранных на морском берегу» [32, с. 468]. «Ирландский рог служил не только военным целям. В героические времена наши предки пили из него мед» [46, с. 499].

...пошел к святому Патрику... — Благодаря последующей встрече Ойсина со святым Патриком состоялись их «диалоги», в которых Ойсин рассказал святому о себе, своем отце Финне и его фениях.

Эти рассказы легли в основу цикла Финна (цикла Ойсина). Согласно традиции, чудесным образом пережил свое время не только Ойсин, но еще один известный фений — поэт и скороход Кайлте. В сказании, которое называется «Беседа старых людей», Ойсин и Кайлте обходят вместе с Патриком Ирландию, повествуя Патрику предания о старине мест и о собственной жизни в Фиане [67]. Встреча Ойсина с Патриком — это встреча двух Традиций: языческой и христианской, — причем святой повелевает не предавать забвению прошлое.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ АРТА, СЫНА КОНИ

Конн Ста Битв, сын Федлимида Рехтмара, был некогда в Таре королей, знатном, приметном жилище Ирландии, в течение девяти лет, и не было ни в чем недостатка людям Ирландии во времена этого короля, ибо вправду привыкли они убирать пшеницу три раза в году. А его женой была Этне Широкобедрая, дочь Брислинна Бинна, короля Норвегии. Он сильно ее любил.

После их долгой жизни вместе Этне умерла и была с честью похоронена в Тайльтиу; ибо Тайльтиу было одним из трех главных кладбищ Ирландии: Тайльтиу, и Бруг рядом с Бойной, и кладбище Круахана. И он был удручен смертью своей жены Этне, и это угнетало его так тяжело, что он ничуть не был способен далее властвовать и управлять королевством. И не хватало Ирландии в это время только одного: чтобы король Ирландии нашел супругу, достойную его на своем месте.

Тем не менее однажды он был совсем один и пошел из Тары прямо к Бен Этайр. Там он горевал и оплакивал свою жену и супружницу. В тот самый день случилось Племени Богини Дану собраться в Стране Обетованной на совет из-за женщины, которая совершила прелюбодеяние; ее имя было Бекума Белокожая, дочь Эогана Инбира; она была женой Лабрайда Луатлама, и Гайдиар, сын Мананнана, был тем, кто совершил прелюбодеяние с ней. И таков был приговор, вынесенный ей: согласно совету Мананнана, Фергуса, Эогана, Лодана, Гайдиара, Гая и Илбрека, быть изгнанной вон из Обетованной Страны, либо быть сожженной. И советом их было — выслать ее из Обетованной Страны. И сказал Мананнан, не сжигать ее, дабы ее вина не пристала к Стране или к ним самим.

Посланцы от Лабрайда пришли к дому Энгуса Бругского, его зятя; ибо дочь Лабрайда была Энгусу Бругскому женой, ее имя было Нуамаси. Вот ради чего были они присланы: чтобы Бекума Белокожая не могла найти места для своей головы в любом из сидов Ирландии. Итак, она была изгнана по ту сторону морского пространства и великой пучины; и ее отослали именно в Ирландию, ибо Племя Богини Дану ненавидело Сыновей Миля, после того как было изгнано ими из Ирландии.

У девы был возлюбленный в Ирландии — Арт, сын Конна Ста Битв, но Арт не знал, что он был ее возлюбленным. Что до девушки, она нашла куррах, в котором не нужно было грести, но, предоставив его согласному ветру на море, она прибыла к Бен Этайр. Дева была такова. На ней был одноцветный зеленый плащ с бахромой, вытканной нитью из красного золота, красная атласная сорочка на ее белой коже, сандалии из белой

бронзы были на ней; мягкие желтые волосы и серые глаза на ее лице, зубы прелестного цвета, тонкие красные губы, черные брови, прямые светлые руки, белоснежное тело, маленькие круглые колени, стройные изысканные ноги, — все превосходного вида, образа, сложения и завершения. Прекрасен был наряд этой девушки, то есть дочери Эогана Инбира. Одна только вещь, однако, — была она недостойна верховного короля Ирландии, изгнанная за свое дурное деяние.

Когда она прибыла, Конн был на Бен Этайр, скорбный, немирный, стенающий, и оплакивал свою жену. Девушка признала в нем верховного короля Ирландии, причалила свой куррах к земле и села рядом с Конном. Конн спросил о ней. Девушка ответила и сказала, что она пришла из Обетованной Страны в поисках Арта, которого она полюбила из своего далека из-за слухов о нем. И она сказала, что она Делбхаэм, дочь Моргана. «Я не встану между тобой и твоим выбором сватовства, — сказал Конн, — хотя у меня нет жены».

«Почему ты не имеешь жены?» — сказала девушка.

«Моя супруга умерла», — отвечал Конн.

«Что же тогда мне делать? — сказала девушка. — С тобой или с Артом буду я спать?»

«Сама делай свой выбор», — отвечал Конн.

«Вот мой выбор, — сказала девушка, — поскольку ты не принимаешь меня: дай мне выбрать мое сватовство в Ирландии».

«Я не вижу в тебе изъянов, за которые следовало бы отвергнуть тебя, если только они не скрыты в тебе».

Тогда девушка испросила себе у Конна право суждения, и оно ей было пожаловано. И они заключили союз, Конн и девушка, и она обязала его исполнять ее волю. И ее суждением

было, чтобы Арт не приходил в Тару, покуда не пройдет год. Душа Конна была расстроена беспричинным изгнанием его сына из Ирландии. После этого они оба направились в Тару; и девушка оставила свой куррах в расщелинах валунов как в убежище и укрытии, ибо она не знала, когда этот куррах ей может понадобиться снова.

Арт тогда был в Таре и играл в фидхелл, и Кромдес, друид Конна, вместе с ним. И друид сказал: «Ход изгнания за тобою, сын мой, и из-за женщины, на которой женится твой отец, быть тебе изгнанным». Король со своей женой прибыли на место, и сын был сразу вызван к нему. И Конн сказал Арту: «Покинь Тару и Ирландию на год и делай свои приготовления тотчас, ибо я собой поручился за это». И люди Ирландии считали это великой неправдой, что Арт должен быть изгнан ради женщины. Тем не менее Арт покинул Тару этой ночью, а Конн и Бекума год жили вместе в Таре, и в течение этого времени не было в Ирландии ни пшеницы, ни молока. И люди Ирландии были по этому поводу в величайшем затруднении и послали за друидами всей страны, дабы выявить с помощью их науки и их подлинной мудрости, чем привлечено это страшное зло в Ирландию.

Им был задан вопрос, и друиды рассказали королю Тары и знатым Ирландии о причине бедствия: из-за испорченности жены Конна и неверности ее оно было послано. И было объявлено, через что стало бы возможным их избавление, а именно — что сын безгрешной четы должен быть доставлен в Ирландию и убит перед Тарой, а его кровь смешана с землею Тары. Это было сказано Конну, но он не знал, где находится такой мальчик. И он созвал людей Ирландии в одно место и сказал им:

«Я отправляюсь на поиски этого безгрешного мальчика; вы же передайте королевство Ирландии Арту на все то время, пока я отсутствую, и, кроме того, не позволяйте ему покинуть Тару в мое отсутствие, до тех пор пока я не вернусь».

Затем Конн отправился прямо к Бен Этайр и нашел там куррах. Месяц и две недели он пробыл на море, блуждая от одного острова к другому, в неведении и не руководясь ничем, только доверившись течению звезд и светил. Тюлени и киты, котики и дельфины, и многие странные звери моря восставали вокруг курраха, и быстро вздымались волны, и свод неба дрожал. А Конн в полном одиночестве вел куррах, пока не прибыл к странному острову. Он высадился и оставил свой куррах в уединенном тайном месте. И вот каким был остров: на нем были прекрасные пахучие яблони, и множество источников самого лучшего вина, и чудесный яркий лес, украшенный зарослями орешников, окружающих эти источники, с ладными желто-золотыми орешками и маленькими пчелами, все время звучно жужжащими поверх плодов, пока орешники роняют свои цветы и листья в источники. Затем он увидел вблизи ладный бруйден, покрытый крыльями птиц, белыми, желтыми и голубыми. И он подошел к зданию. Вот каким оно было: с дверными косяками из бронзы и дверями из хрусталя, и несколькими благородными обитателями внутри. Он увидел королеву с большими глазами, чье имя было Ригру Щедроглазая, дочь Лодана из Страны Обетованной; она была женой Дайре Дегамра, сына Фергуса из Чудесной Страны. Конн увидел там посреди дома маленького мальчика на хрустальном кресле, превосходного видом и обликом, а имя его было Сегда Сладкоголосый, сын Дайре.

Конн сел на край постели в доме, и ему услужили и омыли ему ноги. И он не знал, кто омыл ему ноги. Вскоре он увидел пламя, поднимающееся из очага, и он был взят невидимой рукой, которая направила его к огню, и он подошел к огню. Затем перед ним возникли уставленные пищей столы с различным мясом, и он не знал, кто подал их ему. Немного погодя он увидел там рог для питья, и не знал, кто принес этот рог. Затем блюда удалились от него. Он увидел перед собой чан, превосходно и тонко сработанный из голубого хрусталя, с тремя золотыми обручами на нем. И Дайре Дегамра велел Конну войти в чан и выкупаться, чтобы он смог сложить с себя свою усталость. Конн так и сделал.

На короля был наброшен чудесный плащ, и он воспрянул освеженным. Еда и питье были поставлены перед ним. Он сказал, что на нем зарок есть в одиночку. Они же ответили, что между ними нет зарока ни на что, — только на то, чтобы кто-то из них когда-либо ел с другим. «Хотя бы никто не ел, — сказал маленький мальчик Сегда Сладкоголосый. — Я буду есть вместе с королем Ирландии, чтобы он мог не нарушать свой зарок». И они легли той ночью в одну постель.

Конн наутро поднялся и выложил перед домочадцами свою нужду и свою заботу.

«В чем твоя нужда?» — сказали они.

«В том, что Ирландия уже год без пшеницы и молока».

«Почему ты пришел сюда?»

«В поисках вашего сына, — отвечал Конн, — будь вы согласны; ибо нам было сказано, что это через него придет наше избавление; а именно, что сын безгрешной четы должен быть приглашен в Тару, а после выкупан в водах Ирландии; а это вы

обладаете таким сыном, так что разрешите забрать этого отрока, то есть Сегду Сладкоголового».

«Увы, — сказал Дайре, сын Фергуса, — мы не дадим взаймы нашего сына для королевства земли; ибо никогда его отец и мать не сходились вместе, кроме лишь раза, когда этот маленький мальчик был сотворен; и к тому же наши собственные отцы и матери никогда не сходились вместе, разве только делая нас».

«Злы вещи, которые вы говорите, — сказал мальчик, — как не откликнуться королю Ирландии; я пойду с ним сам».

«Не говори этого, сын», — сказали домочадцы.

«Я говорю, что королю Ирландии не должно быть отказа».

«Если это так, — сказали домочадцы, — тогда мы позволим тебе уйти от нас под покровительство королей Ирландии, и Арта, сына Конна, и Финна, сына Кумала, и людей искусства, так что ты вернешься к нам снова невредимым».

«Все так и будет, — сказал Конн, — если я смогу».

Что до Конна и его курраха, то после этого приключения у них было только три дня и три ночи плавания до Ирландии. Люди всей Ирландии тогда были собраны вместе, поджидая Конна у Тары. И когда друиды увидели с Конном мальчика, вот совет, который они подали: убить его и смешать его кровь с пораженной землей и высохшими деревьями, чтобы желуди и плоды и все, какие следует, произрастания могли появиться в них. Конн поместил мальчика, которого он взял с собой, под покровительство Арта, и Финна, и людей искусства, и мужей Ирландии. Последние, однако, не приняли этой ответственности, хоть короли приняли ее сразу, то есть Конн, и Финн, и Арт Одинокый, и все они были оскорблены, глядя на мальчика.

Как только они завершили этот совет, мальчик вскричал громким голосом: «О люди Ирландии, оставьте меня в покое одного, согласившись меня убить. Дайте мне погибнуть, когда я скажу сам», — сказал мальчик. В тот же миг они услышали мычанье коровы и беспрестанное причитание женщины позади нее. И они увидели корову и женщину, направляющихся к собранию. Женщина села между Финном и Конном Ста Битв. Она выспросила вести о покушении людей Ирландии, вопреки Финну, Арту и Конну, погубить невинного мальчика. «Где эти друиды?»

«Здесь», — сказали те.

«Откройте мне, что это за две сумки, которые находятся по бокам коровы, то есть по сумке на каждом ее боку».

«По совести, — сказали они, — мы, конечно, не знаем».

«Я знаю, — сказала она. — Вот непарная корова, которая пришла сюда спасти этого невинного отрока. И вот что с ней сделают: пусть корова будет заколота, ее кровь смешана с землей Ирландии, а мальчик спасется. И кроме того, есть нечто, чего вам следует остерегаться больше, а именно: когда корову зарежут, пусть откроют две сумки и найдут там внутри птиц — одноногую птицу и птицу с двумя ногами».

Корова была зарезана, и птиц вынули. И когда они стали биться крыльями в присутствии толпы, женщина сказала: «Так мы обнаружим, которая из них сильнее, раз они схватились». Тогда одноногая птица одолела птицу с двумя ногами. Люди Ирландии изумились этому. Женщина сказала: «Вы — это птица с двумя ногами, а маленький мальчик — одноногая птица, ибо он тот, кто прав. Возьмите отсюда этих друидов, — сказала женщина, — ибо лучше им умереть; и пусть их повесят».

И юный отрок не был загублен. Затем женщина поднялась, отозвала Конна в сторону и сказала следующее: «Истреби эту порочную женщину, эту Бекуму Белокожую, дочь Эогана Инбира и жену Лабрайда Луатлама, ибо она была изгнана из Обетованной Страны через прелюбодеяние».

«Это хороший совет, — сказал Конн, — если б я мог ее истребить; но поскольку я не могу, подай нам добрую весть».

«Подам, — сказала женщина, — ибо хуже не будет; трети пшеницы, и молока, и желудей будет недоставать Ирландии, пока она будет с тобой». И затем она собралась их покинуть и ушла вместе со своим сыном, Сегдой. Им предложили ценности и сокровища, но они отказались от них.

Случилось тогда Бекуме быть на зеленом лугу вне дома, и она увидела Арта, сына Конна, играющего там в фидхелл. Арту было неприятно видеть свою врагиню. «Это Арт, сын Конна?» — спросила она.

«Конечно, он», — сказали ей.

«Я кладу на него зарок, — сказала она, — чтобы он сыграл со мной в фидхелл на ставки».

Это сообщили Арту, сыну Конна. Тогда им принесли доску для фидхелла, и они сыграли. И Арт выиграл первую игру. «Эта игра на тебя, девушка», — сказал Арт.

«Это так», — сказала она.

«И я кладу на тебя зарок, — сказал он, — чтобы ты не ела пищи в Ирландии, пока ты не добудешь воинский жезл, который был в руке у Ку Рои, сына Дайре, когда он овладевал Ирландией и целым миром, и не принесешь его сюда ко мне».

Тогда дева отправилась к росистому пестроцветному Бругу, в котором жил Энгус со своею любимой женой под

боком, то есть Нуамаси, дочерью Лабрайда. Однако она обыскала большинство сидов Ирландии и не нашла сведений о жезле, пока не пришла к сиду Эогабала, и там ее приветила Айне, дочь Эогабала, ибо они были две сводных сестры. «Ты получишь искомое тобою здесь, — сказала она, — возьми вон тех трижды пятьдесят юношей с собой, а потом иди к крепости Ку Рои, что на вершине Слиаб Мис».

Там они нашли жезл, и она возрадовалась.

Затем она направилась к Таре, и принесла жезл к Арту, и положила на его колени. Им принесли доску для фидхелла, и они стали играть. И люди из сйда начали воровать фигуры. Арт увидел это и сказал: «Люди из сйда воруют у нас фигуры, девушка; и это не ты выигрываешь игру, а они».

«Эта игра на тебя», — сказала девушка.

«Это так, конечно, — сказал юноша, — и выноси твое суждение».

«Я сделаю это, — сказала она, — ты не должен есть пищи в Ирландии, покуда не приведешь с собой Делбхаэм, дочь Моргана».

«Где она?» — сказал Арт.

«На острове посреди моря, и это все вести, которые ты получишь».

Арт направился к Инбер Колпта; и на берегу перед ним он нашел куррах с отборным снаряжением. И он отправил куррах и блуждал по морю от одного острова к другому, пока не прибыл к прекрасному, странному острову; милым был образ этого острова, полного диких яблок и чудных птиц, с маленькими и весьма красивыми пчелами на верхушках цветов. Посреди острова был гостеприимный и благородный Дом, крытый

птичьими крыльями, белыми и пурпурными, а внутри него общество цветущих женщин, весьма красивых, и между ними Крейде Воистину-Прекрасная, дочь Фидеха Длинноволосого.

Тогда ему был задан сердечный прием, перед ним поставили еду и выпросили все о нем. И он сказал, что пришел из Ирландии, и что он сын короля Ирландии, и что его имя Арт. «Это верно», — сказала Крейде. После этого она протянула руку и подала ему разноцветную мантию с украшениями полированного золота из Аравии, и он надел ее на себя, и она ему подошла. «Это верно, — сказала Крейде, — что ты Арт, сын Конна, и твой приход сюда давно был решен». И она дала ему три поцелуя, любящих и пылких. И она сказала: «Посмотри на хрустальный покой». И прекрасным было место этого покоя, с его дверями из хрусталя и его неисчерпаемыми чанами, ибо, хотя их опустошали до дна, они всегда бывали полными снова.

Он оставался на этом острове месяц и две недели, после чего он собрался покинуть девушку и рассказал о своем поручении. «Это верно, — сказала она, — что таково твое поручение; и пройдет немалое время, пока будет найдена девушка, ибо плох путь туда; между тобой и ею море и земля, и если даже ты доберешься туда, ты там не пройдешь. Меж вами великий океан и тьма; враждебен и смертоносен там путь, ибо там есть лес, который непроходим, как если бы там были острия копий от битвы под ногами, таковы листья леса под ногами человека. По сую сторону этого леса есть несчастный морской залив, полный беззвучноротых тварей, затем безмерный дубовый лес, густой и колкий, перед горою и узкая тропа сквозь нее, и на исходе той тропы в таинственном лесу — темный дом с семью ведьмами и баня из расплавленного

свинца, ожидающая тебя, ибо твой приход туда был решен. И там есть нечто еще более ужасное, а именно Айлиль Чернозубый, сын Монгана. Оружие не может ему повредить. И там есть две моих сестры, дочери Фидеха Длинноволосого, их имена Финскот и Айб. В их руках два кубка — кубок, наполненный ядом, и кубок, наполненный вином. Из кубка, который по твою правую руку, — пей, когда тебе будет нужда. И вблизи, под рукой, крепость девушки. Такова она: с бронзовым частоколом вокруг нее, и на каждой его пике голова человека, убитого Койнхенн Собакоголовой, кроме одного пустого кола. А Койнхенн — это мать девушки, то есть Делбхаэм, дочери Моргана».

Затем Арт, когда был научен девушкой, отправился в путь и плыл, пока не зашел в отрог того несчастного моря, полного странных зверей. И со всех сторон вокруг курраха восстали звери и большие чудища моря, и Арт, сын Конна, облачился в свой боевой наряд и занялся ими осторожно и осмотрительно. И он начал убивать их и увечить, пока они не пали от его руки.

После этого он вошел в дикий лес, где были Койнхенн и дурные, превратные ведьмы, и Арт схватился с ведьмами. Неладно было ему сражаться; ведьмы пронзали и саднили его вплоть до утра. Тем не менее вооруженный юноша одолел это несчастное племя. И шел Арт своим путем, пользуясь собственным разумением, пока не пришел к зловредной ледяной горе; и ветвящееся ущелье было полно ядовитыми жабами, которые лежали в ожидании кого-нибудь, кто бы пришел туда.

И он прошел оттуда в обход к Горе Сайб, внутренность которой была полна многими львами с длинными гривами, лежащими в ожиданье зверей всего мира.

После этого он пришел к ледяной реке с хлипким узким мостом и воином-великаном при каменном столбе, что точил на нем свои зубы, по имени Кернан. Тем не менее они схватились, и Арт превозмог великана, так что Кернан пал от него. И оттуда он пошел туда, где был Айлиль Чернозубый, сын Монгана. И вот каким был этот человек: он был свирепый поборник; ни оружие не могло повредить ему, ни огонь спалить его, ни вода утопить его. Тогда они с Артом взялись бороться и учинили суровый бой, несчастное, геройское, опасное для обоих сражение. И Айлиль Чернозубый начал оскорблять Арта, и они торжественно поносили друг друга. Но Арт превозмог великана, так что голова слетела с его шеи. После этого Арт сокрушил крепость, захватил жену Айлиля и угрожал нанести ей ущерб, покуда она не сообщила ему дорогу к крепости Моргана, в Страну Чудес.

Там была Койнхенн Собакоголовая, жена Моргана; и была у нее сила сотни в битве или стычке. Она была дочерью короля Конкрута. И друиды предсказали ей, что если когда-нибудь ее дочь будет сосватана, в тот самый час она умрет. Посему она предавала смерти всякого, кто приходил сватать ее дочь. И это она устроила ему встречу с ведьмами, со свинцовой баней и Кернаном, стражем дверей Морганова дома. И это она поставила Айлиля Чернозубого на пути Арта, сына Конна, поскольку Арт пошел бы этим путем, чтобы сватать ее дочь, как это было ей предсказано. И это она измыслила ядовитых жаб, и ледяной мост, и темный лес, и гору, полную львов, и несчастный морской залив.

Так пришел Арт к крепости, которую он разыскивал, то есть к крепости Моргана; и была она приятна на вид. Прекрасный

частокол из бронзы был вокруг нее, и пространные гостеприимные дома, и величавый дворец в середине града. На столбе поверх града был поставлен искусный, блестящий, солнечный покой; там на самой вершине была эта девушка. На ней был одноцветный зеленый плащ с золотой заколкой на ее груди и длинные, прекрасные, совершенно золотые волосы. У нее были густо-черные брови и сверкающие серые глаза на ее лице и белоснежное тело. Прекрасна была девушка равно в облике и разумении, в мудрости и вышивании, в целомудрии и благородстве. И девушка сказала: «Сегодня сюда прибыл воин, и нет в мире воина красивее по облику или лучше по славе. Это верно, — сказала она, — что он Арт; и издавна мы готовили себя для него. И я сама пойду в дом, — сказала она, — а вы введите Арта в покой; ибо я боюсь, как бы Собакоголовая не успела предать его смерти и поместить его голову на пустующий кол перед крепостью».

С этим Арт вошел в покой, и когда женщины-домочадцы увидели его, они его приветили, и его ноги были омыты. После этого пришла Койнхенн Собакоголовая и две дочери Фидеха вместе с ней, Айб и Финскот, чтобы налить яда и вина для Арта.

Затем Койнхенн поднялась, одела на себя боевое снаряжение, и вызвала Арта биться. И это был не Арт, который отказывался когда-либо сразиться. И вот он надел свой боевой наряд, и вскоре вооруженный юноша одолел Собакоголовую; и ее голова слетела с ее шеи, и он поместил ее на пустующий кол перед крепостью.

Теперь об Арте, сыне Конна, и Делбхаэм, дочери Моргана. В эту ночь они легли веселыми, в добром настроении каждый, вся крепость была в их власти, от мала до велика, — до тех пор,

пока не прибыл Морган, король Страны Чудес; ибо в то время его там, конечно, не было. Потом, однако, Морган прибыл, полный гнева, чтобы отомстить Арту, сыну Конна, за свою крепость и свою добрую жену. Он вызвал Арта биться. И юноша поднялся, надел свое боевое облачение, свой красивый атласный плащ и белый передник, испещренный светлинками полированного золота, на свою талию. И он надел на свою голову изящный темный шлем из красного золота. И он повесил свой прекрасный пурпурный щит с узорами из лепнины на длину изгиба своей спины. И он взял свой меч с широким желобом и голубой рукоятью и два своих красно-желтых копья с толстыми древками. И они напали друг на друга, Арт и Морган, как два громадных оленя, или два льва, или две разрушительных волны. И Арт одолел Моргана и не отстал от него, покуда голова не слетела с его шеи.

После этого Арт взял заложников из людей Моргана, а также Страну Чудес во владение. И он также собрал со страны золото и серебро и отдал все это девушке, то есть Делбхазм, дочери Моргана.

Управители и надсмотрщики последовали из страны за ним. И он взял девушку с собой в Ирландию. И они высадились у Бен Этайр. Когда они пришли в гавань, девушка сказала: «Поспешి в Тару и скажи Бекуме, дочери Эогана, чтобы она там не медлила, но отправлялась сразу, ибо судьба дурна, пока ей не приказано покинуть Тару».

И Арт пошел прямо в Тару, и его приветили; и не было там никого, кому его приход был неприятен, кроме беспутной и скорбной Бекумы. Но Арт приказал порочной женщине покинуть Тару. И она тут же поднялась, горя, в присутствии

людей Ирландии, и, не сказав ни слова на прощанье, пошла к Бен Этайр.

Что до девушки Делбхаэм, то пророки, и мудрецы, и вожди были посланы приветствовать ее, и они с Артом прибыли в Тару счастливо и благополучно. И знатные люди Ирландии расспросили Арта о его приключениях, и он отвечал им и сложил песнь.

Таково Приключение Арта, сына Конна, и Сватовство Делбхаэм, дочери Моргана.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в рукописном своде под названием «Книга из Фермой» (начало XV века). На русский язык оно переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: *Ancient Irish Tales / Ed. T. P. Cross and C. H. Slover. New York, 1969*. В этом сказании действуют два лица, «присутствующие» и в «Приключении Конлы Красного»: отец Конлы, король Конн Ста Битв, и брат Конлы, Арт Одинокый. Сказание можно рассматривать как своеобразную энциклопедию, содержащую сведения о различных сторонах духовной жизни и быта древних ирландцев; к тому же в нем содержатся как бы два сказания — посвященное Конну и посвященное Арту. Однако главной фигурой повествования остается, конечно, Бекума; ее-то присутствие и объединяет этот пространственный текст. Путешествие в Иной Мир, которое совершают и отец, и сын, традиционно для ирландских сказаний и здесь описано довольно подробно. Сказание содержит черты сразу трех жанров — «Приключений», «Плаваний» и «Сватовств», хотя для нас это подразделение, сделанное еще древними филидами, кажется в значительной мере условным.

Есть русский перевод сказочной повести, написанной Дж. Стефенсом по мотивам этого сказания, — «Бекума Белокожая» [58].

Арт, сын Конна; Конн Ста Битв — См. «Приключение Конлы» и примечания.

Федлимид Рехтмар — отец Конна Ста Битв. Этот король был известен тем, что установил правопорядок в стране, узаконив принцип «око за око». В результате ирландцы «улучшили свое поведение» [79]. Отсюда прозвище короля — Рехтмар («законодатель»).

...в *Таре королей*... — Темайр, или Темра, столица верховных королей Ирландии, расположенная в срединном королевстве страны, Миде. Королевский дворец в Таре по тем временам действительно мог считаться «знатным, приметным жилищем Ирландии». «Окруженный семью рядами валов, дворец состоял из главного, так называемого Медового Покоя, и четырех других, ориентированных по сторонам света и олицетворявших четыре главных королевства страны» [52, с. 249]. Согласно описанию древних источников, дворец в Таре был продолговатой формы, длиной в 300 футов, имел 14 дверей, очаг шириною в 7 локтей и 7 светильников; в нем было 350 лож, на каждом из которых могло поместиться до двенадцати человек [16]. Дворец в Таре, и прежде всего его главная часть — Медовый Покой — был примером для дворцов в других частях страны; например, по его образцу строился Дом Красной Ветви в столице Улада Эмайн-Махе. Как сказано в преданиях «Старина мест», Тара (Темайр) — подходящее название для «любого заметного и достославного места в доме, на равнине и где бы то ни было» [52, с. 218]. В сказании «Сватовство к Эмер» главная героиня говорит о себе так: «Я — Темра женщин» [16, с. 55].

...убирать пшеницу три раза в году. — Ирландская традиция приписывает временам короля Конна (II век) удивительное процветание страны. Вот, например, что говорится о Конне в сказании «Видение Фингена»: «И был он воистину лучшим королем, которого только знала Ирландия перед приходом истинной веры. Ни до того, ни после не жилось в Ирландии лучше, чем при нем, если не считать правления внука его, которого звали Кормах. (...) Вот каково было правление Конна — без разбоя, без воровства, без нечестья, без болезни, без комаров, без слепней, без мошки, без сырости, без сильного ветра, без снега, но лишь с росой, дождем и туманом. (...) Не было в Ирландии в то время поры года без плодов, ночи без росы, дня без тепла. Зеленел каждый лес, а всякая река была полна рыбы, лишь только войдешь в нее по колено. (...) Лишь пятнадцать дней по весне работали тогда люди на полях, но зато трижды в году приносили они урожай» [52, с. 151]. Примерно теми же словами описывается время других «правильных» королей, например Кормаха, внука Конна, или Конайре Великого. Однако такое благоденствие напрямую зависело от соблюдения королем своей «правильности» — мистической «правды короля». Увечье, бесчестье или неправое суждение короля лишало его «правды», а его подданных обрекало на бедствия. Все дело в том, что, принимая Власть, король вступал в брак с Землей Ирландии.

Этне Широкобедрая. — Эта героиня иногда считалась женой не Конна, а его внука Кормаха; однако это происходило вследствие смешения двух женщин по имени Этне. Этне, Этайн — имя, весьма распространенное в ирландской традиции, причем его носят, как правило, «необычные» женщины, часто из Племени Богини Дану.

Тайльтиу — ныне город Телтаун в графстве Мит, расположенный к северо-западу от Тары, древнее городище, названное по имени

погребенной здесь королевы одного из Племен Ирландии именуемого Фир Болг. Предания «Старина мест» говорят, что эта смерть случилась «за пятнадцать сотен лет до рождения Христа» [52, с. 232]. Тайльтиу стало местом погребений — в основном военной аристократии из Улада, с севера страны. Из погребальных игр и празднеств, сопровождавших Собрания в Тайльтиу, родились и вплоть до XX века дожили ярмарки на Лугназад, то есть на 1 августа. *Лугназад* — «празднество Луга», приемного сына королевы Тайльтиу. См. примечания к сказке «Чудесная жена».

...*Бруг рядом с Бойной*... — Ныне Ньюгрэндж, местность на северном берегу реки Бойны (Боанн), к северо-востоку от Тары. Здесь расположено величайшее древнее кладбище Ирландии, тянущееся вдоль реки Бойны на три мили, с двадцатью огромными курганами, внутри которых сделаны искусственные пещеры. В этой округе множество доисторических камней-мegalитов, поставленных еще до прихода в Ирландию кельтов, Сыновей Миля; здесь сохранились богато украшенные могильные памятники. Бруг (Большой дом) в узком смысле означает главный холм этой округи, самый знаменитый сид ирландской традиции, который был обиталищем Энгуса Вечно-Юного (Мак Ока). «В 1963 году холм был вскрыт, и под слоем земли обнаружилось странное сооружение из серых и белых камней, представлявшее собой правильную полусферу около 85 м в диаметре. Внутри „свод“ оказался заполнен валунами с причудливым спиральным орнаментом. Посреди них открывался узкий туннель, ориентированный точно на точку восхода солнца в день зимнего солнцестояния» [54, с. 463].

Круахан — ныне Раткроган в графстве Роскоммон, столица Коннахта, королевства на западе Ирландии. Здесь было еще одно древнее

кладбище, где хоронили и королей Коннахта, и королей Тары, которые были верховными королями страны. В этой местности была пещера Круахан, откуда появлялись враждебные людям создания, в том числе птицы, иссушавшие своим дыханием все вокруг, или призранные свиньи, которые наводили порчу на поля.

Согласно традиции, если на кладбище в Тайльтиу хоронили прежде всего королей Улада (Ульстера), на кладбище в Бруге — королей Тары, то Круахан был общим кладбищем для всех королевств Ирландии; кроме того, считалось, что здесь похоронены и некоторые персонажи из Племени Богини Дану — Эриу, Фотла, Банба, Мидир и другие.

...чтобы король Ирландии нашел супругу... — В сказании «Сватовство к Этайн» ирландцы, которых король Эохайд Айрем позвал на Праздник Тары, чтобы назначить им дань на шесть лет вперед, «так же, как и прежде» ответили ему: «Не станут они приходить к королю, который не выбрал себе королевы» [52, с. 67].

Бен Этайр — холм на морском побережье востока Ирландии. Предания «Старина мест» называют две версии происхождения названия этого холма: от Этар, королевы племени Фир Болг, умершей здесь от горя по своему супругу; либо от Этара, зятя Мананнана, умершего здесь от любви к Айне, дочери Мананнана. Ныне Бен Этайр — холм Хоут недалеко от Дублина, на маленьком полуострове.

Племя Богини Дану — «дочеловеческая» божественная раса обитателей Ирландии, сонм ирландских и общекельтских божеств, предполагаемые создатели «мегалитической культуры» Британских островов. Памятники этой культуры широко известны — например, Стоунхендж в Британии и Ньюгрэндж в Ирландии. «Эти божества располагались

как семья вокруг богини по имени Дану, от чего происходит их имя: Племя Богини Дану, Туата Де Дананн. Дану рассматривалась как великая мать всех других гэльских божеств, которая их взрастила» [71, р. 23]. Важнейшие персонажи, входившие в состав этого Племени: Луг, Нуаду, Дагда, Мананнан, Огме, Энгус, три богини-воительницы — Морриган, Маха, Бадб, богиня-друидесса Бригита и многие другие. После прихода в Ирландию Сыновей Миля — предков собственно ирландцев — Племя Богини Дану частью стало Народом Сидов, а частью было вынуждено уйти в изгнание за море, в потусторонний Иной Мир, или Страну Обетованную, Страну Юности. См. также примечание к «Приключению Конлы Красного».

Мананнан — сын Лира. Среди Племени Богини Дану этот персонаж сродни греческому Протею (ибо способен изменять свой облик) и Посейдону (ибо движется на своей колеснице по морю, которое для него «цветущая равнина»). В памятнике конца IX века, так называемом Словаре Кормака, о Мананнанае говорится следующее: «Славный торговец, обитавший на острове Мэн, он был лучшим проводником на западе Европы; через знакомство с небесами он знал, в какую четверть года будет прекрасная, а в какую — дурная погода, и когда каждый из этих двух сезонов изменится. Именно поэтому скотты и бритты называли его богом моря. Они говорили, что он был сыном моря — Мак Лир, то есть сын моря» [93]. Мананнан был тем, кто после прихода в Ирландию Сыновей Миля распределил между оставшимися в стране богами холмы-сиды. Сам же он удалился вместе с другими соплеменниками в заморский Иной Мир, где стал одним из королей Страны Обетованной.

Эоган Инбир... Фергус... Лодан, Гайдиар, Гай, Илбрэк — все это персонажи из Племени Богини Дану, связанные между собою теми или

иными узами родства. Любовник Бекумы Гайдиар находится среди ее судей. Зато среди них нет Лабрайда Луатлама (Лабрайда Скорая Рука), мужа Бекумы.

Энгус Бругский — иначе Энгус из Бруга, Мак Ок (Сын Юности). Среди Племени Богини Дану он выделялся двумя характеристиками: великий маг и великий любовник. Обитая в Бруге у Бойны, он участвовал во многих драматических историях (вроде любовного треугольника Финна, его жены Грайне и его племянника Диармайда) как покровитель любящих. Он и сам пал жертвой любовной болезни, когда к нему явилась одна фея-сида («Видение Энгуса» [78]). Энгус — сын бога Дагда и Боанн (Бойны), давшей свое имя реке, которая протекает у Бруга. Он появился на свет в результате прелюбодеяния Дагда с Боанн, которая была женой Элкмара, прежнего хозяина Бруга. Энгус стал приемным сыном Элкмара, а затем с помощью Мананнана изгнал его из Бруга и стал жить в нем сам. Об этом говорят сказания «Сватовство к Этайн» и «Воспитание в Домах Двух Чаш» [52].

...в любви из сидов Ирландии. — Прибытие посланцев из Обетованной Страны, расположенной «по другую сторону моря», к главному чудесному холму Ирландии и их распоряжение насчет Бекумы, — все это показывает связь двух ипостасей Иного Мира, за морем и в холмах-сидах. Похоже, что визит посланцев из Обетованной Страны должен был предостеречь Энгуса, покровителя всякой «незаконной» любви, чтобы он не оказывал помощи Бекуме (ср. историю похода к Энгусу беглецов Эохайда и Эблиу в «Извержении Лох Эках»).

Сыновья Мила — первое поколение людей, пришедшее на эту землю и сменившее в роли хозяев Ирландии Племя Богини Дану. Эта

история, с перечислением всех рас, когда-либо владевших Ирландией, содержится в знаменитой «Книге Захватов Ирландии». Согласно некоторым расчетам, Сыновья Миля прибыли в Ирландию и нанесли поражение Племени Богини Дану 30 апреля 1699 года до н. э. в битве при Тайльтиу [37].

У девы был возлюбленный... — В древности слово «дева» обозначало свободную, незамужнюю женщину, а вовсе не девственницу в обычном смысле слова [8, с. 136].

Куррах — легкая лодка, состоявшая из деревянного остова, покрытого шкурами. На таких лодках древние ирландцы совершали удивительно сложные и дальние плавания, в том числе к берегам Гренландии, а также Америки, которую они предположительно посетили первыми из европейцев; в результате этих плаваний, между прочим, возникали сказания, содержавшие описания самых причудливых вещей, например, обширное «Плаванье Майльдунна» [16]. Впрочем, история кельтского мореходства гораздо древнее, и куррахи из-за их легкости и простоты использовались всю еще в I тысячелетии до н. э., например, в постоянных контактах континентальных кельтов (галлов) с кельтами Британских островов.

На ней был... — Здесь, как обычно, в наличии цвета — зеленый и красный; материалы — золото и белая бронза. Что касается лица, то оно «архетипично». Светлые волосы и голубые или серые глаза: таковы, согласно античным авторам, были древние кельты.

О символике цветов и материалов в подобных описаниях см. примечание к преданию «Обольщение Бекфолы».

...сказала, что она Дэлбхазм, дочь Моргана. — Бекума назвалась чужим именем, — именем «безгрешной» героини из Страны Чудес — Делбхазм (Прекрасный Облик).

...спросила себе у Конна право суждения... — То есть, по существу, связала Конна зарокотом-гейсом остаться с ней и исполнять ее волю. Так же действуют Син из сказания «Смерть Муирхертаха, сына Эрк» и Грайне из «Преследования Диармайда и Грайне». Кельтские герои постоянно оказываются «пленниками» своих inferнальных возлюбленных, которые выбирают их сами.

...чтобы Арт не приходил в Тару... — Такой выход из намечавшегося «треугольника» не типичен для традиции, где, как правило, возникают драматические отношения сына с мачехой из-за ее влечения к нему (см. примечание к «Извержению Лох Эках»).

Фидхелл («знание дерева») — игра, весьма часто упоминаемая в ирландской традиции; в нее, судя по сказаниям, играли и персонажи из Племени Богини Дану, и ирландские короли. Правила ее утеряны, однако отдаленно она напоминала шахматы (наличием доски и фигур). «Насколько можно судить, в центре доски, символизовавшем столицу, располагался верховный правитель, а по сторонам от него — четыре короля. По бокам от них находились правители, нападение которых и следовало отразить» [52, с. 255]. Согласно традиции, фидхелл появляется вместе с Племенем Богини Дану: бог Луг, выигрывая в эту игру, получает доступ в Тару, к другим богам Племени. Иногда Луга считают изобретателем фидхелла. Как правило, ставки в фидхелл значимы, и результат игры определяет дальнейшее развитие всей истории. Искусство игры в фидхелл ценилось очень высоко и часто упоминается

среди главных достоинств и умений персонажа, например, Финна Мак Кумала.

Кромдес, друид Конна. — В «Приключении Конлы Красного» упоминается другой друид Конна, по имени Коранн.

...не было в Ирландии ни пшеницы, ни молока. — Мы уже упоминали о благоденствии ирландцев при короле Конне до его женитьбы на Бекуме. Точно такой же результат давало то или иное нарушение «королевской правды» любым другим королем. Например, в сказании «Битва при Мукрима» король Лугайд выносит несправедливое суждение, и — «Ровно год с той поры был он королем Тары, и все то время не росла трава на земле, листья на деревьях и зерно в поле. И тогда лишили его ирландцы власти, оттого что был он несправедливым королем» [52, с. 160].

...сын безгрешной четы... — Это может быть только ребенок из Иного Мира, где, как говорилось в песне Мидира из «Сватовства к Этайн», происходит «зачатье без похоти и без греха» [52, с. 72].

...его кровь смешана с землею Тары. — Тот же мотив присутствует в истории британского Мерлина (Мирдина), как ее изложил, например, Гальфрид Монмутский: король Вортигирн строит башню, но за ночь все построенное поглощает земля. «Когда Вортигирна уведомили об этом, он снова обратился к своим прорицателям... А они на это ответили, что ему следует разыскать юношу, у которого нет и не было никогда отца, и, разыскав такового, предать его смерти, дабы кровью убитого окропить щебень и камни» [7, с. 72]. Такой юноша находится, это — Мерлин, мать которого зачала от инкуба. «Рецепт» друидов, однако, оказывается ложным, как и в нашей истории.

И вот каким был остров... — Кельты считали и яблоню, и орешник деревьями по преимуществу «иномирными» [54, с. 101].

Бруйден — гостиница; Дом, хозяева которого были связаны зарок-ком проявлять неограниченное гостеприимство. В самой Ирландии было шесть таких Домов, каждый из них обладал, как и его Хозяин, «потусторонними» признаками, — это были проекции в Иной Мир. В сказаниях говорится, что каждый из таких Домов стоял на скрещении четырех дорог. Лишь один раз дозволялось там брать еду из «неисчерпаемого» котла, но всякому доставалось то, что ему было по вкусу [52, с. 135].

...покрытый крыльями птиц... — Описания подобного Дома см. в «Приключении Кормака в Обетованной Стране».

...зарок есть в одиночку. — В ирландской традиции трудно найти героя, не имеющего на себе какого-либо зарока (гейса). Эти зароки накладывались чаще всего помимо воли человека и были связаны с его рождением или воздействием со стороны. Это были самые разнообразные, порой невысказанные обеты, заклания, приказы, табу, которые нельзя было обойти, а нарушение их, часто неизбежное, предопределяло гибель. Можно было отказаться от налагаемого гейса в момент его наложения кем-либо со стороны, но при этом «потерять свое лицо». Наложение гейса, его фатальное нарушение и последующая гибель составляют основу сюжета очень многих сказаний, в том числе героических, повествующих о гибели королей и героев («Разрушение Дома Да Дерга» [52], «Смерть Кухулина» [14]). Фатальная сила гейса — той же природы, что и сила песни поэта-филида (см. «Истории о Монгане»); слово для кельтов обладало непреодолимой властью.

...легли той ночью в одну постель. — Если это одно из свидетельств о мужеложстве, существовавшем среди ирландцев, то можно вспомнить и слова Страбона о галлах: «У них не считается постыдным для юношей щедро расточать свою юношескую прелесть» (*География, IV, 4, 6*).

...и людей искусства... — То есть друидов, которые «в народном представлении были людьми знания и силы. Они знали искусства врачевания и пророчания, и были искуснее всех и вся в магии» [91, р. 306].

...одноногую птицу... — В ирландской традиции однорукость, одноногость, одноглазость всегда является признаком принадлежности к Иному Миру: «вторая половина» этих существ, будь то люди или звери, «находится в мире ином и поэтому для восприятия живущими в мире этом остается недоступной» [42, с. 127—128].

Ку Рои, сын Дайре. — В уладском героическом цикле сказаний этот персонаж возглавлял «фиану» западного Мунстера (клан Дегайд) и погиб от враждебного ему войска Улада во главе с Кухулином. Согласно традиции, Ку Рои — король Мунстера и вместе с тем явно сверхъестественный персонаж: о нем говорится, что он вечно в пути, «ибо не могла земля Ирландии вынести его тяжести, славы и доблести» [54, с. 62]. Его крепость на горе Сλιαб Мис с наступлением ночи начинала вертеться быстрее, чем мельничный жернов, так что никто не мог отыскать вход в нее. Иногда Ку Рои менял свой облик и становился крестьянином-гигантом; иногда его называли «властелином мира». Однако о каком железе Ку Рои идет речь у Арта, неясно.

Сид Эогабала — Холм Ане Клиах (Кнок Айни) в Мунстере на юге Ирландии, в нынешнем графстве Лимерик. Хозяевами этого известного

сида были Эогабал и его дочь Айне. Эогабал был внуком могущественного короля сидов Мидира, который и послал его с дочерью и сыном поселиться здесь. Эта семья не решалась изгнать отсюда пять племен, срезавших в ритуальных целях на холме кустарник, пока Айне не пообещала сделать это силой своей магии, если холм будет носить с тех пор ее имя, и она сдержала свое обещание. С древности и вплоть до XX века Холм Айне весьма почитался местным населением: Айне была сердечнейшей из женщин и покровительствовала стадам, полям и их владельцам. До 1879 года мужчины имели обыкновение ходить с горящими жгутами по ночам на холм и вокруг него, а затем посещать село, луга и стада на счастье. В сказании «Битва при Маг Мукрима» говорится, что однажды мунстерский король Айлиль в ночь под Самайн отправился пасти коней к этому холму. «Остался Айлиль на холме, а Ферхес у подножия. Слушал Айлиль, как пасутся табуны, и тут одолел его сон. Вышли тогда из сида Эогабал, сын Дергабула, правителя сида, и дочь его Айне, что играла для него на бронзовой арфе. (...) В то время сошелся Айлиль с девушкой и обесчестил ее. Тогда ударила она его в правое ухо, так что не осталось на нем ни мяса, ни кожи, что уж и не narosli никогда после. Оттого и стал он зваться с тех пор Айлиль Голое Ухо» [52, с. 152]. Брат Айне, по имени Фер Фи, посеял вражду между королями Ирландии, в результате чего состоялась две кровопролитные битвы и погибли такие короли, как Арт, сын Конна Ста Битв, и Эоган, сын Айлиля Голое Ухо. Эти события произошли позже описанных в «Приключении Арта, сына Конна».

Слиаб Мис (Гора Дёрна) — ныне Слемиш, в графстве Керри (Мунстер), на юге Ирландии. Эта гора весьма знаменита в ирландской Традиции. Когда предки ирландцев — Сыновья Миаля — пришли на эту землю, им встретила одна из королев Племени Богини Дану — Эриу

(Эйре), по которой затем была названа страна (Эрин): «...Говорила с ними Эриу на Слиаб Мис и сотворила в ту пору великое воинство, что сразилось с Сыновьями Миля. Но пропели их друиды и филиды заклинания и обернулись воины кусками дёрна на склоне горы. Оттого-то и зовется она Слиаб Мис» [52, с. 54]. Кроме того, на той же горе были похоронены два брата из Сыновей Миля — Эбер и Эримон, и в ночь рождения короля Конна Ста Битв эти древние могилы соединились, в знак того, что у страны теперь единый повелитель [50]. На этой самой горе, Слиаб Мис, по традиции находилась и крепость Ку Рои, сына Дайре.

Инбер Колпта — устье реки Бойны, впадающей в Ирландское море, у теперешнего города Дрогеда, на востоке страны. Названо это устье именем одного из Сыновей Миля: «Вышел на берег Эримон со своими людьми у Инбер Колпта, и был Колпта, сын Миля, тем, кто показывал им путь. Первым ступил он на землю, и оттого получило это место свое название — Инбер Колпта» [52].

Неисчерпаемые чаны — принадлежность всякого чудесного Дома кельтской традиции. Первым таким чаном был котел бога Дагда, который принесли в Ирландию Богиня Племена Дану с неких «северных островов земли», и «не случалось людям уйти от него голодными» [52, с. 33].

...ибо плох путь туда... — «Преграды и сложности на пути героя» из кельтских сказаний перешли в средневековую рыцарскую литературу, которая по большей части питалась именно кельтскими первоисточниками. «Рыцарские романы» сохранили в основном и названия «обязательных» преград и сложностей на пути, которые мы встречаем еще в

сказании «Сватовство к Эмер»: там есть Равнина Несчастья, Опасная Долина, Мост Срыва [16].

...на каждой его пике голова человека... — Вот что писал о древних кельтах Страбон в своей «Географии»: им свойственен обычай «возвращаясь после битвы, вешать головы врагов на шеи лошадям и, доставив эти трофеи домой, прибывать их гвоздями напоказ перед входом в дом» (*География*, IV, 4, 5). Существует точка зрения, что кельтский обычай охоты за головами имеет свое объяснение в системе верований культа мертвых [8]. Во всяком случае, и в ирландской, и в валлийской традициях некоторые головы имеют самостоятельное существование и играют важную роль после смерти тела, например известная Голова Брана Благословенного из «Мабиногион».

Койнхенн Собакоголовая — жена Моргана, мать Делбхаэм. Фигура этой ужасной воительницы, которую, впрочем, Морган считал своей «доброй женой», не слишком выделяется из ряда легендарных и полубогатых кельтских королей. Что касается войны как «неженского дела», уместно вспомнить, что писал Тацит о кельтах Британии: «Применительно к верховной власти над войском они не делают различия между полами» [61]. (Подробнее об этом см. примечание к «Эмайн-Махе».) Далеко не всегда королева-воительница предстает страшилищем, вроде Койнхенн Собакоголовой. Во всяком случае, знаменитый герой Кухулин был любовником двух таких королей — Айфе и Скатах [14].

Солнечный покой (грианан) — обычное наименование жилища «чудесной жены» в ирландских сказаниях, светлица. Грианан на Одиноком Столпе был и в столице верховных королей Таре: его выстроил

король Кормак, сын Арта, для своей дочери; такой же построил позже король Домнал, сын Аэда, в своей крепости Дун-на-Геде.

...пошла к Бен Этайр. — Дж. Стефенс, написавший по мотивам этого сказания повесть «Бекума Белокожая», домыслил дальнейший путь Бекумы так: поскольку ей был заказан путь в Обетованную Страну и в мир сидов, а в Ирландии она оставаться не могла, она отправилась на восток, сделалась там королевой и развязала войну против Святой Земли [58]. О таких Женщинах кельтской традиции хорошо сказал Вальтер Скотт: «Это существо высшее, дух стихийный, весьма обширное чародейственное могущество которого может, по произволу, делать добро и зло» [55, с. 236].

ФИНН И ПРИЗРАКИ

егодня король пошел на праздник, блистательный праздник Лиффи. Приятно всякому, кто идет туда; но не Гуайре Слепому.

Не Гуайре Слепым я звался в тот день, когда мы пошли на зов короля к дому Фиахи, доблестного делами, к крепости Бадаммар. Это было Собрание Клохайр, которое возвеличивали Финн и фении Фаля на вершине каждого холма; мунстерцы с равнины возвеличивали его и Фиаха, сын Эогана. Лошади фениев и лошади мунстерцев — это известно — приведены были на большое состязание. Они бежали в трех вольных забегах по лужайке Майридова сына. Черная лошадь, принадлежавшая Дилу, сыну Уи Крека, была в каждой игре, где он участвовал. На пути к скале над озером Гайр он выиграл три награды Собрания. После чего Фиаха попросил эту лошадь у короля, своего деда: он пообещал ему, что даст взамен ее сотню

голов всякого скота. Тогда этот чародей произнес хороший ответ сыну Эогана: «Прими мое благословение, возьми лошадь и подари ее твоей чести ради». — «Для тебя есть черная быстрая лошадь, — сказал Фиаха вождю фениев, — есть моя прославленная колесница, и есть лошадь для твоего колесничего; есть меч, стоящий сотен мечей, есть щит из греческих земель, есть копье, зачарованное ядом, и мое посеребрянное оружие; для тебя есть три пса — чудесна их масть — Фейрне, Дерхаэм и Дуалат, с их ошейниками из желтого золота, с их цепями из белой бронзы. Если ты пожелаешь иметь хоть что-то, о сын Кумала, ард-риг, ты не уйдешь отсюда без дара, о вождь свирепых фениев!»

Тогда Финн поднялся: благодарен он был сыну Эогана; каждый благословлял другого, любезным было их стояние рядом. После этого Финн поехал дальше, и мы поехали с ним, трижды по двадцать сотен: все мы поехали от Собрания к Кахеру в Клуайн Двух Озер. Три дня и три ночи — ибо было празднество — мы все оставались в доме Кахера, без недостатка в пиве или еде для воинов вместе с их верховным вождем.

Финн отдал Кахеру, сыну Кайрилла, стоимость его пива: были даны ему пятьдесят колец, пятьдесят лошадей и пятьдесят коров. Затем Финн через Луахайр поехал к побережью Беррамайн; на берегу светловодного озера он отдыхал с фениями Эрина.

Финн пустил свою черную лошадь галопом по берегу Беррамайн. Я и Кайлте, резвясь, помчались против него, — такое обольщение. Когда вождь нас увидел, он погнал свою лошадь к Трайг Ли, от Трайг Ли к Лерг Дайм Глас через Поле Вереска и через Финднайс, через Маг Да Эо и через Мойн Кенд

к Старому Тису, через Старый Глен к устью светлой Флеск, к столпам Крофинн, через Срут Муйне, через Мойн Кет, через устье Лемайн — чистая правда, — а от Лемайн к Лох Лейн, и по ровному, и по неровному.

Что до нас, мы не отставали: быстрыми были наши скачки; один из нас был слева, другой — справа; не бывало оленя, что мы не смогли бы догнать. На расстоянье руки до Флеск, миновав Лес Каирна, миновав Мунгайрит Сына Скайл Балб, Финн не придержал свой лошади до небольшого холма, называемого Байрнех. Когда мы достигли холма, мы были первыми, кто до него добрался; но хоть мы и были там первыми, лошадь вождя не слишком отстала. «Вот и ночь, дню конец, — сказал от себя Финн; нас пришло сюда трое: пойдём поищем охотничье жильё». Чтобы все рассмотреть, вождь вглядывался вдаль с валуна, что был по его левую руку, пока он не увидел дом и его огонь в долине перед нами. Финн, вождь фениев, сказал: «Там дом, который я никогда не видел прежде! О Кайлте, я никогда не слышал о доме в этой долине, хотя я и сведущ».

«Лучше нам пойти и разузнать; есть много вещей, которых мы не знаем, это чудо гостеприимства, лучшее из всех, о сын Кумала, о ард-риг!» Мы втроем направились к дому; это был путь в ночи, достойный сожаления, когда обрели мы вопль, визжание и плач, и свирепых, неистовых хозяев.

Серый великан, прежде чем молвил слово, быстро захватил наших лошадей и запер дверь дома железными крюками. «Мой привет, о знаменитый Финн! — сказал великан свирепо. — Долго же ты шел сюда, о сын Кумала из Алмайна!» Мы сели на жесткий остов от лежбища; он в течение часа обхаживал

нас, бросал дрова из бузины в свой костер; она почти что задушила нас дымом. В большом доме обитала ведьма с тремя головами на ее тонкой шее, а на другой половине безголовый человек с одним глазом, торчавшим у него из груди. «Сделайте музыку для вождя! — сказал без печали великан. — Поднимайся, о племя, что там внутри, спойте песню для короля фениев!» Со стороны, ближайшей к нам, из глубины возникло девять туловищ, а с другой стороны, на железном остове лежбища, девять голов. Они подняли девять скверных воплей, что звучали не в лад, хотя издавались разом; ведьма вторила сама по себе, а безголовое туловище откликалось. Хоть ужасно тянулось пение каждого, ужаснее было пение безголового: пение их было б едва ль не желанным, если б не пение одноглазого человека. Эта песня, что была спета для нас, подняла бы мертвого из могилы: она почти взломала кости наших голов, так немелодичен был распев.

Великан подался от нас вперед, воздел над собой топор для дров, ловко зарубил наших лошадей, ободрал и освеживал без промедления. «Молчи, о Кайлте, как молчишь! — сказал от себя Финн — это чистая правда. — Хорошо для нас и то, коли нас он щадит, меня, тебя и Ойсина». Пятьдесят изостренных вертелов принес он с собой, вертелов из рябинового дерева; он нанизал по окороку на каждый вертел в отдельности и разместил их в очаге. Ни один из этих вертелов не был готов, когда их сняли с огня. Он принес с собой к Финну сырое мясо на рябиновых вертелах. «Убери прочь свою еду, о великан! Ибо я никогда не пожирал сырую пищу; я не стану ее есть от сего дня до Судного, будучи без пищи всего одну стражу». — «Если ты пришел в наш дом, — сказал великан, — чтобы брезговать

нашей пищей, мы выйдем против вас, о Кайлте, о Финн, о Ойсин!»

После этого мы поднялись, мы с трудом взяли за наши мечи, каждый ухватился за голову другого; это был случай сражаться врукопашную. Огонь, что лежал внизу, потух; его пламя, вернее, тление, было нечистым. Мы были загнаны в мрачный черный угол, все трое в одно место. Когда мы там были голова к голове, и не было нам помощи иной, кроме Финна, погибли бы мы, великое дело; этого не случилось только из-за Финна. Мы были там внутри голова к голове всю ночь напролет до утра, пока солнце не осветило дом, когда вставало наутро. Когда солнце поднялось, все попадали туда и сюда; в голову каждого упал туман, так что он умер на месте.

Какое-то время мы лежали в покое; мы поднялись, и мы были целы! Дом же исчез от нас, исчез и каждый обитатель дома. Поднялся и Финн Инисфайла со своей лошадью у руки. Все мы были целыми и невредимыми, невредимы были наши головы и ноги. Мы удалялись оттуда утомленные, ослабевшие; мы представляли себе, куда нам ехать, и мы ехали, хотя далеко было оттуда до побережья Беррамайн.

Нас спросили о новостях. «Мы нашли на нашем пути, — сказал Финн, — бедствие вместо ночлега». Это были три Призрака из Тисовой Долины, что вышли против нас, чтобы отомстить нам за свою сестру, чье имя было Куленн Большая Утроба.

Мы же пустились в охотничий объезд по всему Острову Элга, и обрыскали много гор и много долин, много нерадостных мест и много Собраний.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этот содержится в рукописном своде под названием «Лейнстерская Книга» (середина XII века), в виде поэмы, автором которой считается не кто иной, как Ойсин. На русский язык текст переводится впервые. Переводя его прозой, мы стремились не обрабатывать источник, чему способствовал и конкретно-описательный стиль поэмы. Перевод выполнен по изданию: Stokes W. *Finn and Fintoms // Revue Céltique. Paris, 1886. Vol. 7.* Некоторая трудность заключается в обилии географических названий, часть которых нельзя идентифицировать определенно; однако почти все они относятся к югу Ирландии, то есть к Мунстеру, с которым связаны многие повествования о легендарном Финне — отце Ойсина.

«Финн и призраки» — одна из поэм, автором и героем которых является Ойсин, сын Финна Мак Кумала (см. «Ойсин в Тир На Н-Ог» и примечания). Рассказ в ней ведется от первого лица, то есть от лица Ойсина. Поэма дается здесь в подстрочном прозаическом переводе.

Лиффи — местность, примыкающая к одноименной реке, на востоке Ирландии, в королевстве Лейнстер, в нынешнем графстве Килдар. Здесь, как и в некоторых других местах Ирландии, происходили периодически Собрания-Праздники, оэнахи, сопровождавшиеся игрищами. Игры-состязания на колесницах в Лиффи упоминаются, например, в сказании «Разрушение Дома Да Дерга» [52]. Ойсин в связи с этим рассказывает историю из своей прежней жизни, которая произошла в другом королевстве — Мунстере.

Гуайре Слепой — имя, которое получил Ойсин, вернувшись на землю после трехсотлетнего пребывания в Тир На Н-Ог. Слепой Ойсин

ведет рассказ в конце V — начале VI века о событиях III века, в котором протекала его прежняя жизнь, — с отцом Финном, соратниками-фениями, с королем Кормаком в Таре и королем Фиахайдом в Мунстере.

Фиаха — Фиахайд, сын Эогана, по прозвищу Муллетан (Широкое темя), король Мунстера, королевства в южной части Ирландии, правивший в III веке. История Фиахи такова. Король Мунстера Эоган, сын Айлиля, накануне битвы отправился к своему друиду — слепому Дилу, сыну Уи Крека. Понял друид по речам Эогана, что суждено ему было погибнуть, и сказал своей дочери Монхе возлечь с Эоганом, дабы получило их потомство королевскую власть над Мунстером. Когда пришло время ей рожать, вошла она в реку и оперлась в ней о камень, чтобы отдалить час родов до назначенного отцом-друидом часа. Наутро испустила она дух, рожая, а голова ребенка расплющилась о камень: вот отчего стал он зваться Фиаха Широкое Темя. «Называли его еще Человеком Двух Печалей, оттого, что погиб его отец (Эоган) на другой день после зачатья, а его мать (Монха) в тот день, когда он появился на свет» [52, с. 157].

Крепость Бадаммар — одна из резиденций мунстерских королей, находилась около города Кахир в нынешнем графстве Типперэри (Мунстер).

Собрание Клохайр — оэнах, одно из Собраний-Праздников, периодически устраивавшихся в нескольких сакральных и административных центрах Ирландии (Тара, Тайльtiu, Уснех, Тлахтга, Кармун и некоторые другие). Эти Собрания характеризовались состоянием мира, упорядочиванием отношений короля данной области с его подданными, сопровождалась игрищами, прежде всего конными состязаниями и

торжищами, то есть обменом и общением всякого рода. Проводились эти Собрания-Праздники где раз в год, а где раз в три года, в главные даты кельтского календаря — Самайн (1 ноября), Бельтан (1 мая), Лугназад (1 августа). Во всех случаях имеется какая-нибудь богиня, место погребения которой стало центром местного оэнаха. Оэнах Клохайр в Мунстере проводился около Кнок Лонг (Длинного Холма), на территории нынешнего графства Лимерик, неподалеку от городка Крум. Считалось, что здесь погребена богиня Кули, жена Нехтана из Племени Богини Дану.

Фени Фалья — фени Эрина (см. примечания к «Ойсин в Тир На Н-Ог»). Фаль, или Остров Фалья (Инис Фаль), — одно из сакральных и поэтических имен Ирландии, которых имеется пять: Эрин (Эриу, или Эйре), Банба, Фотла, Элга и Фаль. Первые три имени даны по богиням из Племени Богини Дану, встретившим первых людей, Сыновей Миля, на острове. Четвертое — Элга — означает «славная, благородная» (Дж. Китинг). Ну и пятое — Фаль — это имя Камня, который Племя Богини Дану принесло с собой в Ирландию и поставило потом на холме Тары, столицы верховных королей страны: этот Камень «вскрикивал под каждым королем, кому суждено было править Ирландией» («Битва при Маг Туиред» [52, с. 33]); таким образом он испытывал претендентов на королевское достоинство. В честь этого Камня, который олицетворял сакральное, космическое понятие центра, страна называлась Остров Фалья, или просто Фаль, ирландцы — людьми Фалья, король — правителем Фалья. Не только именем, но и видом этот Камень был «фаллическим»: он был похож на гигантский пенис [55].

...на большоѣ состязание... — Конные состязания — неотъемлемая часть любого Собрания. Законы ревностно охраняли нерушимый мир

во время оэнаха, предотвращали вторжения на «лужайку», где проводились игры, обеспечивали ее чистоту перед состязаниями, следили за ее ограждением, за местами и помостами для зрителей. Скачки, описанные в «Финне и призраках», были устроены королем Фиахой специально ради визита Финна.

Лужайка Майридова сына — названа так по одному из сыновей мунстерского короля Майрида, правившего в I веке, Эохайда или Рибана, которые жили в этих местах, до того как ушли на север (см. сказание «Извержение Лох Эках»).

Дил, сын Уи Крека — слепой друид, дед короля Фиахи по матери, Монхе. После смерти Эогана, отца Фиахи, и рождения у Монхи ребенка, Дил становится его воспитателем и, вероятно, королем. Дедом Фиахи по отцу, Эогану, был Айлиль Голое Ухо (см. примечание к «Приключению Арта, сына Конна»). Однако ко времени описываемых событий он умер, и поэтому Дил называется «королем» и «дедом» Фиахи.

Дил, как указывают все источники, был слеп, подобно знаменитому друиду Мог Руту. Это, как видно, не мешало ему участвовать в скачках и завоевывать призы. «Чародеем» он называется по роду своего искусства. В сказании «Изгнание Десси» этот друид пытается предотвратить с помощью своей магии появление иноплеменников [52].

Озеро Гайр — находится в нынешнем графстве Лимерик.

...копье, зачарованное ядом... — «Легенды о чудесных копьях, которые для их усмирения следовало погружать в дурманящий настой из листьев, котел с кровью или ядом, весьма распространены в ирландской традиции и нередко принимались за прототип таинственного

копья из цикла Св. Грааля» [52, с. 261]. Например, в сказании «Разрушение Дома Да Дерга» рассказывается об одном таком копье: «Не обойтись без котла яда, когда суждено ему поразить людей. Если не напитать его ядом, то копье источает огонь и поразит своего владельца или хозяина Дома» [52, с. 122]. Также и в сказании «Обольщение Бекфолы» говорится о «людях с чарами на копьях». Вообще же в ирландских сказаниях явственно видно то, что люди поклонялись оружию (см. также примечания к «Мечу Кухулина»).

...с их цепями из белой бронзы. — Металл этот обычно сопрягается с существами из Иного Мира, как изолирующий; цепи тоже можно рассматривать как связующую нить между держащим их человеком и существами из Иного Мира, также и лодки, подковы лошади, сандалии «пришельцев», столбы чудесных островов и многое другое.

...пожелаешь иметь хоть что-то... — Из контекста ясно, что Финн выбрал прекрасную лошадь из даров короля Фиахи, что вполне естественно для ирландца.

Ард-риг («верховный король») — почетное обращение к Финну, который не был верховным королем, а был вождем фениев и обладал в Ирландии весом и властью едва ли меньшими королевских. Обращаясь так к Финну, король Фиаха ставит его выше себя. Верховными же королями, правившими в Таре, были в ту эпоху сначала Кормаг, сын Арта, а затем сын Кормака Карпре Лифехайр (см. «Приключение Кормака в Обетованной Стране» и «Осада Друйм Дамгайре»).

...не уйдешь отсюда без дара... — Если кому-то из фениев предлагали подарок, он не имел права отказаться: таковы были правила Фианы.

Кахер — Сын Кайрилла, один из гостеприимцев Финна с его фениями. Пятьдесят колец, пятьдесят лошадей и пятьдесят коров, данные Кахеру Финном за гостеприимство, — постоянное в сказаниях количество даров.

Клуайн Двух Озер — «Клуайн» значит луг, пастбище. Это место трудно идентифицировать. Однако все перечисленные далее географические названия (кроме *Луахайр*, или Луахры, гористого района между Лимериком и Керри) относятся к юго-западу Мунстера, точнее — к нынешнему графству Керри; эти места располагаются в районе между *Трайг Ли* (нынешний город Трали) и Килларни: озеро *Беррамайн* находится около Трайг Ли; *Флеск* и *Лемайн* (теперь Лаун) — реки к югу от Беррамайн; *Лох Лейн* — озеро в округе города Килларни; *Мунгайрит*, как пишет В. Стоукс, вероятно, возвышенность Мангертон, которая в поэме увязана с *Сыном Скайл Балб*, то есть с богом из Племени Богини Дану Лугом. *Лес Каурна*, то есть Лес некоей «памятной насыпи из камней», и холм *Байрнех* — находятся в том же районе [94].

Кайлте — сын Ронана по прозвищу Быстроногий, один из самых известных спутников и соратников Ойсина и Финна в соответствующем цикле сказаний. Подробнее см. примечание к «Историям о Монгане».

Алмайн — местность в Лейнстере, королевстве на востоке Ирландии; ныне Холм Аллен в графстве Килдар. На этом холме была резиденция Финна Мак Кумала.

...обитала ведьма... — Средневековый европейский фольклор обязан кельтам существованием образов не только фей, но и ведьм. Женские персонажи кельтской традиции, как правило, «амбивалентны»,

то есть двойственны, как архетип Матери у К. Юнга. Что же касается ведьмы из данного сказания, то именно о тех местах, где происходит действие (юго-западный Мунстер), традиционно говорили, что «там всегда жили и будут жить подобные старухи» [54, с. 151].

...вертелов из рябинового дерева... — Рябина одно из тех деревьев, что охотно использовались в различных магических действиях и обрядах. О ее использовании в «друидических огнях» — см. предание «Осада Друйм Дамгайре»). В одном старинном манускрипте сохранилось описание процедуры «очищения» женщины от обвинений по обряду друидов: она должна была прижать язык к раскаленному бронзовому теслу, которое нагревалось на костре из терновника или рябины [90].

...мы с трудом взяли за наши мечи... — Дальнейший рассказ весьма походит на описание некоего кошмарного сна, в котором оказались наши герои. Подобное сну состояние, возможно, было навеяно на них с помощью «нечистого» костра, а также отвратительного «пения» хозяев. Дом этот и его хозяева с восходом солнца исчезают.

...в голову каждого упал туман... — Утренний туман, вероятно, оказался убийственным для этих призрачных созданий.

Финн Инисфайла — Финн Ирландии. Финн называется так в духе поэтической риторики.

...утомленные, ослабевшие... — Тема изнурительного сражения с призрачными врагами присутствует также в сказании «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк».

Куленн Большая Утроба. — Как комментирует английский переводчик поэмы В. Стоукс, «это без сомнения имя какой-то людоедки или другого злого духа женского рода, которого уничтожили Финн, Ойсин и Кайлте» [94].

Остров Элга — остров Ирландия. Элга («славная, благородная») — имя Ирландии, унаследованное от эпохи, когда ею владело Племя Богини Дану: это имя острова называют первым людям из числа предков нынешних ирландцев, когда они высаживаются здесь.

ИЗВЕРЖЕНИЕ ЛОХ ЭКАХ

В дни старины правил Муманом добрый король, чье имя было Майрид Мак Каридо. У него было два сына, Эохайд и Риб. Эохайд был беспокойным и непокорным и различным образом досаждал королю; и он сказал своему брату Рибу, что решил покинуть свой дом и добыть себе земли в какой-нибудь отдаленной части страны. Риб изо всех сил старался отговорить его; но, хоть это и задержало на время его отъезд, он ничуть не меньше к тому стремился. Наконец, Эохайд, подстрекаемый своей мачехой Эблиу (по которой впоследствии была названа Сляб Эблинн), нанес тяжкую обиду своему отцу и бежал из Мумана со всеми своими людьми; его брат Риб и его мачеха Эблиу пошли вместе с ним. Всего их было десять сотен человек, не считая женщин и детей; и они обратили свои лица к северу. После того как они странствовали некоторое время, их друиды

сказали, что не суждено им поселиться всем в одном месте; и поэтому, когда они дошли до Перевала Двух Стоячих Камней, они разделились. Риб и его люди повернули к западу и шли до тех пор, пока не вышли на равнину Арбтенн. И там воды источника хлынули наружу из земли и затопили их всех; и образовалось большое озеро, которое по сей день зовется Озером Риб.

Эохайд продолжил свой путь на север; он и его люди мало-помалу продвигались, пока не приблизились к Бругу на Бойне, дворцу Мак Индока, где они надеялись отдохнуть. Не успели они остановиться, как из дворца вышел высокий человек, а именно Энгус Мак Индок Бругский, сын Дагды, и приказал им без промедления покинуть это место. Но они, изможденные путешествием, не обратили внимания на его слова и, раскинув свои шатры, расположились на отдых на равнине перед дворцом. После этого Энгус, разгневанный тем, что его повелением пренебрегли, убил той ночью всех их лошадей.

На следующий день он снова вышел и сказал им: «Я убил прошлой ночью ваших лошадей; а теперь, если вы не уйдете отсюда, этой ночью я убью ваших людей».

И Эохайд сказал ему: «Ты уже сделал нам много зла, убив всех наших лошадей. И теперь мы не можем уйти, даже если б хотели этого, ибо без лошадей мы не можем отправиться в путь».

Тогда Энгус привел к ним очень большую лошадь в полной упряжи, и они положили все свое добро на нее. И когда они собрались уходить, он сказал им: «Следите, чтобы эта большая лошадь держалась все время на ходу, вы не должны ей давать

передохнуть ни мига; иначе она непременно станет причиной вашей смерти».

После этого они снова отправились в путь, в воскресенье среднего месяца осени, и двигались до тех пор, пока не достигли Равнины Седой Роши, где намеревались остаться. Затем они собрались вокруг большой лошади, чтобы снять с нее свою поклажу, и каждый был занят тем, что следил за своим добром, так что они забыли поддерживать движение лошади. И в тот миг, когда она остановилась, у нее из-под ног забил магический источник.

Тут Эохайд увидел забивший источник и встревожился, вспомнив предостережение Энгуса. И он приказал построить вокруг источника дом, а рядом он построил свой дворец, для большей безопасности. И он выбрал женщину, чтобы заботилась об источнике, строго наказав ей держать дверь взаперти, разве когда люди из дворца придут за водой.

Теперь у Эохайда было две дочери, Ариу и Либан, из которых Ариу была женой Кернана Простака. И Кернан ходил среди народа, предсказывая, что из источника на них должно извергнуться озеро, и ревностно побуждал их заранее готовить лодки:

*Выходите, выходите, храбрые мужи;
стройте лодки и стройте быстро!
Я вижу воздымающуюся воду,
поток глубокий и обширный;
Я вижу нашего вождя и все его множество
поглощенными волной;
И Ариу тоже, мою возлюбленную самую,
увы! я не могу спасти.*

*Но Либан будет плыть на восток и на запад
Долгие века по глади морской,
Волебными берегами, и смутными островами,
И вниз в пучину глубокого моря!*

И он не переставал предупреждать всех тех, кого встречал, повторяя этот стих постоянно, но народ не обращал внимания на слова Простака. Вот женщина, которой поручили источник, по какому-то случаю забыла замкнуть дверь, так что чары были выпущены на волю, чтобы сотворить зло. И немедленно вода хлынула на равнину и образовала огромное озеро, а именно Озеро Роши. Эохайд, и вся его семья, и все его племя были затоплены, спаслись только его дочь Либан, и Конанг, и Кернан Простак. И они похоронили Ариу, и возвели над ней холм, который от нее зовется Каирн Аренн.

О Конанге больше ничего не известно. Но что до Кернана, то он умер от скорби вслед за своей женой Ариу; и он был похоронен под холмом, который по сей день зовется Каирн-Кернан в память о нем.

И так образовалось великое Озеро Роши, которое теперь зовется Лох Эках, в память об Эохайде, сыне Майрида. Разлитие этого озера, более чем все другие причины, рассеяло уладов по Эрину.

Теперь о Либан. Она тоже была затоплена, как другие, но она не утонула. Она прожила целый год со своей собачкой в своей горнице под озером, и Бог сохранил ее от воды. К концу года она истомилась; и когда она увидела пестрого лосося, плавающего и резвящегося вокруг нее, она взмолилась и сказала: «Господи, хотела бы я быть лососем, чтобы я смогла поплыть с другими через прозрачное зеленое море!» И с этими

словами она приняла образ лосося, лишь ее лицо и грудь не изменились. А ее собачка превратилась в выдру и впоследствии сопровождала ее повсюду, куда бы она ни направилась, все то время, пока она жила в море.

И так она продолжала плавать из одного моря в другое в течение трех сотен лет; то есть со времени Эохайда, сына Майрида, до времени Комгалла из Бангора.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в «Книге Бурой Коровы» (около 1100 года) под заглавием «Погибель Эохи (Эохайда) Мак Майрида». На русский язык переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: *Old Celtic Romances / Transl. from the Gaelic by P. W. Joyce. [Reprint]. Dublin: Talbot press, 1961.* Мы позволили себе изменить заглавие текста. Кроме того, здесь, как и в случае с «Ойсином в Тир На Н-Ог», мы оставили без перевода вторую часть сказания, повествующую о том, как русалку Либан выловили монахи и как они препирались между собой, кому она должна принадлежать. «Прошло примерно восемьсот лет с тех пор, — писал в начале XX века П. Джойс, — как эта история была переписана из некоего древнего манускрипта в „Книгу Бурой Коровы“, и, как ни странно, предание о Лох Эках, образовавшемся через извержение волшебного источника, упущенного женщиной, ответственной за него, по-прежнему бытует в народе» [91, р. 8].

Лох Эках — Озеро Эохи (Эохайда), ныне Лох Ни, было расположено на территории графств Дерри и Антрим, входившей в состав североирландского королевства Улада. В сказании «Видение Фингена» говорится, что Лох Эках образовалось в ночь рождения короля Конна

Ста Битв. Считается, что это произошло «через сто лет после рождения Христа» [52].

Муман — правильное Мума, древнее название южного королевства, Мунстера.

Эблиу — мачеха Эохайда. В другом источнике, «Старине мест», раскрывается подоплека этих отношений: «Полюбила его жена отца — Эблиу, дочь Гуайре, от которой пошло название Сλιαб Эблинн. Собрались они бежать к Бругу Мак Ока...» [52, с. 237]. Отношения между мачехой и пасынком в ирландских сказаниях чаще всего возникают по инициативе женщины и приводят, хочет того юноша или нет, к возникновению драматического «треугольника». «Это примечательная характеристика множества ирландских сказаний о сватовствах и побегах, когда именно женщина берет инициативу и побуждает героя нарушить узы верности ее супругу, став ее любовником. Это, несомненно, связано с тем фактом, что героини ранней ирландской традиции были изначально богинями» [84].

Сλιαб Эблинн — Гора Эблиу, ныне Сливе Фелим, в графстве Типперэри, на территории Мунстера, в северной его части.

...обратили свои лица к северу. — Из Мунстера, то есть с юга Ирландии, путь Эохайда и его людей пролегает на север, к Уладу, где они в конце концов и обоснуются.

Озеро Риб — ныне Лох Ри на реке Шэннон в центральной части Ирландии. *Река Шэннон (Синанн)* — самая протяженная река Ирландии и как бы состоит из цепи озер. *Равнина Арбтени*, о которой

говорится выше, была на месте возникшего озера. Судьба Рыба и его людей, отделившихся от основной группы переселенцев, никак не «обоснована» в сказании.

...к Бругу на Бойне, дворцу Мак Индока... — Дворец Энгуса из Племени Богини Дану, знаменитый холм на реке Бойне (см. примечания к «Приключению Арта, сына Конна»). Почему именно сюда пришли Эохайд и Эблиу со своими людьми? В ирландской традиции Энгус Мак Ок (Мак Инд Ок) «покровительствует любящим», — например, Грайне, жене Финна, которая вынудила бежать с собой Диармайда, племянника Финна [16]. Эблиу и Эохайд скорее всего рассчитывали на подобное покровительство.

...отправились в путь, в воскресенье... — Существовало предубеждение, что «путь в воскресенье не к добру», хотя оно и получило свое обоснование гораздо позже описываемых событий (см. примечание к «Обольшению Бекфолы»).

Равнина Седой Роци — равнина, которая была затоплена озером Лох Эках.

...забил магический источник. — В «Старине мест» сказано по этому поводу: «...Легла их лошадь на землю и испустила мочу, когда сняли с нее поклажу. И превратилась ее моча в источник, а вокруг него построили дом» [52, с. 237].

...построить вокруг источника дом... — То есть возвести здание, накрывающее источник со всех сторон. Хоть такое и трудно себе пред-

ставить, но сквозь некоторые известные в древней Ирландии Дома протекали реки, например, Дом Да Хока в сказании «Разрушение Дома Да Хока», «...ибо в былые времена не бывало королевского Дома без воды, текущей внутри него или поблизости» [52, с. 138]. Впрочем, речь идет не о реке, а об источнике. Вся последующая трагедия (женщина, которой поручили следить за источником и держать дверь в Доме на замке, забыла это сделать) немного напоминает историю с затоплением города Ис — легенду кельтов континентальной Бретани. Как в случае с городом Ис, рыбаки показывали путешественникам на дне озера Лох Эах (Лох Ни) городские строения в ясную погоду [46, с. 497].

Каирн Арени, Каирн Кернан. — Каирн — холм, возведенный на месте погребения, а также груда камней или насыпь, сделанная в память о каком-либо событии и не обязательно связанная с захоронением. Эти памятники конической формы было принято оставлять не только у древних ирландцев, но и у прочих кельтов — в Шотландии, Уэльсе, Бретани. Они могли использоваться и как межевые знаки.

...она приняла образ лосося... — Подобные превращения в кельтской традиции не просто элемент сказочной фантастики: вера в перевоплощение (переселение душ, оборотничество) была существенной частью друидической религии и вошла в «плоть и кровь» кельтских народов настолько, что сохраняется в некоторых кельтоязычных районах Ирландии, Шотландии, Уэльса и Бретани до сих пор. О вере кельтов в переселение душ писали Юлий Цезарь, Страбон, Лукан и другие. Этот мотив постоянно присутствует и в древнеирландских сказаниях. См., например, «Сватовство к Этайн» [52], где героиня, обращенная в муху, живет в этом облике много лет, затем ее проглатывает женщина вместе с питьем, беременеет от этого — и рождает Этайн в человеческом облике.

В этом сказании говорится, что в различных своих воплощениях Этайн прожила более тысячи лет. Точно так же рассказывается про некоего Финтана, который прожил в различных обликах от Потопа до крещения Ирландии в V веке. Что касается облика лосося, то для древних ирландцев лосось был олицетворением мудрости, тайного знания, самым «почтенным» существом водного мира.

Добавим, что у кельтов представления о «морских девах» (они звались не русалками, а морганами) были очень распространены, от Оркнейских островов до Бретани, и очень живучи: в северной Шотландии, например, их видели еще в начале XIX века и вполне уважаемые люди; так, сообщали [49, с. 83—84], что однажды «морскую деву» видела дочь священника, мисс Макей, а в другой раз — школьный учитель Вильям Монро. Причем он видел деву не в воде, а голой на скале: она была телом «совершенно как женщина» и расчесывала пальцами свои волосы светло-кофейного цвета.

...ее собачка превратилась в выдру... — Ирландцы называют выдру «водяной собакой».

...со времени Эохайда, сына Майрида, до времени Комгалла из Бангора. — Комгалл, известный ирландский святой, основал в VI веке монастырь и монастырскую школу в Бангоре, и это место стало одним из самых знаменитых центров просвещения в Ирландии. Бангор, основанный святым Комгаллом, располагался на Озере Белфаст, — на севере страны, в Уладе; и самого Комгалла называли «главою Улада» (Ульстера). Он также был великим постником и ел только по воскресеньям.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ КОРМАКА В ОБЕТОВАННОЙ СТРАНЕ

аша Кормака — это золотая чаша, которой он обладал. Вот каким образом была она обретаена. Однажды на рассвете в месяце мае та, сына Конна Ста Битв, был один на Валу Теа в Таре. Он увидел идущего к нему степенного седоволосого воина в пурпурном, украшенном бахромой плаще, в складчатой, вытканной золотом рубаше и тупоносых башмаках из белой бронзы между ступнями его и землей. Серебряная ветвь с тремя золотыми яблоками была на его плече. Так сладко и весело было слушать музыку, которую издавала ветвь, что мужчины, страдающие от ран, или женщины в родах, или люди в болезнях засыпали под мелодию, которая звучала, если потрясти этой ветвью. Воин приветствовал Кормака. Кормак приветствовал его. «Откуда пришел ты, о воин?» — спросил Кормак. «Из страны, — отвечал тот, — в которой нет ничего,

кроме правды, и нет там ни возраста, ни дряхления, ни уныния, ни печали, ни зависти, ни ревности, ни ненависти, ни гордыни». — «У нас не так, — сказал Кормак. — Вопрос, о воин: не заключить ли нам союз?» — «Я бы очень хотел этого». Так они стали союзниками. «Отдай мне ветвь!» — сказал Кормак. «Я отдам ее, — сказал воин, — при условии, что три милости, которые я попрошу в Таре, будут мне пожалованы в ответ». — «Они будут пожалованы тебе», — сказал Кормак. Тогда воин связал Кормака его обещанием, оставил ветвь и пошел прочь; и Кормак не знал, куда он ушел. Кормак возвратился во дворец, и домочадцы изумились ветви. Кормак потряс ею на них и вверг их в дремоту от сего часа до того же времени следующего дня. К концу года воин пришел и попросил у Кормака возмещение, оговоренное за его ветвь. «Оно будет дано», — сказал Кормак. «Сегодня я возьму твою дочь Айльбе», — сказал воин. Так он забрал девушку с собой. Женщины Тары испустили три громких крика вслед дочери короля Эрина. Но Кормак потряс ветвью на них, так что изгнал из всех них горе и вверг их в сон.

Месяц спустя воин возвратился и взял с собой Карпре Лифехайра, сына Кормака. Скорбь и плач не прекращались в Таре о потере мальчика, и той ночью никто не ел и не спал, и были они в горе и чрезвычайном унынии. Но Кормак потряс на них ветвью, и их печаль покинула их. Тот же воин пришел в третий раз. «Что попросишь ты сегодня?» — спросил Кормак. «Твою жену, — сказал тот, — именно Этне Широкобедрую, дочь Дунланга, короля Лейнстера». Затем он увел женщину с собою прочь. Этого Кормак перенести не мог. Он пошел вслед за ними, и всякий последовал ему. Посреди равнины пал на них великий туман, и Кормак обнаружил, что он один. Была

посреди равнины большая крепость с бронзовой стеною вокруг нее. В крепости был дом из белого серебра, и был он наполовину крыт крыльями белых птиц. При доме было изрядное скопление всадников с охапками крыльев белых птиц за пазухой, чтобы крыть дом. Налетал порыв ветра и уносил все то, что они покрыли.

Кормак увидел человека, разжигавшего огонь, и ветвистый ствол дуба был брошен в огонь, с макушкой и корнями. Когда человек пришел снова с другим дубом, горение первого закончилось. Затем Кормак увидел другую королевскую крепость и другую бронзовую стену вокруг нее. Было внутри нее четыре дворца. Он вошел в крепость и увидел обширный дворец с бронзовыми балками, сплетенный из серебра, и с крышей из крыльев белых птиц. Затем он увидел в ограде сверкающий источник с пятью ручьями, истекающими из него, и людей, по очереди пьющих их воду. Над источником росли девять орешников Буан. Пурпурные орешники роняли свои орехи в источник, и пять лососей, которые были в нем, раскалывали их и посылали их скорлупки плыть по течению ручьев. Между тем звук от истечения этих ручьев был более мелодичен, чем любая музыка, что пели люди.

Он вошел во дворец. Там внутри находилась пара, ожидающая его. Внешность воина была замечательна благодаря красоте его облика, сообразности его стати и изумительности его лица. Девушка вместе с ним, зрелая, желтоволосая, с золотой повязкой на голове, была милее всех женщин мира. Ноги Кормака были омыты невидимыми руками. Была там купальня в маленьком пруду, где не было нужды в прислуге. Нагретые камни сами собой погружались в воду и всплывали из нее.

После девяти часов пребывания там, они увидели человека, входившего в дом. В его правой руке был дровяной топор, в левой руке — колода, а за его спиной — свинья. «Пора приготовить что-нибудь, — сказал воин, — поскольку здесь находится благородный гость».

Человек ударил свинью и убил ее. И он рассек свою колоду так, что у него получилось три груды щепок. Свинья была брошена в котел. «Пора тебе перевернуть ее», — сказал воин. «Это было бы бесполезно, — сказал стряпальщик, — ибо никогда, никогда свинья не будет сварена, покуда на каждую четверть ее не расскажут бль». — «Тогда, — сказал воин, — расскажи нам первую бль».

«Однажды, — сказал тот, — когда я обходил землю, я нашел коров другого человека на своей вотчине и привел их с собой в загон для скота. Владелец коров последовал за мной и сказал, что даст мне награду, если я выпущу его коров на волю. Я отдал ему его коров. Он дал мне свинью, топор и колоду, — чтобы зарубать свинью топором каждой ночью, а колоду им рассекать, и тогда было бы довольно дров, чтобы сварить свинью, а также и для дворца. И, более того, свинья будет оживать на следующее утро, а колода будет целой. И с той поры до сего дня они таковы».

«Действительно, этот рассказ правдив», — сказал воин. Свинью повернули в котле — и лишь одну ее четверть нашли готовой. «Дайте нам другой правдивый рассказ», — сказали все.

«Я расскажу один, — сказал воин. — Пришло время пахать. Когда мы захотели вспахать это поле с краю, оно оказалось вспаханным, пройденным бороной и засеянным пшеницей. Когда мы захотели собрать ее, жатва оказалась

заскирдованной в поле. Когда мы захотели перетащить ее оттуда к себе, она вся оказалась заперта в одном крытом овине. Мы питаемся ею с той поры по сей день, но ее нисколько ни больше, ни меньше».

Тогда свинью повернули в котле — и другая ее четверть оказалась готовой.

«Теперь моя очередь, — сказал женщина. — У меня есть семь коров и семь овец. Молока семи коров хватает для народа Обетованной Страны. Из шерсти семи овец делается вся одежда, в которой он ходит».

На этом рассказе сварилась третья четверть свиньи. «Теперь твоя очередь», — сказали они Кормаку. Тогда Кормак рассказал, как его жена, сын и дочь были взяты у него и как он сам следовал за ними, пока не пришел к этому дому.

И на этом свинья сварилась целиком. Тогда они разрезали свинью, и перед Кормаком была положена его доля. «Я никогда не ем пищи, — сказал Кормак, — без пятидесяти в моем обществе». Воин спел ему песнь и погрузил его в сон. После этого он пробудился и увидел пятьдесят воинов, своего сына, свою жену и свою дочь вместе с собой. Вслед за этим дух его укрепился. Тогда их наделили пивом и пищей, и они стали счастливы и радостны. В руке воина помещалась золотая чаша. Кормак изумлялся чаше, из-за множества ликов на ней и странности исполнения. «Есть нечто в ней еще более странное, — сказал воин. — Пусть под ней будут сказаны три лжи, и она расколется натрое. Потом пусть под ней будут сделаны три справедливых утверждения, и она соединится вновь, какой была прежде». Воин сказал под ней три лжи, и она раскололась на три части. «Было бы хорошо произнести истину, — сказал

воин, — ради восстановления чаши. Я заявляю, о Кормак, — сказал он, — что до сего дня ни твоя жена, ни твоя дочь не видели лица мужчины с тех пор, как были взяты от тебя из Тары, и что твой сын не видел женского лица». Вслед за этим чаша стала целой. «Возьми теперь свою семью, — сказал воин, — и возьми чашу, дабы ты мог иметь ее для различения между правдой и ложью. И у тебя будет ветвь для музыки и наслаждения. А в день, когда ты умрешь, все это будет взято от тебя. Я Мананнан, сын Лира, — сказал он, — король Обетованной Страны; показать эту Страну было целью, ради которой я увлек тебя сюда. Толпа всадников, кроющих дом, которую ты узрел, — это люди ремесел Ирландии, собирающие скот и богатство, которые обращаются в ничто. Человек, которого ты видел разжигаящим огонь, — это расточительный юный хозяин, и из своего хозяйства он платит за все, что истребляет. Источник, который ты видел, с пятью ручьями из него, — это Источник Знания, а ручьи суть пять чувств, через которые обретается знание. И ни у кого не будет знания, кто не выпьет глотка из самого источника и из ручьев. Люди многих ремесел, — это те, кто пьет из них всех».

На следующее утро, когда Кормак поднялся, он обнаружил себя на лугу у Тары, со своей женой, своим сыном и своей дочерью, и у него были его Ветвь и Чаша.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в «Желтой Книге из Лекана» и в «Книге из Баллимот», относящихся к XIV веку. На русский язык оно впервые переведено А. А. Смирновым. Мы сочли целесообразным

перевести его заново по изданию: *Ancient Irish Tales / Ed. T. P. Cross and C. H. Slover. New York: Barnes & Noble, 1969.*

Поскольку в оригинале сказание озаглавлено «Приключение», оно повествует о соприкосновении с Иным Миром, который здесь располагается не за морем и не в холмах-сидах, а как бы в «параллельном мире». В этом сказании акцент делается на одном существенном для древних ирландцев моменте в правлении всякого короля, который назывался «правда короля». «Во многих других «приключениях» есть упоминания о том, что в Ином мире нет места лжи, но лишь в рассказе о Кормаке добывание истины можно назвать основным сюжетобразующим мотивом» [52, с. 356].

Важно также, что действующим лицом сказания является король Кормак — сын Арта Одинокого и внук Конна Ста Битв. Для ирландской традиции Кормак был идеальным обладателем «правды короля».

Кормак — верховный король Ирландии, правивший в Таре. Кормак, сын Арта и внук Конна Ста Битв (годы его правления — с 213 или 227 года по 268 год), был излюбленным королем ирландской традиции, которому посвящены многие и многие ее «страницы». Основываясь на этой традиции, ирландский историк XVII века О'Флаэрти писал: «Кормак превзошел всех своих предшественников в великолепии, щедрости, мудрости и учености, а также и в военных достижениях. Его дворец был сверх меры превосходно украшен и богато обставлен; а его многочисленная семья была глашатаем его величия и великолепия; книги, которые он издавал, и школы, учрежденные им в Таре, служат неоспоримым свидетельством его учености...» [90]. Традиция подчеркивает союз Кормака с «правдой короля» (см. примечание к «Приключению Арта, сына Конна»). «Именно благодаря справедливому правлению и суждению Кормака, коровы носили телят в своем чреве

только три месяца, с каждой борозды собирали по мешку зерна, реки изобиловали лососем, а чтобы собрать все молоко, которое за день давала корова, просто не хватало посуды в доме» [54, с. 145]. Мы, однако, приглашаем читателя ознакомиться с текстом, который несколько подбивает веру в безупречность Кормака с точки зрения «правды короля» (см. «Осада Друйм Дамгайре»). Как бы то ни было, в стихотворных преданиях «Старина мест» сохранилось восторженное отношение к королю Кормаку:

*Кормак, постоянным было его процветание,
Он был мудрец, он был поэт, он был властитель,
Он был справедливый судья людей Эрина,
Он был друг, он был товарищ...*

[95]

Именно в правление Кормака, как считается, Тара — столица верховных королей Ирландии — стала такой, какой мы ее знаем из традиции. Действие сказаний о Финне, Ойсине и их соратниках относится также ко времени Кормака.

Обетованная Страна — Тир Тарнгире (см. примечания, касающиеся Иного Мира, в «Приключении Конлы Красного», «Ойсине в Тир На Н-Ог», «Приключении Арта, сына Конна»).

...был один на Валу Теа в Таре. — Вал Теа (Темайр) — таково было исконное значение и древнее произношение имени Тара. Согласно традиции, это место было королевской резиденцией еще до прихода в Ирландию первого человеческого поколения — Сыновей Миа, однако тогда оно носило иные названия. Валом, Холмом или Крепостью Теа стало оно зваться по супруге первого ирландского короля из Сыновей Миа, Эремона, которую звали Теа, дочь Лугайда. Она получила это

место в дар от своего мужа, и была здесь погребена после смерти. Таким образом, Вал Теа — это ее могильный холм (ср. с историей «Эмайн-Махи»). «На месте Тары, графство Мит, расположены ныне низкие холмы, у вершин которых сохранились остатки валов и других строений. Есть там могильные холмы бронзового века» [52, с. 275].

Ирландские сказания нередко «застают» верховных королей на валу на рассвете. Например, про деда Кормака, Конна Ста Битв, рассказывается, что «он ежедневно поднимался на крепостной вал Тары, чтобы народ из сидов и фоморы не напали внезапно на Ирландию»: это было связано с тем, что «потенциально Тара всегда находилась в осаде» [54, с. 177]. Сказание «Сватовство к Этайн» содержит описание встречи короля Эохайда Айрема с выходцем из Иного Мира Мидиром в тех же обстоятельствах, что и у Кормака с неизвестным воином, в облике которого к нему явился сам Мананнан: король на крепостном валу Тары летним утром видит идущего к нему незнакомца, прекрасного обликом воина. Кроме того, очень вероятно, что в нашем сказании подразумевается рассвет первого дня мая, Бельтана, — это самое начало нового лета, «когда принято вставать пораньше, чтобы увидеть, как занимается рассвет». (См. о *Бельтане* примечание к «Историям о Монгане».)

...в ...башмаках из белой бронзы между ступнями его и землей. — Очень важный момент в описании выходцев из Иного Мира. О белой бронзе как «изолирующем» и одновременно «проводящем» материале известно по упоминаниям во многих сказаниях. Башмаки в таких случаях выполняют ту же функцию, что и лодка, лошадь и другие «посредники».

Серебряная ветвь с тремя золотыми яблоками... — Ср. с яблоком, которое принесла и отдала Конле в его «Приключении» фея-вестница.

Такую же яблоневою ветвь приносит с собой посланница из Страны Обетованной в сказании «Плавание Брана»: «Здесь ветвь с яблоневого дерева из Эмайн, подобная тем, что известны уже; прутья из белого серебра на ней и хрустальные венчики с цветами». В «Плавании Брана» эта ветвь, как и в «Приключении Кормака», сопряжена со звучанием нездешней музыки: «Однажды Бран бродил одиноко вокруг своего замка, когда вдруг он услышал музыку позади себя. Он обернулся, но музыка снова звучала за спиной его, и так было всякий раз, сколько бы он ни оборачивался. И такова была прелесть мелодии, что он наконец впал в сон. Когда он пробудился, то увидел около себя серебряную ветвь с белыми цветами» [16, с. 141].

...если потрясти этой ветвью. — И в архаических текстах, и в народных сказках Ирландии прекрасная музыка выступает как один из главных атрибутов Иного Мира [54, с. 154]. Из очень многих «иллюстраций», которые можно привести к этому высказыванию, ограничимся одной. Среди чудес, сопровождавших ночь рождения короля Конна Ста Битв, случилось вот что: «Прилетели трижды девять белых птиц, скованных цепочками красного золота, и прозвучала над валами Тары прекрасная мелодия, так что ни горя, ни жалости, ни тоски, ни печали уж там не осталось» [52, с. 149]. Также в валлийской традиции: пение «птиц Рианнон» заставляло живых заснуть, а мертвых — проснуться.

Айльбе — дочь Кормака, известна по сказанию «Сватовство к Айльбе», где к ней сватается сам Финн, сын Кумала. При этом он загадывает ей множество мудреных загадок, среди которых замечательна, например, такая: «Что ярче искры? — Душа женщины меж двух мужчин» [52, с. 140].

Карпре Лифехайр — сын Кормака, был прозван так оттого, что он любил Лиффи (река в Лейнстере, на которой ныне стоит город Дублин, и примыкающая к ней долина того же имени) и «воспитывался там среди людей из рода своих отца и матери» [52, с. 164]. Карпре был знаменит уже тем, что именно из ответов отца на его вопросы составилось «Наставление Кормака властителем»: там дается должная линия поведения короля и содержится своеобразная философия власти, как ее понимали в ирландской традиции. Так, например, Карпре спрашивает Кормака, что было самым сладостным из того, что он когда-либо слышал, и Кормак отвечает: «Крик торжества после победы, благодарность после вознаграждения, приглашение прекрасной женщины в ее постель» [86, S. 15]. Карпре, ставший верховным королем Ирландии после смерти своего отца, погиб в битве при Гавре в 284 году, где он был врагом Финна Мак Кумала и его фениев. В этой битве король Карпре и Оскар, сын Ойсина, смертельно ранили друг друга, встретившись в поединке. Таким образом, Карпре изменил традиции своего отца, Кормака, который даже породнился с Финном, выдав за него свою дочь Грайне, сестру Айльбе.

...той ночью никто не ел... — О еде по ночам как обычном деле упоминается также в «Мече Кухулина» и в «Чудесной жене». Это, несомненно, связано с тем, что еще Цезарь подметил в своих «Записках о Галльской войне»: кельты «исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идет ночь, за ней день» (*О Галльской войне, VI, 18*).

Этне Широкобедрая — жена Кормака. Эту Этне не стоит путать с ее тезкой — бабкой Кормака, женой Конна Ста Битв (см. «Приключения Арта, сына Конна»). На смешение двух этих Этне в ирландской

традиции обратил внимание уже Дж. Китинг [80]. Впрочем, не исключено, что в данном случае подразумевалась «реинкарнация» одной и той же героини: Этне, или Этайн, в ирландской традиции, как правило, зовут сверхъестественных женщин, имеющих не одно рождение (см., например, «Сватовство к Этайн» [52]). Как бы то ни было, жену свою Кормак приобрел следующим образом: он встретил девушку в крестьянском доме, доящую коров, ибо воспитывалась Этне, хоть и была королевной по рождению, в доме крестьянина. Этне так угодила Кормаку своими ответами, что он попросил ее в жены у ее приемного отца, Бухета, однако тот не отдал ее, «и говорят, что тогда силой привели ее к Кормаку и провела с ним девушка лишь одну эту ночь, а потом покинула его. Но зачала она в своей утробе сына Кормака, Карпре Лифехайра... Потом стала Этне женой Кормака и королевой» [52, с. 164]. Известно, что, когда Кормак влюбился в девушку из Альбы (Шотландии) по имени Киарнайт и стал с ней жить, Этне, его законная жена, стремилась известить эту девушку тяжелой работой (ее заставили вручную молоть зерно), однако искусник из Альбы создал для Кормака мельницу и тем освободил Киарнайт от рабства у Этне, жены Кормака [80].

...источник с пятью ручьями... — Описание источника почти совпадает с описанием Источника Коннла в преданиях «Старина мест»: «В этом источнике орешник искусства поэзии и вдохновения мудрости. В один час появляются его плоды, цветы и листья, а потом падают в источник и являют в нем королевский прилив пурпура. Тогда съедают орехи лосося, и сок орехов проступает у них на красном брюхе. Семь потоков мудрости извергаются из источника и падают обратно» [52, с. 228]. В обоих случаях, скорее всего, описывается один и тот же Источник Мудрости, находящийся в Ином Мире. (См. также примечание к «Эмайн-Махе».)

...девять орешников Буан. — Буан была женой Месегры, короля Лейнстера, который был убит головорезом из Ульстера (Улада) по имени Конал Победный (см. сказание «Забота о Конале Кернахе»). Узнав об этом, «она пала бездыханная на торф, и ее дух воссоединился с духом ее возлюбленного господина в счастливых долинах Тир На Н-Ог... Из торфа над ее останками вырос орешник, и он был повсюду известен под именем Орешника Буан» [83]. При всем том, однако, неясно, почему этот Орешник (вернее, орешники, ибо их девять) оказался в Ином Мире и стал там известным в традиции Орешником Знания, который фигурирует обычно вместе с Источником и с Лососем Знания. Неясность этого места отмечена А. А. Смирновым [14].

...пара, ожидающая его. — Этот момент, как и вся история в целом, весьма напоминает то, что в свое время случилось с дедом Кормака, Конном: «Однажды Конн, его друиды и поэты потеряли тропу в тумане и вдруг увидели дом, возле которого росло золотое дерево. Рядом с ним увидели они Луга и Власть, сидящую на хрустальном троне... Девушка подала Конну мясо и красное пиво, а Луг поведал ему о тех, кто будет править Ирландией после Конна» [54, с. 356]. Дом с мужчиной и женщиной — гостеприимными хозяевами, — который возникает на пустой равнине и исчезает наутро, есть также в сказании о зачатии и рождении героя Кухулина.

...свинья будет оживать на следующее утро... — Среди чудес, которыми обладали боги из Племена Богини Дану, ставшие сидами (см. примечание к «Приключению Конлы Красного»), были «свиньи Мананнана», которые закальвались для трапезы и снова оживали в сказании «Воспитание в Домах Двух Чаш». Вообще, в кельтской Традиции свиньи принадлежат по сути своей к Иному миру [54, с. 201].

...без пятидесяти в моем обществе... — Ср. в «Приключении Арта, сына Конна»: Конн говорит, что на нем лежит зарок (гейс) есть в одиночку, то есть табу делать это. Очевидно, на Кормаке, его внуке, лежит тот же гейс, который выглядит «родовым».

Золотая чаша. — Как «обличитель лжи», эта Чаша может быть приравнена к известному «золотому ошейнику» легендарного судьи Моранна (см. примечание к «Мечу Кухулина»), а как вещь — к другим бесчисленным «чудесным вещам» кельтской традиции, происхождение которых в конечном счете — иномирное и благодаря которым сама эта традиция может быть названа «чудесно-вещной». Здесь Камень Фаль кричит, Меч Огмы вещает, а Чаша Кормака обижается на ложь. «Все эти чудесные предметы освящали идеей вечности мир смертного бытия. А кроме того, они увеличивали значение своих аналогов в повседневной жизни» [54, с. 357].

...в день, когда ты умрешь... — Согласно традиции, незадолго до смерти король Кормак получил увечье, лишился глаза, и вследствие этого удалился из Тары, «ибо не подобало там быть увечному королю». Умер он в Клетехе (см. сказание «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк»), оттого что подавился костью лосося, однако не естественным образом, а по воле злых сидов, которых Майлгенн, друид Кормака, побудил напасть на него, за то что Кормак отвернулся от друидов ради почитания единого Бога.

Мананнан, сын Лира... король Обетованной Страны... — В большинстве случаев, однако, Страна Мананнана расположена в «заморском» Ином Мире (см. примечания к «Приключению Арта, сына Конна» и «Историям о Монгане»). О «двойственной географии»

Иного Мира см. также примечание к «Приключению Конлы Красного».

...и у него были его Ветвь и Чаша. — Вот как выразили сущность этого сказания Алвин и Бринли Рис: «Отдав все, что имел, за чудесную ветвь, Кормак получает обратно все, чем пожертвовал, и приобретает впридачу талисман Истины. Он увидел Обетованную Страну, ибо Мананнан решил одарить его сверхъестественным опытом. Он открыл, что источник знания и искусства находится в Ином Мире, и при помощи нескольких аллегорических сцен понял, как выглядят люди, если смотреть на них „оттуда“» [54, с. 356].

ЭМАЙН-МАХА

Семь лет Маха Рыжеволосая, дочь Аэда Руада, владела верховной властью над Ирландией, пока Рехтайд Ригдерг не сразил ее. Это при ней была построена Эмайн-Маха. А причина, почему Эмайн-Маха так названа, вот такая.

Три короля из Ульстера владели верховной властью над Ирландией, а именно: Аэд Руад, сын Бадарна, по которому назван Эсс Руад; Диоторба, сын Деамана, из Уснеха в Миде и Кимбаэт, сын Финтана, из Финнабайра. И каждый из этих королей правил по семь лет вслед другому, покуда каждый не пробывл верховным королем Ирландии трижды. И первым, кто из них умер, был Аэд Руад; и он не оставил потомков, только одну дочь по имени Маха. Маха после смерти своего отца в свою очередь потребовала верховной власти. Диоторба и его дети сказали, что не уступят верховную власть женщине.

Между ними и Махой произошла битва; и Маха взяла над ними верх в этой битве и владела верховной властью над Ирландией семь лет. А Диоторба умер и оставил пять сыновей, а именно: Баота, Бедаха, Браса, Уаллаха и Борбхаса. Эти потребовали верховной власти над Ирландией для себя, как ею владели до них их предки. Маха сказала, что вместо верховной власти она даст им только битву. Между ними произошла битва, и Маха их разбила. Дети Диоторбы спаслись бегством в темные непроходимые леса. А Маха взяла Кимбаэта, сына Финтана, себе в мужья и сделала его предводителем своих воинов, а сама отправилась преследовать сыновей Диоторбы в облике прокаженной, натерев свое тело ржаным тестом, и нашла их в непроходимом лесу в Байренн, готовивших дикого кабана. Сыновья Диоторбы спросили у нее о новостях и дали ей кусок мяса. Она сообщила им все новости, которые имела.

И затем один из мужчин сказал, что у прокаженной красивые глаза и что он захотел лечь с ней. Тогда он и Маха удалились в гущу леса, и Маха связала этого мужчину, оставила его там и вернулась к остальным. И они стали у нее выпрашивать: «Где ты оставила мужчину, который пошел с тобой?» — сказали они. «Не знаю, — сказала она, — но я думаю, что он стыдится придти в ваше общество, поимев прокаженную». — «Это не стыдно, — сказали они, — так как мы сделаем то же самое».

И так она пошла в лес с каждым из них по очереди и связала их всех, и привела их связанными вместе пред люди Ульстера, и спросила знатных Ульстера, что ей сделать с ними. Все согласно сказали, что их следует предать смерти. «Это не справедливо, — сказала Маха, — ибо это будет противно

закону; но пусть их сделают рабами и пусть на них возложат урок построить для меня крепость, которая навсегда станет столицей области». Затем Маха отстегнула золотую заколку, что была в плаще у нее на груди, и ею отмеряла место для крепости, которую обязаны были строить сыновья Диоторбы. Тогда крепость назвали Эмайн, от «эо» — «заколка» и «муйн» — «шея», то есть «шейная заколка» Махи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания в данном варианте содержится в «Истории Ирландии» Джеффри Китинга, написанной в 1634—1635 годах, по которой и сделан наш перевод: *Foras Feasa ar Eirinn // Keating G. The history of Ireland / Ed. with transl. and notes by D. Comyn and P. S. Dinneen. London: Irish texts society, 1908. Vol. 2.*

«История Ирландии» Китинга вобрала в себя предшествующую письменную и устную традицию, в том числе источники, не дошедшие до нас. Эта книга сама по себе является весьма авторитетным источником и достойно завершает письменную традицию ирландских Средних веков. «Эмайн-Маха» входит в качестве самостоятельного повествования в § XXVIII Первой Книги «Истории Ирландии». В одной из версий сказания «Сватовство к Эмер», переведенной Шкунаевым [52], содержится тот же рассказ о Махе с некоторыми разночтениями [51] — в виде поздней вставки в рукопись «Сватовства». Поскольку этот рассказ имеет самостоятельную ценность, мы его перевели как отдельный текст. Заглавие дано нами.

В отличие от предыдущих сказаний этого сборника, «Эмайн-Маха» повествует о событиях I тысячелетия до н. э.

Эмайн-Маха — древняя столица северного королевства Ирландии, Улада (Ульстера, как его стали называть позднее). На этом месте сейчас находится город Невен-форт, а в нескольких километрах от него — еще один город, связанный с именем Махи: Армаг, Ард-Маха (Холм Махи). Эмайн-Маха, основанная, по некоторым хроникам, в 645 году до н. э., до ее разрушения в 332 году н. э. была резиденцией уладских (ульстерских) королей, известнейший из которых — король Конхобар, живший на рубеже I века до н. э. — I века н. э. Эмайн-Маха была главным местом действия так называемого уладского, или героического, цикла сказаний, связанного с именем знаменитого Кухулина. До возвышения Темры (Тары) в срединном королевстве Ирландии (Миде), в Эмайн-Махе, на севере страны, похоже, сосредотачивалась власть верховных королей. До настоящего времени там сохранились следы укреплений диаметром около 300 м.

Маха Рыжеволосая. — Ни в этом, ни в других текстах не говорится напрямую, что королева Маха, основательница столицы Ульстера, героиня данного сказания, была реинкарнацией одноименной с ней богини войны из Племени Богини Дану; однако это подразумевалось. Рождение в новом облике с прежним именем встречается также в сказании «Сватовство к Этайн» [52]: героиня из эпохи Племени Богини Дану по имени Этайн рождается вновь в эпоху уже «историческую», эпоху ирландских королей. Богиня Маха в прежнем своем рождении, дочь Эрмася, жена Немеда, входила в божественную тройку женщин-воительниц: Маха, Бадб и Морриган, и, как говорится в сказании «Битва при Маг Туиред» [52], пала, сражаясь с главными противниками Племени Богини Дану — фоморами. По некоторым данным, это произошло в 1869 году до н. э. Таким образом, Маха — богиня войны той отдаленной эпохи, Маха — королева, основательница города и

третья Маха — героиня сказания о «недуге уладов» — это ипостаси одной и той же Махи.

Аэд Руад, сын Бадарна — отец Махи, один из легендарных ирландских королей отдаленной эпохи до нашей эры, о котором «История Ирландии» Дж. Китинга весьма скупо сообщает, что он правил 21 год и утонул в Эсс Руаде. Возможно, что этот король — мифологический персонаж, скорее всего тождественный Дагда из Племени Богини Дану; этот Дагда звался иногда Руад Рофесса (Красный Всеведущий).

Рехтайд Риндерг — сын Лугайда Лайгде. Согласно традиции, король, правивший Ирландией 20 лет. О нем сообщается, что свое имя — Рехтайд Ригдерг (Рехтайд Красный Король) — получил потому, что имел «красное предплечье» [79], то есть, возможно, «руки в крови». Был убит в свою очередь королем Угайне Великим, мстившим, как сказано, за свою приемную мать. Таким образом, Маха была приемной матерью Угайне (VI век до н. э.).

Эсс Руад (Красный Водопад) — современный Ассароз на северо-западе Ирландии, в теперешнем графстве Донегал. Этот водопад был знаменит тем, что с ним связывалось пребывание легендарного Лосося Мудрости, отведав которого человек становится мудрецом и вдохновенным поэтом. Божественным покровителем водопада считался Дагда из Племя Богини Дану, по прозвищу Красный Всеведущий. Согласно преданиям «Старина мест», Красный Водопад получил свое название от короля Аэда Руада (Аэда Красного), сына Бадарна, который «обманом лишил своего воина награды и обрушил на него звезды видимые и невидимые. И тогда призвал воин против короля своих поручителей — море и ветер, солнце и небеса — и великим солнечным жаром понудил

короля войти в воду, и утонул в потоке Аэд чудесною волею моря и сильного ветра» [52, с. 230].

Аэд Руад, Диоторба, Кимбаэт. — Эти короли, правившие Ирландией по очереди, приходились друг другу двоюродными братьями: у них был общий дед по имени Айргедмар. О Кимбаэте, который впоследствии был «взят» Махой в мужа, известно, что он вместе с ней считался основателем столицы Ульстера, что он правил или 20, или 28 лет и умер в Эмайн-Махе от чумы. В одной из поэм, вошедших в «Лейнстерскую Книгу» (середина XII века), говорится, что «Кимбаэт, глава юных воинов Эмайн, принял во владение гордые земли Тары...». В тексте нашего сказания, который вошел в виде вставки в «Сватовство к Эмер», уточняется, что за договор между указанными тремя королями поручились друиды [51].

Уснех в Миде — географический и сакральный центр Ирландии. Возможно, амбиции Диоторбы и его сыновей связаны с ролью и значением Уснеха, из которого они происходят. Позднее вокруг Уснеха образуется срединное королевство Ирландии — Миде, где произойдет возвышение Тары, которая станет столицей верховных королей страны (см. примечание к «Приключению Конлы Красного»).

Финнабайр — упоминается в сказании «Борома» [52] как место битвы между королями Тары и Лейнстера из-за дани, которую собирали с Лейнстера верховные короли. Здесь собирались улады на свои ознахи (Собрания-Праздники) (см. примеч. к сказанию «Финн и призраки»).

...Маха взяла над ними верх в этой битве... — Женщина-воительница — фигура довольно типичная для кельтской традиции, легендарной

и исторической. Достаточно назвать британскую королеву Боудикку, нанесшую поражение римлянам в I веке, как это описывает Тацит [61, кн. 14], которая восклицала со своей боевой колесницы, что «бритты привыкли воевать под предводительством женщин». Или ирландскую королеву Медб — опытного, коварного и жестокого противника ульстерцев во главе с Кухулином в эпосе «Похищение быка из Куальнге». Подобное «равноправие» женского пола с мужским существовало у кельтских народов с глубокой древности. Этому очень удивлялись греко-римские авторы, например, Страбон, писавший в своей «Географии» (III, 4, 17) о «мужественности» кельтских женщин, или Диодор Сицилийский, отмечавший в своей «Исторической библиотеке», что у кельтов «жены не только ростом равняются мужчинам, но духом также им подобятся» [11, с. 181]. Что касается ирландцев, то почти во всех описаниях битв, которые мы находим в их сказаниях, отмечается, что на поле боя наряду с мужчинами сражались и пали женщины. Лишь в 697 году по настоянию аббата Адамнана был принят закон, освобождавший женщин от военной повинности [14].

Таким образом, личность и поведение королевы Махи из нашего сказания для кельтской, и в частности ирландской, традиции вовсе не исключительны. Даже все божества войны у ирландцев — одноименная Маха, Морриган, Бадб — женского рода. Облик этих богинь, как они описываются в сказаниях, то прекрасный, то ужасающий. Они либо «наговаривают» войну, либо сражаются сами, либо устрашают вражеских воинов, появляясь над войском в образе валькирий.

Весьма важно, что в ирландской традиции с севером страны, с Уладом (Ульстером), ассоциировалась воинственность: «Знание на западе, битва на севере, изобилие на востоке, музыка на юге, власть в центре» [52, с. 82]. Эта ассоциация, очевидно, идет от основательницы

северной столицы, ульстерской королевы Махи. В одном из дворцовых покоев этой столицы, Эмайн-Махи, висели головы сраженных воинов, которые назывались «желуди Махи».

...натерев свое тело ржаным тестом... — Ржановое тесто как средство приобрести облик прокаженного упоминается еще в сказании «Борома»: «...Пусть же принесут ржаное тесто и телячью кровь и обмажут меня, а потом дадут мне рясу и суму. — Так и было сделано, и стал походить Рон Керр на любого прокаженного» [52, с. 184].

Байренн — гористая местность в Коннахте, на западе Ирландии, на территории нынешнего графства Клэр.

...связала их всех... — Физическая сила кельтских женщин была замечена античными авторами. Например, Аммиан Марцеллин (*История*, XV, 12, 1) писал: «Почти все галлы высоки ростом, белы телом, русоволосы... Когда один из них поссорится с другим и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, — то целая толпа чужих не справится с ним». Что касается Махи, то она названа в преданиях «Старина мест» одной из «королев буйной силы, которые имели истинно миловидных супругов [54, с. 418].

...отстегнула золотую заколку... — деталь одеяния, постоянно встречающаяся в ирландских сказаниях. Еще Страбон и Полибий упоминали о том, что кельты носили плащи, именуемые «сагами». Такие плащи или мантии, скрепленные заколкой или брошью, были, судя по сказаниям, обычной одеждой мужчин и женщин древней Ирландии. Заколки от плащей числятся среди характерных находок кельтской археологии. Они могли использоваться и для других целей.

В преданиях «Старина мест» говорится, что, подобно Махе, с помощью заколки наметила место для будущей крепости другая легендарная женщина — Тефи, тоже «дева прекрасная и беспечальная, героическая в сражении», супруга британского королевича Кантона [95].

...крепость называли Эмайн... — Данное сказание излагает одну, но не единственную версию происхождения имени города, — от шейной заколки Махи. Другая версия, хорошо известная в ирландской традиции, исходит из иного образа Махи и иной этимологии слова «Эмайн». Подробно эта версия излагается в сказании «Девятидневная болезнь уладов» — «Недуг уладов» в переводе А. Смирнова [14], — а вкратце — в преданиях «Старина мест»: «Маха, жена Крунда, пришла на эту равнину, чтобы померяться силами в беге с конями короля Конхобара, ибо сказал ее муж, что никто не сможет обогнать ее. И была его жена в ту пору тяжела. Попросила она отсрочки, покуда не разрешится от бремени, но не согласился на это король. Тогда побежали они и опередила всех Маха, а когда добежала до конца поля, родила мальчика и девочку (близнецов) и сказала, что отныне будут улады мучиться словно в родах всякий раз, когда падут на них испытания» [52, с. 232]. В этой версии название крепости «Эмайн» значит — «близнецы», которых родила Маха. Здесь Маха помещается в эпоху короля Конхобара, в канун нашей эры; она не богиня и не королева-воительница, а фея-сида, пришедшая в дом одного ульстерца и ставшая его женой; ее имя — Маха, дочь Санрита.

Так или иначе, столицу Ульстера и прилегавшую местность традиция связывает с Махой — богиней ли, королевой или «чудесной женой» крестьянина, — ибо и равнина, и возвышенность недалеко от столицы носят имена Махи, и, как сказано в преданиях «Старина мест», пока не явился в Ирландию святой Патрик, то есть до V века, не бывало

такого короля, который не собирал бы людей у могилы Махи (Ард-Маха), чтобы те оплакивали ее.

Большинство исследователей полагают, что все Махи восходят в конечном счете к богине войны из Племени Дану. Это доказывается хотя бы характером мести Махи из «Недуга уладов»: навлекая на уладов «родовые муки» именно на время военной опасности, она мстит как богиня войны.

Что же касается самой идеи происхождения ирландских городов, то уже отмечено, что «применительно к ирландской традиции уместно говорить не столько об основателях, сколько об основательницах, поскольку в основном это были женщины» [54, с. 189]: для Уснеха — это Эриу, для Тары — Теа, для Тайльтиу — Тайльтиу, для Глахтги — Глахтга, для Наас — Наас, для Круахана — Круаху, для Кармуна — Кармун, и для Эмайн-Махи — Маха.

ОСАДА ДРУИМ ДАМГАНРЕ

I.

ормак, сын Арта, король Ирландии, ощутил нехватку мяса, израсходовав дани с областей на обширную челядь своего дома; и он держал совет со своим управителем, как ему добыть пропитание для его челяди, пока не пришло время взимания дани; и управитель посоветовал ему собрать большое войско и пойти в Мунстер, чтобы взять головную дань короля Ирландии. «Ибо они платят тебе, — сказал он, — дань лишь с одной области, тогда как в Мунстере две области, и каждая из этих областей должна платить дань королю Ирландии».

Кормак поступил по этому совету, и отправил послов к Фиахайду Муллетану, который был тогда королем Мунстера, и потребовал от него дань со второй области. Фиахайд возразил послам и сказал, что он не будет платить Кормаку дань

свыше той, что платил королям, которые предшествовали ему. И когда этот ответ дошел до Кормака, он собрал большое войско, и пошел вместе с ним, и не останавливался, пока не достиг Друйм Дамгайре в Мунстере — места, что зовется теперь Кнок Луинге. И там он установил свой шатер и лагерь; а Фиахайд Муллетан, король Мунстера, вышел по другую сторону против него лицом к лицу.

В это время у Кормака было такое обстоятельство: у него были с собой друиды из Альбы, которые творили против короля Мунстера и его сторонников много волшебства, а в особенности постарались не оставить ни капли воды вблизи лагеря короля Мунстера, так что люди и скот были на краю гибели из-за нехватки воды, и король Мунстера был вынужден послать за Мог Рутом, друидом, который был в Киаррайде Луахра; а этот Мог Рут жил во времена девятнадцати королей, как сказал поэт в таком четверостишии:

*В правления одного за другим девятнадцати королей
Была жизнь Мог Рута, со множеством сражений,
От Рота, сына Риогалла, славы великой,
До Карпре Лифехайра могучего.*

И когда Мог Рут пришел, король был вынужден дать ему два надела в Феара Муйге, которые называются землей Ройстиг и землей Кордунайг. И после этого Мог Рут устранил преграду, что была наложена на воду, чтобы удерживать ее, и в то же время бросил в воздух волшебное копьё, которое было у него, и в том месте, куда упало копьё, пробился источник родниковой воды, которая спасла людей Мунстера от жажды, мучившей их.

II.

После того как Мог Рут спас людей Мунстера от засухи и голода, что навели на них друиды Кормака, Кормак вновь привлек на совет своего главного и старейшего друида, Киотруада, и спросил его, что было бы лучше сделать. Киотруад отвечал ему, что их последнее и единственное средство — это сотворить против врага друидический огонь. «Как это сделать?» — спросил Кормак. «Вот каким образом, — сказал Киотруад. — Пусть наши люди пойдут в лес, и пусть они нарубят и вынесут оттуда связки из рябины, из которых должны быть сделаны большие костры; и когда костры разгорятся, если дым пойдет к югу, хорошо тебе будет после этого навалиться на людей Мунстера; а если сюда или к северу пойдет дым, тогда, конечно, для нас будет самое время отступать со всей нашей скоростью». И вот люди Кормака тотчас вошли в лес, срубили указанные деревья, принесли их и положили на костер.

Пока это происходило, Мог Рут, постигший, к чему готовились друиды севера, немедля приказал людям Мунстера пойти в лес Летард и каждому принести в своей руке вязанку из рябиновых деревьев; и только чтобы король принес на плечах ношу со склона горы, где они выросли под тремя укрытиями; а именно: укрытием от мартовского ветра, укрытием от ветра с моря и укрытием от ветров с пожарищ. Люди вскоре возвратились из леса к своему лагерю, и друид Кеанмайр, любимый ученик Мог Рута, выстроил лес в виде маленькой треугольной кухни с семью дверями, тогда как костер северян на другой стороне был только грубо нагроможден и имел всего три двери. «Теперь костер готов совсем, — сказал Кеанмайр, — осталось зажечь его».

Мог Рут тогда приказал каждому человеку из войска дать ему по стружке с рукояти своего копья, которые, получив, он смешал с маслом и скатал в большой шар, в то же время произнося такие слова стихами:

*Я мешаю бурный могучий огонь;
Он очистит леса, он погубит траву;
Сердитое пламя могучей скорости;
Оно взметнется ввысь к небесам,
Оно превзойдет гневом целый горящий лес,
Оно порушит битву кланов Конна, —*

и с этим он бросил шар в костер, где тот взорвался с великим грохотом. «Теперь я навлеку на них разгром, — сказал Мог Рут. — Пусть моя колесница будет наготове, и пусть у каждого из вас лошадь будет взнуздана, ибо, если наши огни склонятся хоть немного к северу, преследуйте и поражайте врага». Затем он дунул своим друидическим дуновением в небо, и там немедленно собралось грозящее черное облако, которое пролилось ливнем крови на равнину Клайре перед ним и двинулось от нее дальше к Таре; друид же все время произносил свои заклинания в стихах. Когда натиск кровавого ливня был услышан в северном лагере, Кормак спросил своего друида, Киотруада, что это за шум.

«Ливень крови, — сказал друид, — который произведен страстным усилием друидства. Это на нас падет его сплошное зло».

После этого Мог Рут сказал своим людям: «Каково сейчас положение пламени у двух костров?» — «Они гонят, — сказали ему, — друг друга над вершиной горы, на запад и на север, — вниз к Друйм Асайл и к Синанн, и вновь назад на то же место».

Он опять спросил о состоянии огней. «Они в том же положении, — сказали ему, — но они не оставили на равнине посреди Мунстера дерева, которое бы не сожгли». Мог Рут опять спросил, каковы огни. Его люди отвечали, что те поднялись до облаков на небе и стали подобны двум свирепым яростным воинам, гонящим друг друга.

Тогда Мог Рут вызвал свою темно-серую шкуру безрогого быка и свою крапчатую птицу-шлем с бьющимися крыльями, а также свои орудия друида, и взлетел в воздух к границе огней, и начал бить и поворачивать их к северу. Когда друид Кормака, Киотруад, увидел это, он тоже вознесся, чтобы противостоять Мог Руту; но мощь того возобладала, и он повернул огни к северу и на лагерь Кормака, где они упали, так же как и друид Киотруад. Кормака на это приказал быстро отходить из области. Их пылко преследовали люди Мунстера во главе с Мог Рутом в его колеснице, влекомой дикими быками, и с его друидической бычьей шкурой рядом с ним.

Преследование продолжалось по ту сторону границы области и на Маг Райгне в Осрайге. И там Мог Рут спросил, хотя хорошо знал это, кто находится в ближайшей к ним части отступающих врагов. «Три высоких человека с седыми головами», — сказали ему. «Это три друида Кормака: Хехт, Киота и Киотруад, — сказал он, — мои боги обещали мне превратить их в камни, когда я настигну их, если только я смогу дунуть моим дуновением на них». И тогда он дунул на них друидическим дуновением, так что они обратились в камни. Эти камни по сей день зовутся Плитами Райгне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания взят нами для перевода из двух источников: первая часть текста — из «Истории Ирландии» Дж. Китинга; вторая же часть — из труда: *O'Curry E. On the Manners and Customs of the Ancient Irish. London, 1971. Vol. 2.* Эти два источника органично дополнили друг друга; дело в том, что у Китинга повествование не доведено до событий, освещенных у О'Керри. На русском языке это сказание ранее не публиковалось.

После «Эмайн-Махи» мы вновь возвратились в эпоху первых веков нашей эры, а точнее — в III век, во времена короля Кормака. Главной фигурой сказания стал на этот раз известнейший друид ирландской традиции Мог (Муг) Рут. Сказание сохранило для нас «мощь и обаяние» друидизма.

Друйм Дамгайре — гора или холм в южном королевстве Ирландии, Мунстере; ныне Кнок Луинге (Кнок Лонг) в юго-восточной части графства Лимерик.

Кормак, сын Арта. — См. «Приключение Кормака в Обетованной Стране» и примечания.

...дани с областей... — Дани с четырех (помимо Миде) королевств Ирландии, которые раз в год или в несколько лет собирали верховные короли. «Вот как шел путь короля Тары: из Тары в королевство Лейнстер, затем в два королевства Мунстера, потом в королевство Коннахта и Улад, а затем в Альбу (Шотландию)» [52, с. 206]. Такой сбор дани напоминает «полюдье» киевских князей в Древней Руси; при этом король Кормак ведет себя подобно летописному князю Игорю в

«Повести Временных Лет». Что касается Мунстера, эта область была славна своим изобилием.

...в Мунстере две области... — Южное королевство Ирландии, Мунстер, издревле делилось на две части, которые в иные периоды времени были самостоятельны и имели отдельных королей. Поэтому, если считать срединное королевство Миде со столицей верховных королей Тарой, то в Ирландии было как бы не пять, а шесть королевств: Миде в центре, Лейнстер на востоке, Улад (или Ульстер) на севере, Коннахт на западе и два Мунстера на юге. Мунстер одной своей половиной символизирует слуг, а другой — Иной Мир [54, с. 157].

...творили против короля... много волшебства... — Друиды с их искусством были неотъемлемой частью «тактики и стратегии» в кельтском мире. Например, при высадке в Британии римлян, как пишет Тацит [61, кн. 14, 30], «на берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары». Друиды непременно участвовали во всех междоусобицах кельтов, о чем упоминают многие ирландские сказания. Что они могли и умели перечисляется в сказании «Битва при Маг Туиред»: «Две трети силы отнимется у врагов, ибо не изольется из тел их моча... мы найдем на них неодолимую жажду, и нечем будет врагам утолить ее... найдем мы потоки огня, так что уж не поднять им головы... чары найдем мы, и камни, деревья и дёрн на земле станут войском с оружием» [52, с. 43]. Замечательный

факт приводит В. Михайлин уже из недавней истории: «Жители острова Тори в графстве Донегал в прошлом (XIX) веке однажды испугались приближавшегося к ним британского корабля „Оса“, команде которого было поручено депортировать их. Местный представитель „касты проклинающих“ осуществил ритуал проклятия; „Оса“ разбилась и вся команда погибла» [37].

Мог Рут — сын Фергуса, легендарный ирландский друид и вместе с тем историческое лицо; фигура, сравнимая по значению с бриттским Мерлином (Мирддином). Согласно традиции, узнав на родине все, что можно, Мог Рут вместе со своей дочерью по имени Тлахтга (также могущественной друидессой) отправился на восток, «чтобы познать всю тайную премудрость мира», и нашел себе учителя в лице знаменитого самаритянина Симона Мага, который, как говорится в некоторых источниках, сам был гэльской расы из Эрина [90]. Мог Рут помог Симону построить таинственный летательный аппарат Рот Рамах (Гребное Колесо), на котором Симон Маг, надеясь посрамить апостолов, поднялся в воздух, однако был низвержен апостольской силой, а аппарат разбился. После этого Мог Рут вернулся с дочерью на родину и поселился на Ойлен Дайрбре, — теперь это остров Валенсия у западного побережья Мунстера на юге Ирландии, у графства Керри. Согласно преданиям «Старина мест», дочь Мог Рута, Тлахтга, вернулась беременной от сыновей Симона Мага и родила в Ирландии тройню; она же принесла с востока некие «два сокровища», — быть может, остатки Рот Ромаха. Правдоподобна этимология имени Мог Рута — Раб Колеса, в традиции он также называется «Сын Древней Мудрости».

...жил во времена девятнадцати королей... — По другим источникам, только девяти.

Карпре Лифехайр — верховный король Ирландии, сын Кормака (см. примечание к «Приключению Кормака в Обетованной Стране»).

...дать ему два надела... — Согласно историческим документам, Мог Рут получил от мунстерцев за свою помощь обширную территорию, известную в древности как Маг Мейне (Равнина Минералов), округ Фермой в графстве Корк, — эту территорию потомки Мог Рута продолжали населять вплоть до XX века; это были семьи О'Дуган, О'Кронин и другие [90].

Друидический огонь. — Самые известные «друидические огни», которые зажигались в нескольких сакральных местах Ирландии, — это огни на праздники Самайн (ночь на 1 ноября) и Бельтан (ночь на 1 мая).

...связки из рябины... — Об использовании рябины в друидических обрядах сообщают многие древние источники, и, как писал Юджин О'Керри в конце XIX века, рябина продолжала использоваться как магическое средство и в его время. Некоторые домохозяйки в Мунстере не могли пользоваться маслобойками без рябинового обруча или веточки рябины, стараясь защитить масло от любого колдовства [90]. Из других традиционных деревьев и растений кельтской магии назовем тис, ясень, дуб, боярышник, бересклет, омелу.

...укрытием от мартовского ветра... — Мартовский ветер — северо-восточный. Расшифровать достоверно смысл «трех укрытий» не представляется возможным.

Кланы Конна — потомки Конна Ста Бить, к которым относился и Кормака, его внук. Со времени Конна, кроме деления на пять королевств,

признавалось также деление на «половину Конна» (северную) и «половину Муга» (южную, куда относился и Мунстер). Эти «половины» страны традиционно враждовали или имели напряженные отношения. В нашем сказании северяне (потомки Конна) — прямые враги южан, мунстерцев.

«Какое сейчас положение пламени у двух костров?» — Мог Рут был слепым, по другим версиям — одноглазым.

Друйм Асайл — холм в Мунстере, ныне Тори Хилл близ города Крум в графстве Лимерик.

Синанн — ныне Шеннон, одна из главных рек Ирландии. Ее течение проходит по большей части территории Ирландии, в том числе к северу от места событий сказания. Текст «Старины мест» сообщает, что река была названа по имени Синенд, дочери Лодана из Племени Богини Дану, утонувшей здесь, когда она искала Источник Мудрости.

...шкуру безрогого быка и... птицу-шлем... — Подробности использования этих друидических принадлежностей Мог Рута неизвестны. Птица-шлем с бьющимися крыльями, судя по всему, была нужна ему для полетов в воздухе, а шкура быка, кажется, оживала и была подобна настоящему быку.

Маг Райгне — равнина в Мунстере, в восточной его части.

Осрайге — территория одноименного племени, жившего к востоку от Мунстера»; ныне это графство Килкенни.

...они обратились в камни. — Китинг писал в своей «Истории Ирландии», что после такого завершения экспедиции Кормака в Мунстер, Кормака был вынужден дать королю Фийаху Муллетану гарантии, что пошлет ему из Тары заложников, а также выплатит компенсацию за весь ущерб, причиненный Мунстеру в этом неправом походе. Между прочим, друиды Кормака давали ему перед походом неблагоприятные предсказания [90].

МЕЧ КУХУЛИНА

Кормак имел у себя в заключении заложников со всей Ирландии. Одним из них был Сохт, сын Фитала. У Сохта был красивый меч с рукоятью из золота и навершием из серебра, с золотым поясом и разукрашенными ножнами; он имел острие, сверкавшее в ночи, как факел. Если бы острием его пригнули к рукояти, он бы снова стал прямым, как дротик. Он разрубил бы волос на воде; он срезал бы волос на голове, не задев кожи; он рассек бы человека надвое так, что одна его половина какое-то время не покинула бы другую. Сохт говорил, что это был Круайдин Крепкоголовый, меч Кухулина; и семья его смотрела на этот меч как на свое родовое наследие, доставшееся им от отцов, что жили прежде них. Между тем был в это время в Таре замечательный дворецкий, чье имя было Дубрен, сын Ургрена. Этот дворецкий

упрашивал Сохта продать ему меч; он сказал ему, что каждой ночью у того будут яства с его стола, а у каждого из его свиты будет пищи на четырех человек, во славу меча, и сверх того, полностью его стоимость по оценке Сохта. «Не пойдет, — сказал Сохт, — я не вправе продавать собственность моего отца, покуда он жив».

Какое-то время все оставалось по-прежнему; Дубрен постоянно заговаривал о мече. Наконец, он пригласил Сохта по одному случаю разделить с ним некую приятную попойку. И Дубрен наказал кравчему хорошенько потчевать Сохта вином и медом, покуда он не опьянеет. Так и было сделано, и Сохт не ведал, где находится, и впал в забытие. Тогда дворецкий взял у него меч и пошел к королевскому златокузнецу, Конну. «Мог бы ты, — сказал он, — вскрыть рукоять этого меча?» — «Мог бы», — сказал тот. Потом златокузнец взял разобранный меч, вписал имя Дубрена на его стержне и снова сделал меч таким, каким он был прежде.

Так продолжалось еще какое-то время, и дворецкий по-прежнему выпрашивал меч, но не мог заполучить его от Сохта. Тогда дворецкий потребовал меч и взялся добиться своего законным образом: он заявил, что это его собственность, которую у него отняли. Сохт возразил, что подлинный меч — его по праву вместе с его уборами и украшениями и у него есть златокузнец, чтобы подтвердить это. Затем он обратился к своему отцу Фиталу, спрашивая его мнение по делу и умоляя его пойти вместе с ним, чтобы защитить его право на меч. «Я не пойду, — сказал Фитал, — ты должен сам вести свои дела, и не вечно мне быть для тебя третьей стороной, поскольку ты являешься обвинителем в столь многих делах. Говори

истину без лжи; на ложь не должно отвечать ложью; но я приду, если тебе не удастся доказать собственность на меч, и мне будет легче изменить ход дела».

Дело было открыто должным образом перед королем, и Сохту дали возможность доказывать, что меч его. И он дал клятву, что меч был в его семье по наследству и что это его собственность. Затем говорил дворецкий: «Хорошо, о король Кормак; клятва, которую дал Сохт, лжива». — «Кто подтвердит за тебя, — сказал Кормак, — что это ложь?» — «Вот что, — сказал тот, — если меч мой, мое имя написано на нем, и оно скрыто в рукоятке меча». Тогда Сохта позвали к Кормаку, который сообщил ему, что было сказано. «Дело приостановлено, — сказал Кормак, — пока это не выяснится, и пусть к нам позовут златокузнеца». Златокузнец пришел, вскрыл рукоять, и внутри нашли написанное имя дворецкого.

Сохт сказал: «Вы слышали, о люди Эрина, и Кормак вместе с вами, что этот человек признает меч своим. Я передаю владение мечом вместе с его долгами от меня к тебе». — «Конечно, я признаю, — сказал дворецкий, — собственность на него с его долгами».

Сохт тогда сказал: «Это меч, который был найден в обезглавленном теле моего деда, и я по сей день не знаю, кто совершил это деяние; и ты, о Кормак, вынеси приговор по этому делу». — «Этот долг крупнее прочих», — сказал Кормак. Тогда он присудил за это преступление взять семь кумалов и вернуть меч обратно. «Я признаю, — сказал дворецкий, — происхождение этого меча»; и затем он рассказал по порядку все о своем обмане, и златокузнец сообщил в отношении меча то же самое. На это Кормак приказал взять семь кумалов с

дворецкого и еще семь с златокузнеца и сказал: «Это полезное предписание, которое вынес Нере, чтобы вершить справедливый и беспристрастный суд».

«Поистине, — сказал Кормак потом, — это меч Кухулина, и именно этим мечом был убит мой дед, Конн Ста Битв, рукою Тибрайда Тиреха; об этом сказано так:

*С войском храбрых соратников
Когда б и пришли люди Коннахта, —
Увы! — чтобы увидеть кровь Конна
На боках Кухулинова меча».*

Затем Кормак и Фитал вынесли приговор по мечу; это Кормак подготовил его. И Кормак присудил меч самому себе как пенью за смерть от него своего деда Конна.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в рукописном своде под названием «Книга из Баллимот» (1391 год), куда оно было переписано из более древней «Книги из Навана». На русский язык переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: O'Curry E. *On the Manners and Customs of the Ancient Irish. London, 1873. Vol. 2.* Древность и выразительность этого сказания помогает понять, в каком «вечно-фантастическом» мире жили древние ирландцы, насколько живым был этот мир, — и природный, и культурно-бытовой. Исходя из этого, можно по-другому взглянуть на их эстетизм, который нам кажется грубым и наивным. Но, конечно, «символы, будь то мифы, церемонии или физические объекты почитания, полностью раскрывают свою значимость только внутри отдельной традиции», а «такое глубинное слияние с древней кельтской

традицией ныне уже невозможно» [54, с. 27]. Название «Меч Кухулина» дано нами.

Кормак — сын Арта, внук Конна Ста Бить, известный уже нам верховный король Ирландии III века.

...заложников со всей Ирландии. — «Обмен заложниками была частью нормальных взаимоотношений как внутри племен, так и между различными объединениями» [52, с. 268]. Заложники брались в обеспечение мира и в знак повиновения; Кормак, как верховный король, держал заложников от четырех областей Ирландии — Улада, Коннахта, Мунстера и Лейнстера. Среди сооружений Тары при Кормаке упоминается и Холм Заложников. В одном древнем манускрипте сказано: «Он взял по заложнику из каждой крепости и выставил их в Таре. Холм Заложников из щедрых рук дал заложникам Кормак» [92, р. 2]. «Заключение», в котором пребывали заложники, относительно, и об этом можно судить по свободе, которой пользуется Сохт, сын Фитала.

Фитал — отец Сохта, был при Кормаке главным брегоном, то есть законоведом и судьей. Обязанностью брегона было «разъяснять обычаи и законы страны в присутствии короля» [80]. Корпорация брегонов имеет очень долгую историю; некогда она выделилась из сословия друидов, которые изначально выполняли у кельтов и судебные функции: «Именно они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным», — писал Юлий Цезарь (*О Галльской войне*, VI, 13). Что касается брегона Фитала, то король Кормак, сам будучи замечательным судьей, имел в лице Фитала мудрого и проницательного советчика. Сохранились «Изречения Фитала», то есть его моральные,

философские и юридические максимы, произнесенные им в присутствии своего покровителя Кормака. Вот, например, какие четыре совета Фитал дал перед смертью своему сыну: «Не брать на воспитание королевского сына; не сообщать опасных секретов жене; не возвышать сына своего слуги; не доверять своей казны сестре на хранение» [80, р. 327—351].

Красивый меч. — В этой истории присутствует то, что можно назвать культом оружия у кельтов. Об этом культе свидетельствует не только наличие собственных имен у мечей, щитов и копий, но также описание мыслимых и немислимых, часто сверхъестественных, качеств этого оружия (см. также примечания к «Финн и призраки»). «И еще в ту пору держали в мечах талисманы, а с клинков вешали демоны, — говорится в сказании „Битва при Маг Туиред“, — и все потому, что тогда люди поклонялись оружию, и было оно их защитой» [52, с. 47]. В этом сказании упоминается еще один легендарный меч — меч бога Огмы, найденный им на поле битвы с фоморами; этот меч носил имя Орна. Из многих выписок, свидетельствующих об особом отношении кельтов к оружию, приведем одно место из сказания «Болезнь Кухулина»: «...У каждого воина сбоку висел меч, и, если воин лгал, острие его меча обращалось против него. Так меч был порукой правдивости воина» [16].

Кухулин — главный герой уладского цикла ирландских сказаний, самое главное из которых — эпопея «Похищение быка из Куальнге» [50]. По основной версии его происхождения, Кухулин был рожден земной женщиной по имени Дехтире от бога Луга, Господина всех ремесел; это делает Кухулина «героем» в классическом смысле слова. Кухулин и сам обладал ярко выраженными сверхчеловеческими каче-

ствами: особенно известно его «чудесное преображение» в ярости, когда перед нами уже не человек и даже не божество, а некая космическая энергия. С другой стороны, Кухулин — именно кельтский герой, который «обладал многими дарами, но прежде всего — даром мудрости» (как говорится о нем в сказании «Сватовство к Эмер») [16]. Есть указания на то, что Кухулин вовсе не был «богатырем»: в сказаниях его называют «маленьким бешеным гномом», а еще «темным, хмурым человечком, самым красивым из мужей Ирландии». Жизнь этого удивительного полубога, от его рождения до гибели, последовательно описана в уладском цикле сказаний, который, благодаря А. А. Смирнову и С. В. Шкунаеву, был в основном переведен на русский язык. Считается, что Кухулин жил в I веке до н. э., за двести лет до Кормака. Ко времени Кормака Кухулин уже был легендой.

Меч Кухулина — один из ряда чудесных мечей кельтской традиции, которая первым «по старшинству» называет меч бога Нуаду, принесенный в Ирландию Племенем Богини Дану в числе четырех чудесных вещей: Камень Фаль, Копье Луга, Котел Дагда и Меч Нуаду. Заключительным звеном череды таких мечей можно считать Эскалибур (Каледвулх, или Каледболг) — меч короля Артура. Чудесные мечи, шире — орудия, а еще шире — Вещи, делают кельтскую традицию, если так можно выразиться, чудесно-вещной; все подобные предметы «нашли применение» в культуре и традиции европейского Средневековья.

...взять семь кумалов... — Кумал (наложница) — древняя единица измерения стоимости, которая изначально была равна женщине-рабыне, а затем — трем молочным коровам. В кумалах измерялся, например, любой платеж, будь то выкуп невесты или пеня за преступление (эрик).

Нере — сам судья, он был сыном легендарного «основателя ирландского правосудия» Моранна, жившего во времена Кухулина, в I веке до н. э. — I веке н. э. и знаменитого своим «Золотым Воротником»: этот Моранн ввел в обычай затягивать на шею обвиняемого нечто вроде ошейника, чтобы установить истину. Когда он говорил правду, ошейник ниспадал с него на землю; а когда лгал, ошейник затягивался вокруг шеи так, что из него и дух вон. Ошейник этот, или воротник, назывался «истиной господства», был, очевидно, золотым и притом «одушевленным». Что же касается Нере, сына Моранна, то «предписание», вынесенное им, которое упоминает в тексте король Кормак, видимо, заключалось в том, чтобы брать пенью не только с проигравшей стороны, но и с лжесвидетеля.

Тибрайд Тирех — сын Мала, король Улада (Ульстера), который в порядке кровной мести убил в 157 году Конна Ста Битв. Отец Конна, Федлимид, перед этим убил отца Тибрайда, Мала. В хрониках записано: «Тибрайд Тирех Сильный, от которого пал Конн благовидный, величайший...» Существует легенда, что Тибрайд, чтобы совершить это убийство, нанял пятьдесят мужчин, переодетых женщинами. Известно, однако, что король Улада сам был недолговечен и вскоре погиб. Меч, которым он убил Конна, как выяснилось, принадлежал Кухулину — главному герою Улада.

Люди Коннахта. — Королевства на западе Ирландии были непримиримыми врагами Улада, о их противостоянии повествует весь цикл Кухулина; поэтому коннахтцы были союзниками короля Тары.

...как пенью за смерть... — У кельтов был обычай, по которому преступник за свое преступление выдавался головой (см. также сказание

«Мог Эйме»). На меч Кухулина смотрят не столько как на орудие, сколько как на самого убийцу, что свидетельствует об «одушевленности» оружия в восприятии кельтов. Поэтому же в тексте говорится о передаче меча «вместе с его долгами». Меч, таким образом, предстает как живой участник тяжбы, в конечном счете как обвиняемый.

МОГ ЭЙМЕ

ог Эйме — Слуга Рукояти, — было имя первой ручной собачки, которая стала известна в Эрине. Карпре Муск был человеком, который первым привез ее в Эрин из земли Британии.

В то время велика была власть ирландцев над бриттами, и они поделили Британию между собой на дворы, и каждый из них имел в народе соседей и друзей, и они жили на восточном берегу моря не меньше, чем в Эрине. И они строили там свои жилища и свои королевские дуны, или дворцы, как, например, Дун о Трех Стенах Кримтана Великого, сына Фидаха, короля Эрина и Альбы, вплоть до Иктийского моря; а также Гластонбери, где теперь церковь, на краю Иктийского моря, — в тамошнем лесу обитал Глас Мак Кайс, свинопас короля Ирфутате, дабы его свиньи кормились желудями, тот самый, что был воскрешен святым Патриком шесть двадцатилетий спустя,

после того как был убит охотниками Мак Кона. И одним из таких наделов был Дун Мап Летан, что по сей день в стране бриттов Корнуолла. Итак, каждый их род поделил земли на восточной стороне пролива на участки, и так продолжалось долгое время спустя после прихода святого Патрика в Эрин. Стало быть, по этой причине у Карпре Муска было в обычае более чем часто навещать своих родичей и друзей. Вплоть до этого времени ни одной ручной собачки не попадало в земли Эрина, и бритты наказывали, чтобы ни одной никогда не досталось ирландцам, будь то из-за песни поношения, или ради дружбы, или за плату.

В Британии был тогда в силе закон, что всякий преступник выдавался за свое преступление, если был обнаружен. В то время друг Карпре Муска владел прославленной в бриттской земле собачкой, и Карпре заполучил ее от него следующим образом. Карпре пошел навестить дом этого человека, и его приняли с позволением брать всякую вещь, кроме собачки. А у Карпре был дорогой нож, рукоятка которого была изукрашена золотом и серебром, весьма изысканная драгоценность. Посреди ночи он густо натер нож и его рукоять свиным и говяжьим салом, положил его у собачьей пасти, а потом пошел спать. Собака продолжала глотать нож до утра, и когда Карпре наутро поднялся и нашел нож обезображенным, он стал громко жаловаться, показался очень опечаленным и потребовал за это от своего друга правосудия, именно выдачи преступника за его преступление. Собака, стало быть, была тогда ему выдана как пеня за свой грех, и так она получила имя Мог Эйме, или Слуга Рукояти, от «мог» — слуга и «эйм» — рукоять.

Случилось так, что собака была женского пола и была со щенятами в то время, когда ее перевозили. Айлиль Фланн Бег был в то время королем Мунстера, а Корма Мак Арт королем Тары. Каждый из них потребовал собаку, однако все согласились, что она должна поочередно оставаться какое-то время в домах самого Карпре и каждого из двух королей.

Между тем собака принесла щенят, и каждая королевская особа взяла одного из них, и от этой собачки произошла вся порода ручных собачек в Эрине.

Она умерла много лет спустя, и через много лет после этого Конла, сын Тадга, король Мунстера, вновь обнаружил голый череп собачки и принес его для опознания к Маэну, сыну Этне, выдающемуся поэту, что пришел с хвалебной песнью к отцу Конлы. Поэт прибег к помощи своего Рифмического Озарения и сказал:

*Сладким было твое питье в доме Эоганова внука,
Сладким было мясо тебе в доме внука Конна всякий день,
Светел был твой хлеб в доме Карпре Муска, о Мог Эйме!*

«Это, — сказал поэт, — череп Мог Эйме, первой ручной собачки, что была привезена в Эрин».

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в так называемом «Словаре Кормака» — древнеирландском глоссарии, составленном около 900 года епископом Кормаком (тезкой короля, жившего в III веке). На русский язык переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: O'Curry E. *On the Manners and Customs of the Ancient Irish*. London, 1971. Vol. 2. Это

небольшое повествование, кроме самой по себе любопытной истории, содержит несколько ценных исторических и правовых сведений касательно взаимоотношений кельтов Ирландии и Британии, а также обычая выдачи преступника за его преступление, распространенного у тех и других (см. сказание «Меч Кухулина»).

Карпре Муск — сын знаменитого в ирландской традиции верховного короля Конайре Великого, которому посвящен ряд сказаний, главное из которых — «Разрушение Дома Да Дерга» — упоминает и трех сыновей Конайре, в числе которых Карпре Муск: «...Воистину хороши эти трое. Девичья повадка у них и братские сердца, доблесть медведя и бешенство льва. Кто б ни делил с ними время и ложе, не знает ни сна, ни желания есть девять дней, как оставит их» [52, с. 117]. После гибели отца в Доме Да Дерга, согласно другому сказанию «О потомстве Конайре Великого», Карпре Муск из Миде отправился на юг, в Мунстер, где осел и стал правителем части мунстерских земель, пока Фиаха Муллетан не отдал эти земли Кормаку Мак Арту. Сказание «Изгнание Десси» рассказывает, что Карпре Муск, когда был правителем в Мунстере, «зачал сына» от своей сестры Дуйбинд, «и оттого случился в ту пору плохой урожай. — Зло короля содеял я, — сказал тогда Карпре, — совершив кровосмешение» [52, с. 167]. Однако в результате Карпре стал родоначальником «славного племени».

Известно также, что Карпре был «искусным в песнях». Король Фиаха Муллетан пожаловал Карпре Муску за его песнь земли к югу от реки Шеннон, титул «оллама», — высший разряд в «цехе поэтов» Ирландии, а также поручительство всех видимых и невидимых стихий, что представители его рода будут иметь должность оллама при короле Кашела (столицы Мунстера) на вечные времена.

Хотя хронология правления его отца, Конайре Великого, темна, описанные события можно отнести ко второй половине II века, а изложенные в сказании «Мог Эйме» — к III веку.

...власть ирландцев над бриттами... — Кроме того что ирландцы перебрались в Шотландию, они основали поселения и в других частях Британии, например, на территории Уэльса и Корнуолла.

Кримтан Великий, сын Фидаха, король Эрина и Альбы — согласно традиции, был возведен на место верховного короля своей сестрой Монгфинд, «могущественной сидой и ведуньей»; она же позднее отравила его, дабы сделался королем ее любимый сын Бриан, и отравилась сама: эти события описаны в сказании «Смерть Кримтана, сына Фидаха, и трех сыновей Эохайда Мугмедона» [52]. Известно, что Кримтан ходил в «королевское полюдь» по Альбе, то есть Шотландии, где и поставил свою крепость. Его правление относится к концу IV века. *Альба* — Шотландия, но иногда Британия в целом; варианты: Альбин, Альбайн, Альбион.

Иктийское море — современный Ла-Манш.

Гластонбери — Стекланный Остров, по-кельтски Инис Витрин, знаменитое аббатство на юге Британии, играющее очень важную роль во всей бриттской традиции, связанной с королем Артуром и Святым Граалем. Достаточно сказать, что здесь была рака святого Иосифа Аримафейского, с которого начинается история Грааля, а в 1189 году в этом же монастыре была обнаружена могила короля Артура и его жены Гвеневеры. В четверостишии начала XV века говорится:

*В Гластонбери, в боковом приделе,
Похоронили Артура и начертали по латыни:
«Здесь покоится Артур, король в прошлом и король в будущем».*
[45, с. 772]

Ирфуате — одно из бриттских племен юга Британии, или ирландские поселенцы.

Мак Кон. — В ирландской традиции известен Мак Кон (Сын Пса) по имени Лугайд, сводный брат мунстерского короля Эогана, отца Фиахи (см. примечание к преданию «Финн и призраки»). Мак Кон, рассорившись с братом, на стороне которого выступил Арт, сын Конна Ста Битв, проиграл им сражение при Кенн Абрайт в 186 году и бежал в Альбу. Затем он воротился с бриттскими воинами и дал своим врагам сражение при Маг Мукрима в 191 или 195 году, где Эоган и Арт погибли, и в итоге Лугайд Мак Кон сделался верховным королем Ирландии; однако королем он был «неправым», из-за чего страну постигло обычное в таких случаях бедствие — неурожай, «и тогда лишили его ирландцы власти», и он погиб от укуса отравленным зубом в Мунстере. Все эти события описаны в сказании «Битва при Маг Мукрима». Однако они относятся к концу II — началу III века. Если убийство свинопаса в Британии произошло во время пребывания там этого Мак Кона, то до св. Патрика должно было пройти не «шесть двадцатилетий», а два века. Возможно, перед нами один из многих случаев хронологической неувязки в сохранившихся источниках. Что касается Мак Кона, то, хоть и был он «неправым королем», в одном древнем манускрипте про него говорится, что «был он славным поборником, королем и сыном короля, а еще он был поэтом» [90].

...из-за песни поношения... — в страхе перед песнью поношения (см. «Монган и Форгалл поэт», а также «Глам дицин»).

...преступник выдавался за свое преступление... — Выдавался как пеня (эрик); то правило действовало также и в Ирландии. (См. также историю «Меч Кухулина», где «совершивший» убийство меч рассматривается как преступник и выдается внуку убитого Конна, то есть Кормаку.)

Конла, сын Тадга. — Один из королей мунстерской династии, время правления которого нам неизвестно.

...прибег к помощи своего Рифмического Озарения... — Тейнм Лаегда, друидический прием, которым обладали филиды; его использовали, в частности, для опознания умерших — обезглавленных или изувеченных: предполагалось, что чарами своих стихов стихотворец мог быть «приведен» к имени того, кого нужно было опознать; однако природа этого магического озарения нам неизвестна. Финн Мак Кумал, который был искусным поэтом, также пользовался Рифмическим Озарением.

...Эоганова внука... — то есть внука Эогана, погибшего в битве при Маг Мукримае, — короля Айлиля, сына Фиахи.

...была привезена в Эрин. — Так передает епископ Кормак в своем «Словаре», написанном на рубеже IX—X веков. В «Истории Ирландии» Дж. Китинга приводится сказание о приходе в Ирландию после мирового потопа великана Партолона с его спутниками. Рассказывается, что, когда Партолон отправился добывать пищу, его жена соблазнила слугу, а Партолон, вернувшись, почувствовал это, и он тогда в ярости убил

ручную собачку своей жены. «И это было первым проявлением ревности в Ирландии» [80, р. 156—163]. Первая такая собачка, которую можно было спрятать в подол платья, появилась в Ирландии гораздо раньше, чем во II—III веках. В преданиях «Старина мест», кроме того, упоминается ручная собачка матери Энгуса Мак Ока, богини Боанд (Боанн), по которой названа река Бойна. Собачку звали Дабилла, и ее именем назван один из холмов — Кнок Дабилла. Эти события относятся также к эпохе владычества в Ирландии Племени Богини Дану.

ЗАБОТА О КОННАХ КЕРНАХЕ

Был свирепый человек из людей Ульстера — Конал Победный, сын Амаргена, лучший воин, который был в Ирландии. Велика была его дерзость. Он был человек, который с детства и покуда в его руке находилось копьё, никогда не уходил, не взяв головы коннахта с собою. Был он в смертельной вражде против людей Коннахта, ибо они убили его братьев. Однако не было никого из людей Коннахта, чьего сына, или брата, или отца он не убил. И он убил трех сыновей Айлиля и Медб, и Белху из Брефне с его сыновьями убил тоже он, и это он убил семерых сыновей Магу из Коннахта, — и Анлуана, сына Магу, и Доху, и Муг Корба, и Финда, и Скандлана, и Кета, и Айлиля, сына Магу. И он был тем, кто убил Айлиля, сына Маты Муреск из Коннахта. (Ведь Мата Муреск была матерью Айлиля, а сыном он был Росса Красного из Лейнстера. И пошел он на восток, чтобы

добиться королевства в Лейнстере, а на западе овладел от имени своей матери королевством в Коннахте и на западе получил сыновнее имя по земле своей матери.)

Однако под конец напали на Конала Победного бессилие и печаль, после того как сводные братья его, Конхобар и Кухулин, были убиты; так что великая скорбь, и нищета, и проказа напали на него, и не стало в его ногах силы расхаживать. И он раздумывал про себя, к какому семейству ему пойти, чтобы о нем позаботились и прокормили. «Поистине, к Айлилю и Медб, — сказал он, — это пара, что способна обеспечить меня. Хотя и велика моя к ним вражда. Однако, как она ни велика, я должен идти туда». После чего пошел он один, и шел, пока не достиг Крепости Круахан, и вошел в крепость, где были Айлиль и Медб. И Айлиль пригласил его всйти. «Добро тебе пожаловать, о Конал, — сказала Медб, — поистине, будет тебе добро. На валу крепости устроят дом для тебя».

Для него был устроен дом и принесены свинья, теленок, двенадцать пирогов, холощенный баран, котел супа да оставшееся после Медб с Айлилем, и он поглотил все это в один присест. Он устроил на валу крепости пир, и было у него избилые от людей Коннахта всю ночь, а под утро он пошел в дом. Таким образом они кормили его целый год и задавали ему такие же пиры, как этот. И вот что обыкновенно забавляло людей Коннахта всякий день: он рассказывал им, как убивал их сыновей, их братьев и их отцов. Люди Коннахта приносили к нему свои копья, чтобы метать и вонзать их, и Конал метал их прежде, чем встанет какая-нибудь корова.

Велики тогда были власть, и слава, и достоинство Медб, и велико было ее хотение о всякой вещи, а именно: она имела

обыкновение сменить тридцать мужчин каждый день или же пойти единожды с Фергусом. Ее муж, однако, был тех же лет, что и она, то есть Айлиль, человек без изъяна — без ревности, без страха, без скупости. Славными были облик, и сила, и суждение этого человека; например, когда мужчина играл против Айлиля, слуга Медб приходил позвать того мужчину на свидание с ней, и вот что говорил обычно Айлиль: «Подожди немного, пока игра закончится». Он также имел обыкновение встречаться с другими женщинами, пренебрегая своей женой, и она ревновала по этому поводу; так что она взяла Конала Победного в свой дом из-за Айлиля, чтобы тот не совершал таких вещей против ее позволения.

Однажды ранним утром на Бельтан, Айлиль был на свидании с женщиной у крепостной стены. Конал в то время метал копья на валу. Медб тоже вышла наружу, ибо она знала об их связи. Медб заметила пару по колыханию орехового куста. «Что ж, Конал, — сказала Медб, — до сего дня твое имя было Конал Победный. Впредь ты будешь зваться Конал Жалкий Негодяй. Покуда ты был Коналом Победным, ни один не осмелился бы нарушить твое поручительство. Сегодня его преступают вон там, у тебя под носом». Тогда Конал сказал: «Поистине, это мщение за Фергуса!» — он сказал и уметил в них копье, так что оно прошло сквозь Айлиля с одного бока до другого (или, может быть, он ранил его в пустом доме через крышу сверху). Все сошлись к нему и перенесли его в дом. «Кто сделал это?» — спросили все. «Это сделал Конал», — сказал Айлиль. «Увы! Это неправда!» — сказал Конал. «Это правда», — сказала Медб. «Если это правда, — сказал он, — тогда в этом мщение за Фергуса». — «Дурно для тебя то, что ты сделал,

причинив мне зло, — сказал Айлиль, — убирайся прочь с моих глаз, прежде чем я умру. Ибо после моей смерти люди Коннахта убьют тебя». — «Для меня достаточно, — сказал Конал, — если я доберусь до своей колесницы перед крепостью». — «До этого я не умру», — сказал Айлиль.

Тот взошел в свою колесницу. Тотчас Айлиль умер у себя. Тогда, однако, люди Коннахта неистово бросили в Конала своими копьями. Он убил многих из них. Был на нем гейс переходить через брод, если брод за его спиной не оставался чист. Выше него по реке были горняки, промывавшие руду, и взбаламученная вода настигла его, так что удержала его крепче любого человека. Тогда, учинив людям Коннахта побоище, он пал от них. Три Красных Волка Майртинне из Фир Майге были теми, кто срубил ему голову; они были из Эрне, а жили в доме Айлиля. И срубили они ему голову в отместку за Ку Рои. И в то время как они убивали его, следом приехала Медб. Медб тогда сказала:

*О бледная голова, которую после развязки
Уносят Три Красных Волка Майртинне;
Это лицо героя,
Голова Конала, сына Амаргена.*

Они взяли голову Конала с собой в отместку за Ку Рои, чью голову унесли с собой на север люди Ульстера.

И голова осталась на западе. В ней поместились бы четыре годовалых теленка, или четыре человека, играющих в фидхелл, или пара на подстилке. Есть пророчество для людей Ульстера, что ее возьмут еще на юг и прежняя сила придет к ним снова, если они выпьют из нее молоко. И отсюда говорится: «Крушение Ульстера преодолимо через крушение Ульстера».

Вот что касается до смерти Айлиля и смерти Конала Победного.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в рукописном своде, который получил название «Эдинбургский Кодекс XL», и который, как считал Куно Мейер, можно датировать XIII веком. На русский язык переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: *Meyer K. Goire Conaill Chernaig i Crúachain ocus aided Aillella ocus Conaill Chernaig // Zeitschrift für Celtische Philologie. Halle; London; Paris, 1897. Bd. 1. S. 102—111.* Это единственное сказание нашего сборника, которое имеет отношение к так называемому ульстерскому циклу, посвященному герою Кухулину и его окружению; основные сказания этого цикла переведены на русский язык А. А. Смирновым и С. В. Шкунаевым [14; 51]. Сказание это выбрано нами прежде всего потому, что в нем представлена великолепная в своем роде королева Медб, без которой был бы неполон «пантеон» кельтских женщин. Возможно, именно такие женщины подразумевались в древнегреческой эпиграмме: «Не цветы растут в земле галлов, но из недр ея возрождаются фурии, поносные человеческому роду».

Конал Победный — Конал Кернах, действующее лицо многочисленных сказаний ульстерского цикла, главным из которых является «Похищение быка из Куальнге»; был он соратником Кухулина и, наряду с ним, служил оплотом северного королевства, Улада (Ульстера). Вот как описывается он в сказании «Разрушение Дома Да Дерга»: «В изукрашенном покое увидел я мужа, что прекрасней любого ирландца. Был он в пурпурном плаще. Белее снега одна из его щек, а другая красна, словно ягода. Голубее колокольчика один из его глаз, другой же чернее

жука. Размером с корзину золотистая копна его волос, доходящих до бедер и вьющихся, словно шерсть на голове барана. Если мешок диких яблок вывалить ему на голову, то ни одно не упадет на землю. В руке его меч с золотой рукоятью. При нем щит цвета крови, чьи золотые пластины украшены заклепками светлой бронзы. У него тяжелое длинное копьё с тремя наконечниками, чье древко потолще ярма... Нетрудно узнать его, ибо поистине все ирландцы знают Конала Кернаха, сына Амаргена» [52, с. 118].

Сын Амаргена. — Амарген был филидом при дворе короля Ульстера Конхобара и постоянно упоминается в сказаниях ульстерского цикла. О нем также известно, что на глазах всех уладов он одолел в поединке «ужасное трехголовое чудовище, что опустошало Ирландию», которое вылетело из пещеры у Круахана, столицы Коннахта («Битва при Маг Мукрима») [52].

...не взяв головы коннахтца с собою. — Параллельным текстом в данном случае может послужить «Повесть о свинье Мак Дато», относящаяся к тому же циклу. В этой «повести» рассказывается, как на пиру у короля Лейнстера Мак Дато собрались герои со всех королевств Ирландии, в том числе вечно враждебных друг другу Ульстера и Коннахта, северного и западного королевств. Возник спор о том, кому делить главное блюдо праздника — гигантскую свинью, ибо сделать это должен самый «необоримый» из собравшихся. Наконец, выдвигается коннахтский головорез Кет, сын Магу, известный своими убийствами среди людей Ульстера. Кет уже собирался делить свинью, как вдруг в зале появляется Конал Победный. «Клянусь клятвой, которой клянется мой народ, — сказал Конал, — что с тех пор, как я взял копьё в руки, не прошло и дня, чтобы не убил я коннахтца и не совершил поджога, и я ни

разу не засыпал, не положив головы коннахтца под колено». — «Это правда, — сказал Кет, — ты лучший воин, чем я. Но если бы здесь был мой брат Анлуан, он превзошел бы тебя своими победами. Жаль, что его нет». — «Нет, он здесь», — сказал Конал, вытащив из-за пояса голову Анлуана; и он с такой силой метнул ее в грудь Кета, что у того кровь выступила на губах. Тогда Конал уселся возле свиньи, а Кет отошел от нее. «Пусть они теперь поспорят!» — сказал Конал» [52, с. 61—62].

...в смертельной вражде против людей Коннахта... — Эта вражда парадоксальным образом связана с происхождением из этой области его матери Финдохэм. Ей было предсказано, что сын, который родится у нее, меньше всех сыновей на свете будет предан роду своей матери, то есть людям Коннахта.

Айлиль и Медб — король и королева Коннахта, области на западе Ирландии, в описываемое время, то есть приблизительно в I веке. Эта пара выступает в «Похищении быка из Куальнге» [51] и в связанных с ним сказаниях как сторона, активно враждебная Ульстеру в лице ульстерского короля Конхобара, бывшего мужа Медб, а также главного героя уладов Кухулина и его соратников, в том числе и Конала Победного. В паре «Айлиль—Медб» ведущую роль играет, конечно, королева. Медб (Мэб, Мэйв) означает буквально: «медвяная», «опьяняющая» (медви), — причем под «медом» понимают и «напиток могущества, власти». Медб говорит о себе так: «Я была самой обходительной и щедрой, лучшею в бою, схватке и поединке» [16]. В Медб мы видим ярко выраженное сочетание трех «составляющих» архетипа кельтской женщины: красоты, ума и силы страсти. Все это приправлено изрядной долей жестокости и коварства. Медб — воплощенная Воля. Немудрено, что среди женщин, которым ирландский закон запрещал

быть сиделками и кормилицами, были «правительницы, берущие заложников, такие, как Медб» [68].

Конхобар — самый знаменитый король, правивший уладами из Эмайн-Махи (см. «Эмайн-Маха»). Вокруг него разворачивается действие большинства сказаний, входящих в героический цикл, называемый также циклом Красной Ветви, по названию двора Конхобара в Эмайн-Махе, выстроенного из красного тиса. Этот король находился в не очень ясных родственных отношениях с главными героями своего двора — Кухулином и Коналом; по одной из версий, они сводные братья Конхобара, хотя, что касается Кухулина, Конхобар чаще всего считается его дядей и воспитателем. Катбад — дед Конала Победного — считается вероятным отцом короля Конхобара.

Кухулин — см. примечание к «Мечу Кухулина». Воительница по имени Скатах (Тень), из «Сватовства к Эмер», предсказала Кухулину, что он один рассеет полчища «хищного Круахана» [14].

Крепость Круахан — см. примечание к «Приключению Арта, сына Конна». Круахан был языческим кладбищем задолго до того, как здесь был построен королевский дворец. Дворец этот имел по семь покоев вдоль каждой стены и был известен своею пышностью.

...власть, и слава и достоинство Медб... — Медб не просто является обладательницей верховной власти, она есть воплощение такой власти: «лишь проведя с ней ночь любви, герой может получить желаемое могущество» [7, с. 211]. Кельтологи давно уже числят эту ирландскую Клеопатру одной из первых после Эриу среди богинь-олицетворений Власти, связанных с той или иной землей. «Медб из

Круахана была персонификацией власти над Ирландией, и овладеть Медб значило овладеть королевством, — факт, объясняющий необычное количество ее мужей». «Медб была богиней, и королевское достоинство освящалось браком с ней». Однако следует заметить, что никто из владевших Медб королевство фактически не получал: это Медб владела всегда и мужчиной, и королевством. Дочь верховного короля Тары, она, как считается, вышла замуж за короля Конхобара, но «от гордыни» покинула мужа против его желания. После этого она сочеталась браком поочередно с Тинде, сыном Коннры, с Эохайдом Далой и с Айлилем, сыном Маты [54].

...велико было ее хотение о всякой вещи... — Эпопея «Похищение быка из Куальнге», эта упорная и кровавая борьба между Коннахтом и Ульстером, стоившая жизни многим славным героям, главным из которых был Кухулин, завязывается из-за страстного желания Медб иметь быка, «прекраснейшего в Ирландии». Медб предлагает владельцу быка, человеку из Ульстера, землю в Коннахте, колесницу и «дружбу своих ляжек» впридачу, если он поселится с быком при королеве. Получив отказ, она организует похищение быка и развязывает войну против ульстерцев, которую ведет настырно, коварно и жестоко. В этой эпопее образ Медб как Женщины воистину кельтской, нарисован яркими красками [52].

...сменить тридцать мужчин каждый день... — Другие источники подтверждают это «обыкновение» Медб — если не количественно, то по существу дела. Известны ее собственные слова о том, что она «привыкла, чтобы тень одного мужчины падала на другого» [54, с. 84] или что она «никогда не была без того, чтобы иметь одного мужчину вслед за другим» [85, S. 110]. В «Разговоре перед отходом

ко сну» Айлиля и Медб есть такой пассаж: «Хороша была я и до тебя», — промолвила Медб. — «О добротности твоей, — сказал Айлиль, — мы что-то не слыхивали, не считая разговоров о большом наследстве» [16].

Фергус — сын Ройга. Это имя стоит рядом с именами Кухулина и Конала Победного в ряду «повелителей колесниц», составляющих двор короля Конхобара в Эмайн-Махе [14]. Согласно традиции, Фергус женился на матери Конхобара (по имени Несс) и, будучи королем Ульстера, предоставил Конхобару свой трон «на год» в качестве «свадебного дара»; однако Конхобар, используя игру слов (ибо «зима и лето», составляющие год, означают также вечность), завладел тронном навсегда, и Фергусу ничего не оставалось, как уступить. Фергус входит в число именитых уладских героев и участвует в воспитании Кухулина. Однако после одного крупного преступления, совершенного королем Конхобаром (убийства сыновей Усны, для которых Фергус был поручителем и гарантом), Фергус порывает с Эмайн-Махой и отправляется в Коннахт, к Айлилю и Медб, где становится их военачальником, а также любовником-фаворитом королевы. «Подстрекаемый королем Айлилем, слепой Лугайд нечаянно убивает копьем Фергуса Мак Ройга, когда тот плавает в озере в обнимку с королевой Медб, причем голова ее при этом лежит на его груди, а ноги охватывают его стан» [54, с. 386]. Поэтому убийство Коналом короля Айлиля и называется мщением за Фергуса.

Айлиль, человек без изъяна. — В «Похищении быка из Куальнге» Медб говорит, что потребует особенного брачного дара, какого до нее ни одна женщина Ирландии еще не требовала от своего мужа, а именно — мужа без скупости, без ревности и без страха [16].

...утром на Бельтан... — Утро на 1 мая. Бельтан и последующие дни и ночи были временем любовных игр: «Май — прежде всего месяц любви и внебрачных связей» [54, с. 327]; интересно, что в ирландских законах Бельтан именуется обычным временем разводов. «Все свидетельствует о том, что майские празднества изначально были праздниками любви, но я бы добавил, любви за пределами уз брака» [52, с. 330].

...через крышу сверху... — Автор или переписчик древнего текста упоминает иную, по сравнению с изложенной, версию обстоятельств убийства Айлиля.

Был на нем гейс... — См. примечание к «Приключению Арта, сына Конна». Гейсы — чаще всего запреты. Среди них очень много немотивированных и необъяснимых. В любом случае вынужденное нарушение гейса обрекает героя на гибель.

Фир Майге — иначе Фермой, область и название племени в Мунстере, на юге страны. Существует город, носящий это имя, — в графстве Корк.

Эрне — племя в Мунстере.

Ку Рои — О смерти Ку Рои через предательство жены его по имени Блатнайт, бывшей любовницей Кухулина, существует сказание «Смерть Ку Рои». Он был убит ульстерцами во главе с Кухулином как вождь «клана соперников» [80]. В древней «Похвале Ку Рои» [65] говорится:

*Был предан властитель, состязавшийся с призраками,
воевавший с королями;
Боец, которому покорствовали неприятели, был убит...*

На горе Сляб Мис в Мунстере была не только чудесная крепость, но и могила Ку Рои. Сыновья Ку Рои в дальнейшем в составе армии Медб участвуют в походе на Ульстер и мстят за гибель отца. См. примечание к «Приключению Арта, сына Конна».

Голова Конала... — В кельтской традиции голова считалась вместилищем духа и жизненной силы человека и нередко представлялась в виде божества; поэтому нередки рассказы о говорящих или пророчесствующих отрубленных головах [52, с. 261]. См. также примечание к «Приключению Арта, сына Конна».

Фидхелл. — См. примечание к «Приключению Арта, сына Конна».

...пророчество для людей Ульстера... — Считается, что до возвышения центрального королевства Миде со столицей верховных королей Тарой, Ульстер (Улад) обладал гегемонией в Ирландии. «Крушение Ульстера», о котором идет речь, означает закат этой гегемонии, а потом разрушение самой Эмайн-Махи, в связи с установлением верховенства Тары. Голова Конала в приведенном «пророчестве» должна как бы способствовать возрождению былого могущества Ульстера, совершавшего походы далеко на юг. Убийство Ку Рои, в частности, было актом «знаковым»: северяне как бы господствовали над южанами.

ОБОЛЬЩЕНИЕ БЕКРОЛЫ

иармайд, сын Аэда Слане, был верховным правителем в Таре; Кримтан, сын Аэда, был его приемышем и заложником, присланным от людей Лейнстера. Диармайд и его питомец Кримтан пошли однажды к Броду Бузины, что был за родом Лоэгайре, и с ними один слуга. Они увидели женщину, ехавшую через брод на колеснице в сторону востока. На ней были два тупоносых башмака из белой бронзы, с украшением из драгоценных камней на каждом; сверху плащ, расшитый красным золотом; на ней было малиновое платье, а на платье у ее груди — заколка из отлично выделанного золота с самоцветами различных оттенков; ожерелье из блистающего золота было вокруг ее шеи; золотой венец на голове; два черных с серым коня были в ее колеснице, а на них упряжь, отделанная серебром.

«Откуда пришла ты, о женщина?» — спросил Диармайд.

«Не очень издалека», — сказала она.

«Куда ты идешь?» — спросил Диармайд.

«Искать семена пшеницы, — сказала она. — У меня есть добрая почва, и я нуждаюсь в подходящих семенах».

«Будь семя этой страны желанно тебе, — сказал Диармайд, — ты не пройдешь мимо меня».

«Я не возражаю, — сказала она, — если получаю награду».

«Я дам тебе эту маленькую брошь», — сказал Диармайд.

«Я приму ее», — сказала она.

И он взял ее с собой в Тару.

«Кто эта женщина, о Диармайд?» — спросили там.

«Она не назвала мне своего имени», — сказал Диармайд.

«Что ты дал за нее как вено?»

«Мою брошку», — сказал Диармайд.

«Это бекфола, маленький выкуп», — сказали они.

«Пусть тогда ее имя будет Бекфола», — сказал друид.

Она, однако, остановилась душой на приемыше Диармайда, на Кримтане, сыне Аэда, которого она продолжала соблазнять и домогаться долгое время. Наконец она убедила юношу встретиться с ней у Клуайн Да Кайлех на восходе солнца в воскресенье, чтобы с ней бежать. Когда он рассказал это своим людям, те запретили ему бежать с женою верховного короля Эрина. Рано утром в воскресенье она поднялась от Диармайдова бока.

«В чем дело, женщина?» — спросил он.

«Нехорошее дело, — сказала она. — Некоторые из моих вещей, что оставались у Клуайн Да Кайлех, слуги бросили и бежали прочь».

«Что за вещи?» — спросил Диармайд.

«Семь плащей с украшениями, семь золотых заколок и три золотых венца; и жалко дать им потеряться». — «Не ходи, — сказал Диармайд, — в воскресенье; путь в воскресенье не к добру».

«Кто-нибудь пойдет со мной отсюда», — сказала она.

«Из моих слуг никто», — сказал Диармайд.

Она пошла тогда со своей служанкой от Тары к югу, и они шли, пока не достигли Дубтора в Лейнстере. Она проблуждала там часть ночи, пока не явились дикие собаки и не задрали служанку, а она забралась на дерево, чтобы от них спастись.

Когда она сидела на дереве, увидела в глубине леса огонь. Она пошла на огонь и увидела молодого воина у костра, готовившего свинью. На нем было одеяние из яркого пурпурного шелка, с золотыми и серебряными кольцами; венец из золота, серебра и хрусталя был на его голове; золотые узлы и сплетения были вокруг каждого локона его волос, ниспадавших до края плечей, а на двух прядях волос были два золотых шара, каждый из них крупный, как кулак мужчины; на его поясе был меч с золотой рукоятью, а два калечащих плоть копья были за ремнем его щита, с шишками из белой бронзы на нем. Носил он многоцветный плащ. Обе его руки были покрыты золотыми и серебряными кольцами до локтей.

Она подошла и села с ним у огня. Он посмотрел на нее, но дальше не обращал на нее внимания, пока не закончил готовить свинью. Затем он сделал свиное жаркое, съел его, вымыл свои руки и пошел от костра прочь. Она следовала за ним, пока они не достигли озера.

На середине озера была лодка из бронзы. Бронзовый канат тянулся от лодки до земли, а другой канат — от лодки к

острову, который был посреди озера. Воин подтянул лодку; Бекфола вошла в нее вперед него. Они оставили лодку у бронзового причала на острове и вошли в дом с замечательными изваяниями и ложами. Он сел; она села рядом с ним; и тогда он извлек блюдо с пищей для них. Они оба поели и выпили, но так, что никто из них не опьянел. Никого другого в доме не было, и им не помешали. Он пошел в свою постель, и она легла под его одеяло, между ним и стеной; он к ней не повернулся.

Ранним утром они услышали зов с причала: «Выходи, Фланн, люди здесь». Он немедленно встал, надел свое вооружение и вышел. Она последовала за ним до двери дома и увидела на причале трех мужчин. Лицами, возрастом и телосложением эти трое были подобны ему. Затем она увидела четырех других мужчин, движущихся по острову со щитами в руках, опущенными книзу. Два отряда тогда устремились друг на друга и сражались до тех пор, покуда все они не покрылись кровью. Когда сражение окончилось, Фланн возвратился назад.

«С победой твоей доблести тебя, — сказала она, — это было геройское сражение».

«Это было бы впрямь хорошо, будь оно против врагов», — сказал он.

«Кто воины?» — спросила женщина.

«Один из них сын моего брата, — сказал он, — другие трое — мои братья».

«За что ты сражался?» — спросила женщина.

«За этот остров», — сказал он.

«Как называется остров?» — спросила она.

«Остров Федаха Мак ин Дайла».

«А как твое имя?» — спросила она.

«Фланн О'Федах, — сказал он. — Это потомки Федаха сражаются за него. Остров хорош; каждый вечер готов обед на сотню человек. Так как прошлой ночью на нем были только мы вдвоем, явилось пропитание для нас одних».

«Я спрашиваю, — сказала она, — почему бы мне не остаться с тобой?»

«Это было бы плохим для тебя обустройством, конечно, — сказал он, — остаться со мной и покинуть короля Эрина, чтобы на мне была вина, и мщение следовало бы за мной».

«Почему бы нам не жить вместе?» — спросила она.

«Давай не теперь, — сказал он, — но если остров станет моим и я выживу, я отыщу тебя, и ты будешь моей постоянной женой, что со мной будет жить. Но сейчас пока уходи».

«Я горевала, потеряв мою служанку», — сказала она.

«Она цела и находится у подножья того же дерева, — сказал он, — щенята с острова окружили ее и задержали, чтобы прикрыть нас». Так вправду и было. Она возвратилась домой и нашла там Диармайда, встающим в то же самое воскресенье. «Это хорошо, о женщина, — сказал он, — что ты не путешествовала в воскресенье вопреки нашему повелению».

«Я не посмела бы ослушаться твоего приказа», — сказала она, как если бы не уходила вовсе. Ее единственным речением с той поры стало:

*Я была ночью в лесу
В доме на острове Мак ин Дайл;
Хоть и с мужчиной, но без греха;
Когда мы расстались, было не рано.
Остров Федах Мак ин Дайл,
В земле Лейнстера, в Дубторе;*

*Хоть это и близко к дороге,
Герои-бородачи не найдут.*

Всякий удивлялся на эти слова.

По прошествии года с этого дня, однако, лежал Диармайд на постели со своей женой, Бекфолой, и увидели они раненого мужчину, входящего в дверь дома. И тогда Бекфола сказала:

*Превосходный в отваге из свирепых мужчин,
Я ведаю, в битве на Острове Бычьем, —
Из тех четырех, что победили
Других четырех на Острове Бычьем.*

Раненый — а это был Фланн — отвечал:

*О женщина, не бросай свой упрек
На героев, дабы унижить их;
Не отважная доблесть их одолела,
Но люди с чарами на копьях своих.*

Она же сказала: «Не могу я принизить доблести мужчин, потому что это Фланн был ранен в схватке восьмерых». И с тем она пошла прочь из дома вслед за Фланном к его собственному жилищу.

«Пусть себе идет, — сказал Диармайд, — дурная; ибо мы не знаем, ни куда она идет, ни откуда приходит».

В то время как они беседовали, они увидели четырех монахов-послушников, входящих в дом. «Что это? — сказал Диармайд. — Монахи, путешествующие в воскресенье!» С этими словами он натянул свое одеяло себе на голову, так что он не мог их видеть вовсе.

«Мы путешествуем по приказу нашего владыки, — сказали послушники, — а не для своего удовольствия. Моласса с Бычьего Острова послал нас посоветоваться с тобой. Крестьянин

из людей Бычьего Острова, покуда нас этим утром своих коров, видел четырех вооруженных мужчин, пересекавших остров, со щитами, висевшими книзу; затем он увидел других четырех мужчин, вышедших против них: они сшиблись так, что стук щитов был слышен во время схватки по всему острову, покуда все они не пали, кроме одного раненого, который только и уцелел. Семерых прочих похоронил Моласса. Кроме того, от них осталось все то, что двое из нас смогли унести из золота и серебра, которое было на их одеждах, на их шеях, на их щитах, на их копьях, на их мечах, на их руках и на их плащах. Мы пришли определить твою долю в этом золоте».

«Не так, — сказал Диармайд, — в том, что Бог ему послал, я дольщиком не буду. Пусть он возьмет это себе во владение». Так вправду и было. Тогда этим серебром и золотом были изукрашены святыни Молассы, а именно его рака, его часовня и его епископский посох.

Бекфола, однако, ушла с Фланном О'Федахом и с тех пор не возвращалась. Таково обольщение Бекфолы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в рукописном своде под названием «Желтая Книга из Лекана» (XIV век), а также в точно не датированном «Манускрипте Эгертона». На русский язык оно переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: *Ancient Irish Tales / Ed. by T. P. Cross and C. H. Slover. New York: Barnes & Noble, 1969.* Существует русский перевод повести ирландского писателя Джеймса Стефенса, написанной по мотивам этого сказания — «Любовные терзания Бекфолы» [56].

Обычно заголовок этого разряда сказаний — «Tochmarc» — переводят как «Сватовство» («Сватовство к Эмер», в переводе А. А. Смирнова [14]; «Сватовство к Этайн», перевод С. В. Шкунаева [52]). Однако мы решились слегка изменить это название, учитывая, что никакого сватовства здесь не происходит и что к образу Бекфолы лучше подходит другое значение слова «Tochmarc» — обхаживание, обольщение.

Диармайд, сын Аэда Слане — верховный король Ирландии, правивший в первой половине VII века (умер в 656 году). Согласно хроникам, правил он не один, а вместе со своим родным братом Блатмаком. Во время их правления Ирландию постиг мор (возможно, чума), от которого, по некоторым данным, братья и умерли. Указание на то, что Диармайд правил в Таре, противоречит известию о запустении Тары вследствие проклятия святого Руадана, произнесенного при деде Диармайда — его тезке, короле Диармайде, сыне Кербалла (см. «Как была проклята Тара»). Возможно, наш Диармайд правил уже не прямо в Таре, а в одной из королевских резиденций вроде Клетеха, который также запустел вследствие проклятия (см. сказание «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк»).

Аэд Слане — Слане значит «здравие», «сияние»; отец короля Диармайда, правивший очень недолго: он вззошел на престол в 595 году и был убит по кровной мести в 600 году. С появлением на свет Аэда Слане связана любопытная легенда о том, как его мать, королева Мугайн, и отец, король Диармайд, сын Кербалла, умолил святых Ирландии о рождении наследника: бывшая бесплодной королева вначале родила ягненка, затем серебряную рыбку, и уж потом — сына [96].

...заложником, присланным от людей Лейнстера. — Королевство Лейнстер, хоть и нерегулярно, выплачивало верховным королям, правившим в Таре, дань, — начиная от короля Туатала Техтмара (I век), деда Конна Ста Битв. Эта дань иногда бралась верховными королями «с бою», как пишут хроники и о правлении Диармайда, сына Аэда Слане. В знак сохранения мирных отношений лейнстерцы и прислали к королю Диармайду заложником юношу Кримтана (вероятно, королевича), которого тот, по обычаю, усыновил. О смысле и значении заложничества в Ирландии в правление одного из легендарных королей по имени Конайре известно следующее: «От конца года до конца года лишь одного теленка из каждого хлева задирают волки. И дабы так было впредь, семь волков живут заложниками у стены королевского Дома, а с ними еще и Мак Лок — он-то и говорит за волков с Конайре» [52, с. 112—113].

Брод Бузины — ныне Ат Трим на реке Бойне в графстве Мит. Указание в тексте на то, что этот Брод был за родом Лоэгайре, означает, что он — наследственное владение королей Тары.

Род Лоэгайре. — Лоэгайре, верховный король Ирландии, был одним из сыновей знаменитого Ниалла Девяти Заложников (см. примечание к «Смерти Муйрхертаха, сына Эрк»). Он начал править в 427 (8), а погиб в 462 (3) году. Именно на его правление пришлось крещение Ирландии святым Патриком. В одном старинном манускрипте говорится, что тогда «Лоэгайре с его друидами был поражен великими чудесами и дивами, сотворенными Патриком в присутствии мужей Ирландии, и тогда они уверовали и поступили по воле Патрика» [92, р. 72]. Король Лоэгайре погиб следующим образом: «Поручился он всеми стихиями, что никогда не пойдет на Лейнстер за данью. Но не

сдержал Лозгайре своего слова, ибо на исходе двух с половиной лет пришел он туда и захватил стада у Сид Нехтан. Оттого и обрели его стихии на смерть подле Кассе, чтобы поглотила его земля, сожгло солнце и оставил ветер» [52, с. 177—178]. Лозгайре был сыном Ниалла, поэтому его потомки относятся к числу «потомков Ниалла», как называли верховных королей пятого и последующих веков (см. примечание к «Смерти Муйрхертаха, сына Эрк»). Среди них — Диармайд, сын Аэда Слане.

Они увидели женщину... — Подобные описания с их устойчивой символикой цветов и материалов очень важны для характеристики описываемых персонажей, а также, добавим, и самих кельтов. В сцене под условным названием «явление Бекфолы» имеются излюбленные ирландцами материалы и цвета. Обувь из белой бронзы носят, как правило, выходцы из Иного Мира. Обилие золота в описаниях во многом объясняется «наивным эстетизмом» кельтов (см. об этом примечание к «Приключению Конлы Красного»). Особую любовь кельты питали и к красному цвету, что, среди прочих римлян, заметил Марциал: «Рим больше темную ткань, а Галлия красную носит» (*Марциал, Эпиграммы, кн. 14*). Красный цвет, как и золото, символически связан со стихией огня.

«*Что ты дал за нее как вено?*» — В свое время греки и римляне весьма удивлялись высокому статусу и высокой активности женщин в кельтских обществах, а также брачным обычаям кельтов. Так, Страбон писал об одном кельтском племени: «...Например, у кантабров принято, чтобы мужья давали приданое своим женам; дочери у них назначаются наследницами, а сестры женят братьев. В этом есть что-то от господства женщин, что вовсе не является признаком цивилизованнос-

ти» (*География*, III, 4, 18). Таким образом, «вено», положенное невесте от жениха, тоже было свидетельством некоей «матриархальности» кельтского уклада. Интересно, что согласно древним законам Ирландии, называемым «Сенхус Мор» (V век), если при вступлении в брак женщине в имущественном отношении принадлежит все, а мужчине — ничего, жена становится на место мужа, а муж на место жены.

...остановилась душой на приеме Диармайда... — В ирландских сказаниях женщина проявляет себя в роли Федры нередко (см. предание «Извержение Лох Эках»). Особенно красочно такая «Федра» представлена в сказании «Убийство Ронаном родича», где коллизия, возникшая из-за страсти молодой жены лейнстерского короля к его сыну, приводит к гибели всех участников драмы, в том числе совершенно невинного «Ипполита» — «прекраснейшего и славнейшего» Маэла Фотартайга [52]. Та же тема, хотя и не столь явно, звучит в сказании «Приключение Арта, сына Конна». В целом отличительной чертой кельтских Женщин, каковы они предстают в традиции, является то, что они сами выбирают и «уводят», если им это удастся, своих возлюбленных, за которыми у знатоков кельтской литературы закрепилось звание «сопротивляющихся любовников» [38, с. 657, 662].

Клуйн Да Кайлех — луг или пастбище неподалеку от Тары. Вариант перевода этого названия — Луг Двух Старух.

...путь в воскресенье не к добру. — Король Диармайд в данном случае солидарен с ирландской церковью, которая стремилась к тому, чтобы ирландцы смотрели на воскресенье как на «день покоя», хотя церкви это удавалось с большим трудом [68]. Согласно так называемому «Закону Воскресенья», с вечера субботы до полудня понедельника

следовало соблюдать святость воскресенья, то есть избегать почти всех повседневных работ и дел; в том числе никто не должен был «блуждать за пределами границы территории, где ему случилось быть», а также совершать сделки, судиться, общаться сексуально и т. д. [74]. «Закон Воскресенья» сулил тем, кто нарушает его, что они будут взяты иноземцами-язычниками в рабство. Возможно, под этими «язычниками» подразумевались боги Племени Дану?

Дубтор в Лейнстере. — Вероятно, имеется в виду лесной массив.

...увидела молодого воина... — В этом описании находим все те характерные для кельтской традиции признаки, которые встретились нам в описании Бекфолы и о которых в основном сказано в примечании к «Приключению Конлы Красного». Кельтская традиция в своем пылком и наивном эстетизме отнюдь не «ущемляет» мужчин, так же как она не «ущемляет» женщин во всех других отношениях, — королев, воительниц и друидесс. «О галлах и британцах римская история рассказывает, что короли этих наций — может быть, для того чтобы быть особенно заметными в сражениях, — воевали с расписанными щитами и в разноцветных одеждах; когда этих королей вели в таких одеждах во время триумфов, то зрители — римский народ — находили это зрелище прекрасным» [6, с. 510].

...лодка из бронзы. — На такой же лодке и к такому же острову посреди озера переправляется Кухулин в сказании «Болезнь Кухулина»: он переправляется в Иной Мир [16].

Остров Федаха Мак ин Дайла — Бычий Остров на озере Лох Эрне. С одной стороны, это реальное историческое и географическое место,

известное в связи со святым Молассой; с другой — это «чудесный остров», имеющий свои координаты в Ином Мире, на что указывают бронзовые лодка, канат и причал, а также еда, неведомо откуда являющаяся в Доме Фланна. Что касается Федаха Мак ин Дайла, потомком которого называет себя Фланн, этот персонаж не известен по другим источникам. Мы также не можем определенно сказать, кто такой сам Фланн. Судя по всему, он выходец из Иного Мира — на это указывают шишки из белой бронзы на его щите. Весь его облик слишком необычен даже для кельтских королей.

...будешь моей постоянной женой... — У кельтских народов, в том числе у ирландцев, кроме обычных, «постоянных», браков, издревле существовали еще и «временные», или испытательные браки, причем в иных местах Ирландии, Шотландии, Уэльса, Гебридских и Оркнейских островов таковые обычаи дожили до XX века. Например, о графстве Кардиган в Уэльсе писали: «Там двоякий бывает брак, большой и малый. Последний значит испытание. Если он неудачлив, невеста возвращается к родителям и почитается опять девкою». И далее: «На малом полуострове Портланде молодые девушки не выходят замуж прежде, чем не сделаются беременными. Сего обычая не истребила даже христианская вера. Если связь любовников остается несколько времени бесплодною, то родители их не считают суженными — девушка остается при своей чести, принимает других женихов, и, сделавшись матерью, выходит действительно замуж» [10, с. 148—149]. Что касается кельтов-гэлов, то есть ирландцев и шотландцев, то у них «временные» браки особенно практиковались в связи с праздником сбора урожая (Ламмасом, 1 августа), который восходит к древнему Лугназуду. Во всяком случае, в 1900 году с Оркнейских островов сообщали: «Титул брат и сестра Ламмаса не совсем еще вышел из употребления, точно так

же как и обычай соглашения двух молодых людей быть возлюбленными во время всей ярмарки Ламмаса» [22, с. 78—79]. В Ирландии же такими браками особенно была известна ежегодная ярмарка в Телтауне (древнее Тайльтиу), также приуроченная к Лугназаду. (См. примечания к «Приключению Арта, сына Конна» и к «Чудесной жене».)

...щенята с острова... — Так Фланн называет диких собак или волков, до смерти напугавших Бекфолу и загрызших, как она думала, ее служанку. Фланн, таким образом, выглядит повелителем лесных тварей, подобно «разнообразным фигурам чародеев и провидцев, обитавших в лесах и властвовавших над животными. К ним восходят, с одной стороны, ирландские святые, жившие в лесах и окруженные вместо монастырской братии лесным зверьем, как они изображались в легендах, и с другой — такой персонаж, как Мирддин-Мерлин» [52, с. 260]. Не было бы ничего удивительного в том, если бы Фланном оказался сам святой Моласса, обитавший на том же острове.

...чтобы прикрыть нас. — Получается, что Фланн сам устроил свою встречу с Бекфолой.

...встающим в то же самое воскресенье. — Парадокс времени, обратный тому, который мы встретили в истории Ойсина («Ойсин в Тир На Н-Ог»). Бекфола провела вне дома сутки, однако для Диармайда она действительно никуда не уходила. Этот парадокс остается необъясненным, как и то, что служанка Бекфолы, «оказывается», спаслась под тем же самым деревом. Джеймс Стефенс, написавший по мотивам этого сказания романтическую повесть, объяснял дело таким образом, что Бекфола со служанкой, выйдя из Тары, незаметно для себя попадают в Иной Мир [58, с. 131—132].

Герои-бородачи. — «Намек на „бородатых героев” объясняется тем, что Бычий Остров (Дам Инис) на Лох Эрне, связанный со знаменитым святым, Молассой, рассматривался как убежище для женщин» [67, р. 533].

...люди с чарами на копьях... — Указание на то, что оружие, которым пользовались в схватке на Бычьем Острове, было зачарованным. Об использовании магии и чародейства в военном деле (см. примечания к сказаниям: «Финн и призраки», «Осада Друйм Дамгайре» и «Меч Кухулина»).

...мы не знаем, ни куда она идет, ни откуда приходит. — Бекфола напоминает «блуждающих» героинь из сказаний, связанных с южной частью Ирландии — с Мунстером, а именно Суитхерн и ее сестру Мор (см. «Суитхерн и Ронан Диколла» и примечания). О Мор Муман говорилось, что она блуждала по Ирландии два года; наконец пришла в Кашел, где стала женой короля Фингена, а когда он умер, она пошла к королю Кatalу; в блуждания она пустилась из-за неких «голосов», которые слышала в своем доме. Ее же сестра Суитхерн, направляясь к одному своему возлюбленному, тоже заблудилась и попала в другие края, где, как и Мор, заняла место законной королевы; в финале же она явно собиралась возобновить свои «поиски». Между тем эти блуждающие героини были изначально богинями-носительницами Власти, и, соединяясь с ними, короли по-настоящему становились королями [84].

Моласса с Бычьего Острова — известный ирландский святой, епископ второй половины VI века и начала VII века. В «Поэме о святых Ирландии», написанной в том же VII веке епископом, по имени Куймин, из Ноендруйма, сказано: «Моласса Озерный любил пребывать в суровом

каменном узилище и держал гостиницу для людей Эрина, — без отказа, без капли скупости» [70]. В одной из монастырских хроник содержится любопытный рассказ о том, как Моласса лечил от похоти одну монахиню по имени Копар: он урезал ее паек до тех пор, покуда из ее ладони, когда он в очередной раз вонзил туда свою иголку, не вытекло больше ни единой капли крови; это произошло лишь на третий год жестокого поста. После этого Моласса сказал монахине: «Впредь держись на таком пайке до самой смерти» [74].

Святые Молассы. — Сохранился переплет книги, принадлежавшей святому, украшенный золотом — возможно, тем самым, что его ученики собрали на Бычьем Острове.

...и с тех пор не возвращалась. — «Увод», подобный этому, происходит в сказании «Сватовство к Этайн»: там Мидир, хозяин одного из сидов, уводит у короля Эохайда Айрема жену, которая, впрочем, должна была принадлежать ему еще в предыдущем своем рождении [52].

Таково обольщение Бекфолы. — Образ Бекфолы, по всей видимости, соответствует тому, что писали об ирландском национальном характере даже и в Новое время: «Это, если можно так выразиться, эгоизм страсти, нужда непосредственного доброжелательства, без всякой оглядки на минувшее, без всякого расчета на будущее; он жертва, он раб своих первых движений... Когда он клянется вам в вечной приверженности, то вы не должны сомневаться в его искренности... но тираны его души дают ей новое направление; и волею-неволею, он должен им повиноваться» [89].

СМЕРТЬ МУЙРХЕРТАХА, СЫНА ЭРКА

Когда Муйрхертах, сын Муйредаха, король Ирландии, жил в Клетехском дворце, на берегу Бойны у Бруга, и была у него жена — Дуайбсех, дочь Дуаха Медного Языка, короля Коннахта, — однажды этот король пошел поохотиться на границу с Бругом, и товарищи по охоте оставили его одного на его охотничьем холме.

Он не пробыл там долго, когда увидел одинокую девушку, прекрасно сложенную, с чудесным лицом и сверкающей кожей, и в зеленом плаще, севшую рядом с ним на торфяном холме; и показалось ему, что он никогда не встречал женщин, равных ей по красоте и изысканности; и все его тело и его существо наполнились любовью к ней, ибо, когда он взирал на нее, ему показалось, что он отдал бы целую Ирландию за одну ночь, одолженную у нее, — так полюбил он ее с первого взгляда.

И он приветствовал ее, как если бы она была ему знакома, и спросил у нее о ней.

«Я скажу тебе, — ответила она. — Я — милая Муйрхертах, сына Эрк, короля Эрина, и чтобы отыскать его, я пришла сюда».

Это показалось добром Муйрхертаху, и он ей сказал: «Ты знаешь меня, девушка?»

«Знаю, — ответила она, — ибо искусна я в делах еще более тайных, чем это, и известны мне и ты, и другие мужи Ирландии».

«Пойдешь ты со мною, девушка?» — спросил Муйрхертах.

«Пойду, — ответила она, — при условии, что будет мне хорошая награда».

«Я дам тебе власть надо мной, девушка», — сказал Муйрхертах.

«Твое слово на это!» — откликнулась девушка. И он сразу дал его, а она спела ему песнь:

*Это — власть, которая кстати;
Но не для ученья монахов.*

«Я дам тебе сотню голов из каждого стада, и сто рогов для питья, и сто чаш, и сто золотых колец, и каждую вторую ночь — пир в Клетехском доме».

«Нет, — сказала девушка, — пусть будет не так. Но мое имя никогда не должно произноситься тобой, и Дуайбсех, мать твоих детей, не должна быть на моих глазах, и монахи никогда не должны входить в дом, где я нахожусь».

«Все это тебе будет, — сказал король, — ибо я поручился тебе моим словом; только мне было бы легче отдать тебе половину Ирландии. И скажи мне правдиво, каково твое имя, чтобы мы могли избегать его, не произнося».

И она сказала: «Вздых, Свист, Син, Резкий Ветер, Зимняя Ночь, Крик, Вопль, Стон». И тогда он произнес эту песнь:

*Скажи мне твое имя, о девушка,
Возлюбленная и лучезарная самая.*

Каждая из этих вещей была ей обещана, и так он заложил себя. Затем они вместе пошли к Клетехскому дому. Добротным было обустройство этого дома, добротными были домочадцы его и челядь и все знатные потомки Ниалла, бодро и оживленно, весело и радостно поглощающие дани и богатства с каждой области в украшенном добычами Клетехском доме, поверх обрыва над полной лосося, вечнопрекрасной Бойной, и у границы Бруга с зеленой вершиной.

Теперь, когда Син увидела дом с его домочадцами, она сказала: «Хорош дом, куда мы пришли!»

«Хорош, — сказал король, — и никогда не было построено дома, подобного ему, ни для Тары, ни для Нааса, ни для Красной Ветви, то есть Эмайн-Махи, ни для Айлех Нейта, ни для Клетеха. И ты будь свидетелем в том, что касается этого дома». Она сказала так:

*Королем никогда не строилось над рекою
Дома, подобного твоему над Бойной.*

«Что бы здесь сделать теперь?» — спросила девушка.

«То, что ты желаешь», — ответил Муйрхертах.

«Если так, — сказала Син, — пусть Дуайбсех и ее дети покинут дом, и пусть человек всякого ремесла и искусства в Ирландии придет со своей женой в пиршественный зал». Так и было сделано, и каждый начал восхвалять свое собственное ремесло и искусство, и каждым ремесленником и искусником, который был там, было сложено по стиху:

*Восхитительна благородная власть
Над землей Эрина, велик ее чин.*

Когда пирование закончилось, Син сказала Муйрхертаху: «Теперь пора освободить дом для меня, как было обещано». Тогда она выгнала потомков Ниалла и Дуайбсех с ее детьми, прочь из Клетеха; и вот каким было их количество, как мужчин, так и женщин, — два равновеликих и знатных войска.

Дуайбсех пошла со своими детьми из Клетеха в Туйлен, чтобы отыскать своего исповедника, святого епископа Кайрнеха. Когда она добралась до Кайрнеха, она произнесла такие слова:

*О монах, освяти мое тело,
Я боюсь этой ночью смерти.
Сам же пойдя, о монах, туда,
Где дети Эогана и Конала.*

После этого Кайрнех пошел к детям Эогана и Конала, и они вместе вернулись к Клетеху, но Син не позволила им приблизиться к крепости. Потомков Ниалла огорчил и опечалил этот поступок. Тогда Кайрнех сильно разгневался, и проклял дом, и сделал могилу для короля, и сказал: «Тот, чья это могила, закончился; и поистине это конец королевству его и владычеству!» Он взошел на вершину насыпи и сказал:

*От этих колоколов навсегда
Насыпь отныне будет знать каждый,
Могилу победного сына Эрк;
Не слабыми были его походы.
Проклятье на этот холм,
На Клетех с сотнями воинов!
Да не будут добры ни пшеница его, ни молоко,*

*Да будет он полон ненависти и бедствия!
Да не будет в нем ни короля, ни князя,
Да не выйдет никто из него, величаясь!
В течение времени моего буду помнить
Могилу короля Эрина под насыпью.*

Вот когда Кайрнех проклял крепость и прозвонил в свой колокол об этом, а затем пошел прочь в скорби и печали. И сказали ему потомки Ниалла: «Теперь благослови нас, монах, чтобы мы могли пойти в нашу собственную землю, ибо мы не виновны перед тобой».

Кайрнех благословил их и оставил им, то есть детям Конала и детям Эогана, вот какой дар: что, когда бы они ни владели властью вождей или королей Ирландии, их власть была бы над каждой областью вокруг них; и чтобы они имели по наследству и Айлех, и Тару, и Ульстер; и чтобы они ни от кого не получали платы, ибо их наследственное право — королевская власть над Ирландией; и чтобы на них не было уз, а от них — заложника, и чтобы напал падеж на их заложников, если те скроются; и чтобы они добились победы в битве, при условии, что она велась за правое дело; и чтобы у них было три знамени, а именно Катах, Колокол Патрика и Книга Кайрнеха, и чтобы благодать этих святых была на каждом из них супротив битвы, — вот что Кайрнех оставил им, говоря: «Мое благословенье на вас до Судного Дня, потомки Ниалла, и повседневно».

Каждый из них пошел в собственную крепость и в свои родные места. Кайрнех направился к своему монастырю, и встретила ему большая толпа, а именно потомки Тадга, сына Киана, внука Айлиля Голое Ухо. И они увлекли Кайрнеха с собой, чтобы заключать их договор и соглашение с Муирхертахом,

сыном Эрк, и когда королю сообщили об этом, он вышел из своей крепости и приветствовал их. Но когда Муйрхертах заметил с ними монаха, выступил на нем густой румянец, и он воскликнул: «Почему ты пришел к нам, монах, после того как нас проклял?»

«Я пришел, — ответил тот, — сотворить мир между потомками Тадга, сына Киана, и потомками Эогана, сына Ниалла».

Тогда между ними был заключен договор, и Кайрнех смешал кровь тех и других в одном сосуде, а потом записал, как они заключили договор. И Муйрхертах сказал Кайрнеху: «Уходи ты, монах, подальше, не будь поблизости вопреки нашей воле».

Затем, когда договор был заключен и когда Кайрнех их всех благословил и посулил краткость жизни и ад тому, кто осознанно нарушит договор, он покинул их и возвратился в свой монастырь. А король пошел в свою крепость, и с ним воины, чтобы сторожить его против потомков Ниалла. Король сел на свое кресло, а Син села справа от него, и никогда на землю не приходила женщина лучше, чем она, по облику и наружности. Король любовался на нее, искал знания и задавал ей вопросы, ибо показалось ему, что она была богиней с великой властью; и он спросил ее, какова власть, которой она обладает. Так он говорил, а она отвечала:

— Скажи мне ты, искусная девушка, веришь ли ты в Бога монахов? И от кого произошла ты в этот мир? Скажи нам о твоём происхождении.

— Я верю в того же истинного Бога, Помощника моему телу против нападков смерти. Не произвести в этом мире чуда,

подобного которому не смогла бы я сотворить. Я дочь мужчины и женщины из рода Адама и Евы. Здесь я угодна тебе; пусть сожаленье тебя не охватит. Я могла бы сотворить солнце и луну и лучезарные звезды; я могла бы сотворить мужей, свирепо сражающихся в схватке; я могла бы сделать вино — без обмана — из Бойны, так как могу добывать его; и овец из камней, и свиней из папоротников; я могла бы сделать серебро и золото в присутствии великой толпы; я могла бы сделать славных мужей для тебя сейчас же.

«Сотвори для нас, — сказал король, — что-нибудь из этих великих чудес».

Тогда Син вышла прочь и выстроила два войска равной величины, равной силы и равной доблести, и всем показалось, что никогда на землю не приходило два войска, что были бы храбрее и воинственней этих, поражающих, калечащих и стремительно убивающих друг друга в присутствии всех.

«Видишь ты это? — спросила девушка. — Поистине моя власть никак не обман».

«Вижу, — ответил Муйрхертах и сказал: — Я вижу два войска храбрых и чудных, сражающихся на равнине».

Затем король со своими домочадцами пошел в крепость. Когда они еще смотрели на сражение, им принесли немного воды из Бойны, и король сказал девушке сделать из нее вино. Тогда девушка наполнила водой три бочонка и набросила на них чары; и показалось королю и его домочадцам, что никогда на земле не являлось вино лучшего вкуса или крепости. Вот из папоротника она сделала волшебством призрачную свинью и затем подала вино и свинью гостям, и те поглощали их, покуда, как полагали они, не насытились. Кроме того, она обещала, что

будет давать им всегда и снова такую же трапезу; после этого Муйрхертах сказал: «До сих пор никогда не являлось здесь пищи, подобной той, что вы видите».

Итак, потомки Тадга, сына Киана, когда трапеза на волшебном пиру закончилась, несли той ночью стражу при короле. Когда он поднялся наутро, он как будто одряхлел, и так было со всеми другими, кто вкушал вино и прозрачное волшебное мясо, которые Син приготовила для этого пира. И король сказал: «О девушка, моя сила ушла, почти уж пришли, под конец, мои похороны».

Затем король ей сказал: «Покажи нам что-нибудь из твоего искусства, о девушка!»

«Конечно, я сделаю это», — сказала она.

Они вышли наружу, то есть Муйрхертах и все гости, что были с ним. Тогда Син сделала из камней голубых людей, а других — с козлиными головами, так что перед ним на лугу у Бруга оказалось четыре великих войска под оружием. Тогда Муйрхертах схватил свое оружие и свою боевую одежду и пошел сквозь них, как скорый, разъяренный, бешеный бык, и тотчас принялся убивать и ранить их, и каждый муж из них, которого он убил, обычно сразу же вставал вослед ему. И так он убивал их целый день вплоть до ночи. Хоть велики были ярость и гнев короля, он таким образом изнемог и сказал: «Я вижу чудо на этом берегу, на покрытых кустарником заводах реки».

И вот, когда король был изнурен от сражения и убийства врагов, он печально пошел в крепость, и Син дала ему волшебного вина и мяса волшебной свиньи. И он, и его домочадцы вкусили от них, и под конец он тяжело заснул до

утра, а поднявшись наутро, не имел ни крепости, ни силы. И сказал он:

Я без силы, о ты, ласковая женщина.

Поддай, как сказал бы чистый монах.

Когда они так говорили, им послышался тяжкий крик воинов и толпы, зовущих Муйрхертаху наружу и вызывающих его на битву. Тогда на его глазах у Бруга оказалось два равновеликих войска, а именно из голубых людей в одном из них и безголовых людей в другом. Муйрхертах разъярился на вызов врагов и внезапно поднялся, но упал в изнеможении наземь и произнес песнь:

Тяжкий крик и шум, что делают враги, —

Войско голубых людей к северу от нас,

И безголовых, зачинающих битву,

В долине к югу от нас.

Плоха моя сила; а войску

Много раз приносил я победу;

Велико было войско, недвижно его разделение,

Жестоко их имя, резок их крик.

Затем он пошел к Бругу, и набросился на врагов, и принялся убивать и калечить их через весь день. Син вышла к ним туда и дала Муйрхертаху королевскую власть над ними, и он отдохнул от сражения. И тогда король направился к Клетеху, а Син образовала между ним и крепостью два великих войска. Когда он их увидел, он набросился на них и начал вести с ними битву.

И вот, когда он был занят этой битвой, тогда Кайрнех послал Масана, Касана и Кридана отыскать его, чтоб он мог иметь Божью помощь, ибо высокий святой знал об угнетении,

которое тот терпел в это время. Монахи встретили его в Бруге, покуда он рубил камни, дерн и стебли; и один из монахов спросил, а Муйрхертах ответил:

«Отчего ты рубишь камни без причины, о Муйрхертах? Мы печалимся, что ты бессилен согласно воле идолопоклонницы, творящей волшебство».

«Я поссорился с монахом, что напал на меня, и не знаю я, кроме того, что камни неживые».

«Положи таинственный крест Христов теперь же поверх твоих глаз. Умерь на время ярость твою: отчего же ты рубишь камни?»

Тогда бешенство воина у короля прекратилось, он пришел в чувство и положил знак Креста на свое лицо, и тогда он не увидел перед собой ничего, кроме камней и комьев земли. Затем он спросил у монахов вести и сказал: «Почему вы пришли?»

«Мы пришли, — ответили они, — встречать твоё тело, ибо смерть рядом с тобой».

А он сказал: «Почему пришли вы из церкви, о сыны учения, полного музыки?»

Там, в Бруге, монахи наметили место для церкви и сказали ему ископать для нее ров во славу великого Господа Стихий. «Это будет сделано», — сказал он. Затем он начал копать ров, тогда-то луг Бруга и был впервые попорчен. И он сообщил монахам вести о себе и принес Господу пылкое покаяние. Он сказал:

*Благодарю я Сына Марии,
Гнев мой закончился здесь.
С тех пор как пришел я в Эрин по морю,*

*Я помню количество лет,
Не проводил никогда я дня —
Долговечная слава —
Без головы героя и торжества над ним.
Два года я был на востоке в Альбе:
Я убил моего деда,
Я вовлек многих там в печали;
Моими делами пал Лорн.
Два года впоследствии был
Я королем над данами:
Не было ночи тогда
Без двух голов на кольях.*

И вот после этой исповеди монахи освятили для него воду, и он причастился Христова Тела и принес Господу пылкое покаяние. И он велел им сообщить Кайрнеху, как он принес свою исповедь и покаяние. Он тогда сказал так:

*Верное, верное, бедное тело из праха,
Помни, помни образ жуков-трупоедов.*

Монахи остались на эту ночь в церкви Бруга, а король пошел в Клетех и сел там по правую руку своей женщины. Син спросила его, что прервало его сражение в этот день. «Монахи пришли ко мне, — ответил он, — и положили знак Креста Христова на мое лицо, и тогда я не увидел ничего, кроме папоротника, камня и дождевиков. И так как не было там никого, чтобы сражаться со мной, я пошел прочь». Тогда Син заговорила, а Муйрхертах отвечал ей:

«Никогда не верь монахам, ибо они ничего не поют, кроме бессмыслицы: не следуй их немелодичным стихам, ибо они не чтят правдивости. Не прилипай к монахам-церков-

никам, если желаешь жизни без предательства: здесь в качестве друга лучшая — я; пусть раскаянье не приходит к тебе».

«Я всегда буду вместе с тобою, о чудная девушка без уныния; мне милей выражение твоего лица, чем церкви монахов».

Тогда Син отвлекла его разум, и встала между ним и поучениями монахов, и сделала на эту ночь волшебное вино для короля и его воинов. Седьмую ночь она была при своем волшебстве, а был именно канун среды после Самайна. Когда гости были опьянены, послышался вздох сильного ветра.

«Это вздох зимней ночи», — сказал король. А Син сказала:

*Это я Резкий Ветер, Буря, дочь благородных и чудных:
Зимняя Ночь мое имя, для всякого места вместе.
Вздох и Ветер: Зимняя Ночь.*

И затем она вызвала туда великую снежную бурю, и никогда не бывало шума битвы сильнее, чем ливень густого снега, что лился там в это время, а пришел он точно с северо-запада. Тогда король вышел, и снова вошел в дом, и начал упрекать бурю; и сказал он: «Зла ночь сегодня, никогда не приходила столь же дурная».

Когда пирование закончилось, тогда гости полегли, и ни в одном из них не было и той силы, что у женщины в родах. Затем король лег на свою постель, и пал на него тяжкий сон. И издал он сквозь сон громкий вопль, и пробудился от сна.

«Что это?» — спросила девушка.

«Великая толпа демонов явилась мне», — ответил он, после чего сказал:

*Образ красного огня привиделся мне.
Клетехский дом как роковой огонь,
Вкруг моей головы пылающий навеки;
Род Ниалла в преступном страдании
Через чары колдуний.
Крик могучей толпы по-над красным огнем —
Вот что привиделось мне.*

Король поднялся, ибо видение, которое он узрел, не давало ему спать, и пошел прочь из дома, и в маленькой церкви Бруга он увидел огонек монахов. Он пошел к ним и сказал: «Нет ни крепости, ни силы во мне этой ночью». И он рассказал свое видение и свой сон. «И трудно, — сказал он, — показать доблесть этой ночью, хотя бы даже толпы пришлых врагов нападут на меня, — из-за слабости, в которой мы пребываем, и дурноты этой ночи».

И тогда монахи начали поучать его. Он сразу же вернулся и сказал там:

— Зла нестерпимо Буря нынешней ночью к монахам в приюте их; они не смеют заснуть из-за грубости ночных бурь.

— Зачем говоришь мое имя, о человек, о сын Муйредаха и Эрк? Ты обрящешь смерть, — пир без немилости. Не спи в Клетехском доме.

— Скажи мне, ты, беспечальная женщина, какое число врагов падет от меня? Не скрывай от меня, скажи без принуждения, какое число падет от моей правой руки?

— Ни один не падет от тебя наземь, о сын Эрк из высокого рода: ты, король, наверное, кончен; сила твоя ушла в никуда.

— Великий ущерб — бытие мне без силы, о благородная многоликая Син! Не раз убивал я свирепого воина, а нынешней ночью я угнетен.

— Многие пали твоим усилием, о сын дочери Лорна! Множество врагов ты привел в молчание; увы, но ты в положении дурном!

«Это правда, девушка, — сказал он, — смерть ко мне близка, ибо было предсказано, что моя смерть и смерть Лорна, моего деда, будут подобны, ведь он не пал в битве, но сгорел заживо».

«Тогда засни этой ночью, — сказала девушка, — и оставь мне стеречь и охранять тебя от врагов; и, если это не твоя судьба, дом не будет сожжен над тобой этой ночью». — «Подлинно идет на нас с помыслами Туатал Майльгарб, сын Кормака Кайха, сына Карпре, сына Ниалла Девяти Заложников». — «Хотя бы Туатал со всеми своими войсками и пришел на тебя с помыслами, не бойся его этой ночью, — сказала девушка, — и засни теперь». Тогда он пошел в свою постель и попросил у девушки питья, а она набросила на это обманное вино усыпляющие чары, так что когда он выпил глоток его, оно сделало его хилым и пьяным, без крови и без силы.

Затем он тяжело уснул и узрел видение, а именно, что он вышел в море на корабле, и корабль его стал тонуть, и явился к нему когтистый гриф и унес его в свое гнездо, а потом и он, и гнездо сгорели, и гриф пал вместе с ним.

Король пробудился и обратился со своим видением к своему сводному брату — Дуб Да Ринну, сыну друида Сайгне-на, и вот как Дуб Да Ринн растолковал его смысл: «Корабль, в котором ты находился, — это корабль твоего царствования

на море жизни, и ты его кормчий. Корабль этот затонул, и твоя жизнь подошла к концу. Этот когтистый гриф, что унес тебя в свое гнездо, есть женщина, что находится в твоём обществе, чтобы делать тебя опьяненным и увлекать тебя с собой в ее постель и удерживать тебя в Клетехском доме, так что он будет сожжен над тобой. Вот гриф, что пал вместе с тобой, — это женщина, что умрет из-за тебя. Таково значение этого видения».

Затем король тяжело уснул, после того как Син навела на него усыпляющие чары. И вот, покуда он пребывал в этом сне, Син поднялась и устала копы и дротики воинов в воротах, а затем повернула все их острия к дому. Она образовала волшебством множество толп и полков повсюду в доме и вокруг стен, а потом легла в постель.

И тогда король пробудился от своего сна. «Что это?» — спросила девушка. «Толпа демонов явилась мне, поджигающая дом надо мной и убивающая моих людей при входе». — «Тебе нет от этого вреда, — сказала девушка, — это только кажется так».

И когда они так беседовали, они услышали треск горящего дома и крик толпы демонов и чародеев вокруг него. «Кто вокруг дома?» — спросил король. Син сказала: «Туатал Майльгарб, сын Кормака Кайха, внука Ниалла Девяти Заложников, со своими войсками. Он здесь, чтобы взять отмщение на тебе за битву при Гранарде». И король не знал, что это была неправда и что не было врага человеческого рода, окружающего дом. Он быстро поднялся, и пошел искать свое оружие, и не нашел никого, кто бы ему откликнулся. Девушка вышла из дома, и он сразу последовал за ней; он встретил перед собой толпу, так

что с трудом прошел через них. От двери он возвратился к своей постели. Затем воины вышли наружу, и ни один из них не избежал увечья или сожжения.

Тогда король снова пошел к дверям, а между ним и дверью были сполохи и столпы огня. Когда огонь заполнил выход и весь дом вокруг, и он не нашел себе убежища, он влез в бочку с вином и там утонул, так как погрузался в нее всякий раз из-за страха перед огнем. Затем огонь пал на его голову, и пять локтей его роста сгорело, но вино сохранило от сожжения остальное его тело.

На следующий день, когда пришло утро, монахи Масан, Касан и Кридан пришли к королю, перенесли его тело к Бойне и омыли его. Кайрнех тоже пришел к нему, выказал великое горе, оплакивая его, и сказал: «Велика сегодня потеря для Ирландии — потеря сына Эрк, одного из четырех лучших мужей, что достигли власти над Эрином без хитрости и без силы, а именно Муйрхертаха, сына Эрк, Ниалла Девяти Заложников, Конна Ста Битв и Угайне Великого». И тело было поднято Кайрнехом, чтобы отнести в Туйлен и там похоронить.

Тогда Дуайбсех, жена Муйрхертаха, встретила монахов в то время, когда тело находилось между ними, и сотворила великий и жалобный плач; она ударила в свои ладони и прислонилась спиной к древнему дереву в Анах Рейл; и порыв запекшейся крови вырвался из сердца в ее груди, и она тотчас умерла от горя по своему мужу. Затем монахи положили тело королевы вместе с телом короля. И тогда Кайрнех сказал: «Дуайбсех, благородная жена сына Эрк; здесь да будет вырыта вами ее могила».

И тогда королеву похоронили и сделали ей могилу. Король же был похоронен близ церкви на северном берегу, и Кайрнех описал его нрав и произнес эту песнь:

*Могилу короля Айлеха пребудет навсегда
В Туйлене; каждая сосна услышит об этом.*

Когда монахи закончили погребение, они увидели идущую к ним одинокую женщину, прекрасную и сиятельную, облаченную в зеленый плащ с бахромой из золотой нити. Платье из бесценного шелка было на ней. Она дошла до места, где были монахи, и приветствовала их, а монахи приветствовали ее. И они заметили на ней облик печали и скорби и признали, что она была той, что погубила короля. Кайрнех спросил вести у ней и сказал: «О дева, расскажи нам о твоём происхождении не темня; произвела ты наше бесчестье, хотя твоё тело прекрасно. Ты убила короля Тары со многими из его домочадцев, ужасным, злобным деянием».

Тогда монахи спросили ее, кто она сама, и кто были ее отец и мать, и что ей сделал король такого, за что она должна была погубить его. «Син, — отвечала она, — мое имя, а Сиге, сын Диана, сына Трена, — мой отец. Муырхертах, сын Эрк, убил моего отца, мою мать и мою сестру в битве при Кербе на Бойне, а также уничтожил в той битве все древние роды Тары и моего отечества». Тогда Кайрнех так говорил, а Син отвечала:

— Скажи, о Син, утверждение без вопроса, сообщи доподлинно, кто был твой отец.

— Не дороже тебе был твой собственный отец, чем мне был Муырхертах, потомок Ниалла. Сама я умру от горя по нему, по верховному королю Западного Мира, и за вину тяжких бедствий, что я навлекла на владыку Эрина. Навела на

него я погибель, увь! которая перемогла короля благородных воинств.

Затем она исповедалась Кайрнеху, принесла Богу пылкое покаяние, как ее научили, вошла в послушание к Кайрнеху и тотчас умерла от горя по королю. Тогда Кайрнех сказал, что для нее должно сделать могилу и что следует ее положить под слоем дерна земли. Было сделано, как повелел монах, а он сказал: «Не милы были ее деяния до сего дня, в котором мы ныне».

Что до Кайрнеха, он проявил великую заботу о душе Муйрхертахы, но не вытащил ее из ада. Тем не менее он составил молитву, которая по своему зачину называется «Пошщи меня, Господи», и повторял ее постоянно ради души короля. После чего явился к Кайрнеху ангел и сказал ему, что кто бы ни пел эту молитву постоянно, тот будет несомненно насельником Небес. Ангел тогда сказал так:

*Всякий, кто будет петь с верою
Молитву Кайрнеха таинств,
Этого будет довольно, чтобы помочь
Иуде, худшему из всех рожденных.*

Такова смерть Муйрхертахы, как рассказали о ней Кайрнех, Тигернах, Киаран, Мохта и Туатал Майльгарб; и она была записана и пересмотрена этими святыми монахами, сохранившими ее для каждого с того времени по сей день.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в «Желтой Книге из Лекана» (XIV век), однако, по мнению Куно Мейера, оно записано языком XII века,

а восходит к еще более ранним не сохранившимся источникам. Само сказание, очевидно, сложилось вскоре после описываемых в нем событий, то есть уже в VI веке. «Повесть эта — один из характерных примеров кельтских „легенд любви и смерти“ с их живописной фантастикой и захватывающим трагизмом» [16, с. 294]. «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк» однажды уже переводилась на русский язык в 1929 г. А. А. Смирновым, а до этого подробно разбиралась ученым в особой статье: Смирнов А. А. Ирландская сага о смерти короля Муйрхертаха, сына Эрк // Записки Неофилологического общества. Пг., 1915. Вып. 8.

Наш перевод выполнен по изданию: *Ancient Irish Tales / Ed. by T. P. Cross and C. H. Slover. New York: Barnes & Noble, 1969.* Много ценных сведений мы почерпнули из старинного труда Петри «Об истории и древностях Холма Тары» [92].

Муйрхертах — сын Эрк и Муйредаха, чаще именуемый только по матери, сыном Эрк, верховный король Ирландии, правивший в первой половине VI века. Хроники не согласны в датах его восшествия на престол (509 или 513 год) и его трагической гибели (конец 20-х — начало 30-х годс. Наиболее вероятная дата — 534 год). Муйрхертах родился от Эрк — дочери шотландского короля Лорна (Лоарна), вышедшей замуж за ирландского короля Муйредаха. Будучи правителем Тары, он одержал ряд крупных побед над «вассальными» королевствами, в частности Лейнстером и Коннахтом. Однако в прадииции с его именем связан прежде всего мотив «тройной смерти», приключившейся вследствие событий, описанных в сказании «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк». События эти, как и действующие лица сказания, находят подтверждение в других источниках, и главное — в хрониках. В частности, в «*Chronicum Scottorum*» («Летопись скоттов») под 531 годом значится: «Муйрхертах, сын Эрк, потонул в бочке с вином, сторел и был

смертельно ранен в ночь на Самайн, на высотах Клетеха, на Бойне, как сказано святым Кайрнехом» [57, с. 150]. Известно, что о Муйрхертах существовала не дошедшая до нас история в жанре «приключения», то есть путешествия героя в Иной Мир; о ее содержании остается только гадать.

Клетехский дворец — резиденция верховных королей Ирландии, расположенная недалеко от их столицы, Тары (на другом берегу реки Бойны), и в непосредственной близости от Бруга — знаменитого в ирландской традиции чудесного холма-сида и древнейшего кладбища верховных королей. В Клетехском доме умер, подавившись роковой костью лосося не без помощи друидических чар, король Кормак Мак Арт (см. примечание к «Приключению Кормака в Обетованной Стране»). Известно, что вследствие проклятия святого Кайрнеха Клетехский дом был навсегда покинут ирландскими правителями [92, Р. 122], и это лишний раз подтверждает достоверность описываемых в нашем сказании событий. Клетех, вероятно, был расположен на месте нынешнего Клэди [69, р. 75, 77]. Могила в Клетехе Муйрхертах упоминается в поэме Кинаеда уа Артакайна, поэтa X века. К этому стиху имеется сноска: «Потонул в бочке с вином, сгорел в огне, был убит копьем» [57, с. 151]. Что касается древности Клетеха, то она восходит ко временам Племени Богини Дану: согласно сказанию «Сватовство к Этайн», крепость здесь построил Элмар, который владел Бругом до Энгуса и был хитростью оттуда изгнан им.

...на берегу Бойны у Бруга... — Близость Бруга к Клетехскому дому представляется очень важной в контексте событий сказания. Именно в окрестностях Бруга Муйрхертах встречает свою возлюбленную. Между тем именно здесь располагалось древнейшее языческое кладбище,

существовавшее чуть ли не с бронзового века: на этом кладбище, согласно традиции, до V века хоронили верховных королей Ирландии и, что особенно интересно, персонажей из Племени Богини Дану, тогда как сам Бруг был обиталищем одного из них, а именно — Энгуса Мак Ока. Об этом говорится в «Истории кладбищ» из «Книги Бурой Коровы» [69, р. 75, 77]. О Бруге см. примечание к «Приключению Арта, сына Конна».

Дуайбсех, дочь Дуаха Медного Языка. — «Chronicum Scottorum» («Летопись скоттов») под 497 г. сообщает: «Победа при Сегайс, одержанная Муйрхертахом, сыном Эрк, над Дуахом Медным Языком, королем Коннахта. В этой битве Дуах был убит». Кенфайлад, поэт VII века, сказал об этом:

*Битва при Сегайс —
— Женщина из женщин была причиной ее.
Красная кровь на копьях
Через Дуйсех, дочь Дуаха.
...
Битва при Сегайс, в которой пал
Дуах Медный Язык.*

[57, с. 161]

Таким образом, Муйрхертах был виновником смерти отца своей законной жены Дуайбсех. В связи с этим Смирнов даже предполагал, что сначала возникло сказание о смерти короля (Муйрхертаха) от руки его жены Дуайбсех (Дуйсех), мстившей ему за убийство ее отца. Позже вместо жены в этой роли выступила любовница, Син.

...на его охотничьем холме. — Охотничьи холмы, то есть холмы, с которых охотники озирают местность, часто упоминаются в цикле

сказаний об Ойсине и Финне. Однако в данном случае, если учесть «специфику» места действия — речь идет об окрестностях Бруга, — можно предположить, что Муйрхертах находился на могильной насыпи. Это дает повод для размышления о том, кто такая, собственно, Син и откуда она пришла, — вопрос, не имеющий однозначного решения. При этом следует учитывать, что чудесный полый холм в ирландской традиции изначально мог значить не что иное, как место погребения [69, р. 82]. Наконец, встреча Муйрхертаха с де-вушкой происходит, скорее всего, в канун Самайна — времени преимущественного общения с жителями сидов, хотя согласно «Летописи скоттов», в канун Самайна произошла не встреча, а гибель Муйрхертаха.

Я дам тебе власть надо мной... — Ср. разговор Конна с Бекумой в «Приключении Арта, сына Конна».

...мать твоих детей... — Вероятно, речь идет о сыновьях Муйрхертаха, Фергусе и Домнале: известно, что впоследствии они под духовным руководством святого Колумкилле сражались против короля Диармайда, сына Кербалла (см. сказание «Как была проклята Тара»).

Вздых, Свист, Син... — Среди них Син значит «Буря». Святому Кайрнеху, о котором речь дальше, приписывалось «пророчество», обращенное к Муйрхертаху, в котором говорилось:

Я страшусь женщину, вокруг которой воздвигнется

множество бурь...

Син (Буря) — это женщина, убивающая тебя, как я вижу;

...Не люби женщину, чье имя есть Син.

[92, р. 120—121].

Обращалось уже внимание на то, что в сказании «Разрушение Дома Да Дерга» король Конайре встречает «роковую женщину» чудовишной внешности, которая, подобно прекрасной Син, перечисляет королю свои имена: «В перечне тридцати двух странных имен, какими она себя называет, фигурируют Самайн, Уродство, Забвение, Преступление, Сора, Драка, Стычка, Шум и Удивление, а также Немайн (или Маха), то есть имя богини войны, и Бадб, имя зловещей вороны полей сражения» [54, с. 387]. Эта женщина «есть персонификация гибели, смерти и разрушения, и она предлагает себя герою в невесты».

Потомки Ниалла — потомки короля Ниалла Девяти Заложников (первая треть V века), к которым относится и сам Муйрхертах. Король этот был так прозван, потому что держал при себе по заложнику от девяти вассальных королей — четырех чужеземных и пяти ирландских. Согласно сказанию «Приключения сыновей Эохайда Мугмедона», Ниалл с четырьмя сводными братьями отправился однажды на охоту. В поисках питья каждый из них выходил к колодцу, охраняемому совершенно безобразной и чудовишной на вид старухой, которая требовала за воду поцелуй. Каждый из братьев отказывался «платить» и возвращался без воды, и лишь Ниалл не только согласился поцеловать это чудище, но и возлег со старухой: «Когда же поднял он на нее глаза, то увидел девушку, прекрасней которой не найти в целом свете... — „Кто ты?“ — спросил юноша. — „Я Власть«, — сказала она»; и таким-то образом Ниалл получил верховную власть над Ирландией для себя и для своих потомков [52, с. 212]. У Ниалла Девяти Заложников среди других сынов были сыновья Эоган и Конал, потомки которых и подразумеваются в нашем сказании, когда говорится о «потомках Ниалла». Муйрхертах был сыном Муйредаха, сына Эогана, сына Ниалла.

Тара, Наас, Красная Ветвь, Айлех Нейт, Клетех — ряд славных своим обустройством ирландских городов. Тара — столица верховных королей; Наас — столица Лейнстера; Красная Ветвь — дворец уладских (ульстерских) королей в Эмайн-Махе; Айлех Нейт — следующая по времени и по значению столица Ульстера после Эмайн-Махи. От всех этих градов остались те или иные следы существования по сей день.

...два равновеликих и знатных войска. — «Полк в древней Ирландии состоял в мирное время из пятисот человек. Следовательно, число изгнанников, включая, конечно, их слуг, доходило до тысячи человек» [16, с. 294].

Туйлен — ныне Дюлен, около города Келс, к западу от Клетеха, графство Мит (Миде).

Кайрнех. — Этот святой епископ известен в традиции как современник и сподвижник святого Патрика, вместе с ним участвовавший в создании свода ирландских законов «Сенхус Мор» (438 год). Этот факт, однако, подвергался сомнению из-за неувязки во времени с событиями сказания о смерти Муйрхертаха, которые относятся к 20 или 30-м годам VI века. Кроме того, известно, что Кайрнех был родственником — кузеном — короля Муйрхертаха. По одной версии, Муйрхертах даже покинул Син по приказанию Кайрнеха [92, р. 120]. В «Книге Захватов Ирландии» и других источниках святому Кайрнеху приписывается «Пророчество», обращенное к Муйрхертаху по поводу Син. Связь между Кайрнехом и королем основана не только на их родстве: Муйрхертах, как следует из традиции, был христианин, и даже первый в Ирландии король-христианин. Интересно, что прозвище Муйрхерта-

ха — Сын Эрк — традиция иногда связывала не с его матерью, а с одним епископом из Слане, — этого епископа звали Эрк [92, р. 118].

Дети Эогана и Конала — потомки Ниалла.

Тогда Кайрнех... проклял дом... — Это проклятие стоит в ряду известных в традиции проклятий, которыми ирландские «князья церкви» наделили и привели в конечном счете к гибели некоторых выдающихся королей (см. историю «Как была проклята Тара»). Ранее такому же проклятию был подвергнут со стороны святого Патрика верховный король Лугайд, непосредственный предшественник Муйрхертаха: за то, что Лугайд не согласился с ним, «Патрик проклял его, а также проклял его королеву, то есть Айлин, дочь короля Мунстера; так что с тех пор у Тары было несчастье на королей, а также не было удачи с собаками. И Лугайд, сын Лоэгайре, умер вследствие проклятия Патрика, а именно удар молнии с неба сразил его насмерть за то, что он отверг Патрика» [92]. Обращает на себя внимание в этом проклятии «несчастье на королей»: это может иметь прямое отношение к судьбе Муйрхертаха. Клетехский дом после проклятия Кайрнеха и смерти Муйрхертаха, как уже было сказано, был покинут королями. Вероятно, в несохранившихся древнейших версиях этого сказания место «Проклятия Кайрнеха» занимало его «Пророчество», в котором он предсказал Муйрхертаху его роковой конец.

...сделал могилу для короля... — Этот обряд, конечно, целиком языческий — как и обряд заключения договора посредством смешивания крови участников, о котором говорится ниже. Кайрнех вырыл символическую могилу, что, в принципе, похоже на действие, относящееся к черной магии.

Не слабыми были его походы. — Кроме многих сражений, которые Муйрхертах провел в Ирландии, особенно против лейнстерцев, которых он принудил вновь к уплате их традиционной дани верховным королям, совершил походы в Британию и Скандинавию, о чем говорит далее в своей «исповеди» посланцам Кайрнеха. Его правление, согласно хроникам, длилось 24 года.

...и прозвонил в свой колокол... — Колокола — неотъемлемые участники процедуры проклятия (см. об этом и в сказании «Как была проклята Тара»). Фраза: «и прозвонил об этом в свой колокол» восстановлена по другому источнику [92, р. 122], так как в нашем источнике следует нелогичное: «...и благословил тамошнее место».

Айлех, Тара и Ульстер — два стольных града и северная область в целом. Айлех — вторая после Эмайн-Махи столица Ульстера. «Установление королевской власти в Айлехе, на территории уладов, самостоятельность и могущество которых были повержены, явилось важным событием ирландской истории. Свою власть утвердили здесь три сына Ниалла Девяти Заложников: Эоган, Конал и Энда, которые и основали династию северных Уи Нейлов. В Айлехе, в частности, утвердился Эоган, который, по сообщению анналов, правил там сорок лет» и основал в нем королевскую династию [52, с. 271]. Айлех (Нейт, Грианан Айлех) после падения в IV веке Эмайн-Махи (см. сказание «Эмайн-Маха») был главным городом Севера страны и потому считался важной частью наследия потомков Ниалла, которые действительно владели Ирландией до XI века.

...три знамени, а именно Катах, Колокол Патрика и Книга Кайрнеха... — Из трех этих святынь Катах, видимо, действительно боевое

знамя; Колокол Патрика сохранился по сей день в Дублинском музее; а от Книги Кайрнеха, церковного календаря, остался футляр [16, с. 295].

Потомки Тадга, сына Киана, внука Айлиля Голое Ухо — род королей Мунстера, происходящий от короля Айлиля Голое Ухо (см. примечание к «Приключению Арта, сына Конна»). После того, как благодаря Син родичи Муйрхертахы стали ему врагами, мунстерцы, заключив с ним мир, обосновались в Клетехском доме и стали его стражами именно против потомков Ниалла.

...она была богиней с великой властью... — У В. Стоукса Син — «прекрасная ведьма»; у А. А. Смирнова Син — «сверхъестественное существо, род феи, «сида» [57].

Я верую в того же истинного Бога... — В ирландской традиции христианами предстают и сиды из Племени Богини Дану. Например, в сказании «Воспитание в Домах Двух Чаш» читаем: «Скажи, есть ли еще Бог над нашими богами?»— спросил тогда Энгус.— «Воистину да, — отвечал Мананнан, — и это единый Господь всевластный...» [52, с. 90].

...из рода Адама и Евы. — Это фраза вовсе не является решающим доказательством в пользу человеческой природы Син. Можно отметить, например, что «если бы Син была действительно из рода Адама, не было бы необходимости сообщать об этом», а с другой стороны, «возможно было представление, что при всех своих чудесных свойствах сиды все же — из рода Адама» [57, с. 154]. В любом случае ни речь Син, ни текст сказания в целом, не позволяют решить этот вопрос однозначно.

...я могла бы сделать... — Речь и последующие дела Син заставляют вспомнить такие характеристики дьявола в христианской традиции, как «обезьяна Бога» и «отец лжи». Однако надо иметь в виду, что, согласно «Молоту ведьм», чарами порождаются не только галлюцинации, и «ведьмы способны создавать несовершенных тварей» [13].

Вино из Бойны и свиньи из папоротников. — «Волшебная свинья и вино, которые создает Син, находят полную аналогию в волшебной свинье и пиве, которыми сиды — Племя Богини Дану — питаются в своих волшебных холмах» [57, с. 157]. Речь идет о возрождающихся после заклания «свиньях Мананнана» и некоей амброзии под названием «пир Гоибниу», отвращающей смерть и старость. Однако чудесные дары Син приводят к прямо противоположным последствиям для вкушающих их. Вообще же о демоническом «творчестве» и его отличии от подлинного (Божественного) творения см. [13; 32].

...сделала... голубых людей, а других — с козлиными головами... — Ср. это с эпизодом в «Похищении быка из Куальнге», где говорится о Кухулине: «И испустили крик вокруг него демоны козловидные и бледноликие, духи долин и воздуха, ибо племя богини Дану всегда поднимало крик вокруг Кухулина...» [16]. А. Смирнов считал, что Син в данном случае вызвала подобных демонов.

Масан, Касан и Кридан — монахи, служившие под началом Кайрнеха.

...покуда он рубил камни, дерн и стебли... — Вероятно, будет уместным привести по поводу этого эпизода следующее замечание: «Можно подумать, что в феях и эльфах поэт-народ выразил идею обмана чувств» [48, с. 59].

...идолопоклонницы, творящей волшебство. — Так монахи могли именовать не только чародейку в узком смысле слова, но и фею-сиду. В сказании «Воспитание в Домах Двух Чаш» святой Патрик говорит Энгусу из Племени Богини Дану как язычнику: «Почитай истинного великого Бога и отринь пустых богов...» [52, с. 99]; хотя, впрочем, в том же сказании «дети Дану» предстают верующими в истинного Бога, по крайней мере, их король Мананнан.

Без головы героя... — См. примечания к «Приключению Арта, сына Конна» и «Заботе о Конале Кернахе».

Лорн — дед Муйрхертаха по матери, король Альбы. Лорн (Лоарн) вместе с братьями Энгусом и Фергусом пришел в Альбу в 470 году из Ульстера, точнее, с земли племени Дал Риада, откуда в основном и происходило заселение Альбы скоттами. Из традиции известно, и речь Муйрхертаха подтверждает это, что Муйрхертах сам погубил своего деда, а именно — сжег его в его же доме. Это было одним из «подвигов» Муйрхертаха, предопределивших, кажется, его собственную трагическую смерть.

Ср. также участь короля Диармайда, сына Кербалла, из сказания «Как была проклята Тара». Тогда святой Киаран предсказал, что Диармайд умрет точно так же — будет ранен, утоплен и сожжен. Впоследствии, уже после событий, описанных в сказании, Диармайд оказался в горящем доме, попытался спастись от огня и полез в чан с пивом, а потолочная балка в эту минуту упала и ударила его по голове. Так он и умер [54, с. 382, 384].

Даны — датчане, а в данном случае, возможно, жители Скандинавии в целом.

...по правую руку своей женщины. — Можно заметить, что ранее Син была по правую руку короля, потом они поменялись местами. Это соответствует смыслу и ходу событий.

...канун среды после Самайна. — События, описанные в саге «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк», происходят в течение семи дней, причем кульминация падает именно на канун Самайна, «времени бед и заблуждений». Можно предположить, что в канун Самайна, то есть под 1 ноября, произошла встреча с девушкой. Однако в одной из хроник говорится, что в ночь на Самайн произошла гибель короля. Как бы то ни было, все действие сказания развивается под знаком Самайна, так как он праздновался семь дней: три дня перед Самайном, Самайн и еще три дня после Самайна. Самайн (позднее — Хеллоуин) по кельтскому календарю начало зимы; и можно подумать, что Син с ее характерными именами — олицетворенная зима, потому ей подвластна снежная буря. Однако главным для Самайна было то, что «в эту ночь открывались сиды и их обитатели выходили наружу, причем в куда более реальном смысле, чем в иные ночи» [54, с. 100].

...с северо-запада. — «На северо-западе от Ирландии, на острове Тори, построили свою башню Конан и Морк, вожди фоморов, темных богов ирландской мифологии» [57, с. 155], и указание в тексте на то, что снежная буря пришла именно с северо-запада, скорее всего должно вызывать подобные ассоциации.

...не было и той силы, что у женщины в родах. — См. сказание «Недуг уладов» [16]. Слабость, напавшая на Муйрхертаха и его воинов, обусловлена другими причинами, однако ее «автор» в обоих случаях — женщина, имеющая власть определенного рода.

— *Зачем говоришь мое имя, о человек...* — Муйрхертах, произнеся слово «Буря», которое и было именем Син, нарушил зарок, возложенный ею на него при первой встрече. Видимо, этот зарок был не просто условием, выставленным девушкой, — он был гейсом. В ирландской традиции «нарушение гейсов — верный знак приближающейся смерти» [54, с. 374]. А. Смирнов считал, что Син вызвала снежную бурю именно для того, чтобы король, упомянув о «буре», нарушил гейс [16, с. 295].

Туатал Майльгарб — Туатал Круглоголовый. Как указано в его «родословной», он тоже происходил от Ниалла Девяти Заложников, был его потомком. Согласно хроникам, он взшел на престол в 534 году, почти сразу после гибели Муйрхертаха. Есть некоторые основания подозревать его причастность к этой гибели, так как Муйрхертах все время ожидает нападения с его стороны. О Туатале известно, что после одиннадцатилетнего правления он был убит в 544 году и ничего примечательного в его время не произошло [92, p. 122].

...и гриф пал вместе с ним. — Если эта птица Син, то возможно такое предположение: «В древней версии (не дошедшей до нас) Син, несомненно, погибала в огне вместе с королем. На это совершенно ясно указывает пророческий сон короля» [57, с. 157—158]. Из некоторых слов девушки и ее смерти вслед за королем явствует, что она любила Муйрхертаха.

...услышали треск горящего дома... — В переводе А. А. Смирнова дом загла Син, однако в источнике никакого указания на это нет: дом загорелся как бы самопроизвольно.

...отмщние на тебе за битву при Гранарде. — Битва при Гранарде произошла в 492 или 497 году в королевстве Лейнстер, на территории нынешнего графства Киллар. В этой битве — одной из тех, что провел Муйрхертах, вновь подчиняя Таре Лейнстер, — он нанес поражение своему родичу Туаталу.

...сохранило от сожжения остальное его тело. — Такова «тройная смерть» короля: от огня, «воды» (вина) и смертельной раны, так как «огонь, упавший на его голову», — это, по всей видимости, обрушившаяся балка, как случилось потом и с королем Диармайдом, сыном Кербалла. В одном источнике, у поэта X века Кинаеда уа Артакайна, говорится, вместо балки, о копье. Возможно, это сведение из несохранившейся версии сказания. «Тройная смерть», какой она изображена в традиции у Муйрхертаха и у Диармайда, явно имеет важную смысловую нагрузку. Уже отмечено, что «в одном старом ирландском гимне, приписываемом святому Патрику, при перечислении бед, против которых испрашивается помощь Божия, встречается триада: „против огня, потопления и смертельной раны“ [57, с. 153]. Было предположение, что в сказаниях о подобных насильственных смертях скрывается «воспоминание» о ритуальном убийстве короля, «когда иссякает его (мужская) сила или когда заканчивается ограниченный заранее срок его правления» [54, с. 390]. От этого предположения пошли дальше и в глубь веков: «Ритуальное убийство в ночь Самайна исчерпавших свою силу королей, в частности насильственная, втройне трагическая смерть короля Муйрхертаха... заставляет вспомнить средневековый комментарий к тексту Лукана (о различных способах человеческих жертвоприношений у галлов трем их божествам.— С. Ш.). ...Человека, посвященного в жертву Тевтатесу, топили в бочке, Езусу — вешали на дереве, Таранису — сжигали в деревянном чане» [63, с. 280]. Мотив «тройной

смерти», конечно, характерен для кельтской традиции. Однако вряд ли в случае Муйрхертаха можно говорить о каком бы то ни было ритуальном убийстве. Хотя, с другой стороны, если рассматривать Син как некоего суккуба, такое предположение кажется резонным. В «Пророчестве» епископа Кайрнеха говорилось:

*Не люби женщину, чье имя есть Син,
Ради которой огонь сожжет короля,
В Клетехском доме вино утопит его.*

[92, p. 121]

Угайне Великий — легендарный король из весьма далекого прошлого Ирландии: он жил, по преданию, в VI веке до н. э., то есть за тысячу лет до Муйрхертаха. Этот король был воспитанником Махи, основательницы столицы Ульстера (см. сказание «Эмайн-Маха» и примечания).

...умерла от горя по своему мужу. — Подобные смерти (вероятно, от разрыва сердца) встречаются в ирландской традиции как у женщин, так и у мужчин. Оказывается, что смерть Изольды в известном средневековом романе имеет множество параллелей в ранних кельтских источниках и вообще характерно «кельтская». Еще Тит Ливий заметил, что кельты — «это такое племя, коему природой даны высокий рост и великая пылкость» (*История Рима, V, 44, 4*).

Сиге, сын Диана, сына Трена... — Это значит «Победный, сын Быстрого, сына Сильного». Вполне вероятно, что это имена нечеловеческих существ: возможно, что родня Син — это сиды [57, с. 158], о чем вскользь упоминается в «Книге Захватов Ирландии» [82]: Син, дочь Сиге из чудесного холма Бреги (Брега — часть Миде).

Битва при Кербе. — Керба ныне городок Асси на реке Бойне. Об этой битве нет никаких сведений ни в других сказаниях, ни в хрониках» [16, с. 295]. «Древние роды Тары и моего отечества», о которых говорит Син, не обязательно люди. Хотя, конечно, весь финал сказания вроде бы убедительно раскрывает подоплеку действий Син — «эта любовница, которая была дикого и мечтательного нрава, потеряла своих отца, мать, сестру и других членов семьи, происходивших из древнего рода Тары, от руки Муйрхертаха в битве при Кербе; она ступила на этот путь и стала его любовницей с определенным намерением излить на него свое мщение с большей легкостью...» [92, р. 120]. И мы склонны скорее повторить, что «здесь перед нами тот же принцип, который лежит в основе других повестей, — женщина, хоть и в облике смертного существа, по сути своей обитательница Иного мира» [54, с. 315].

Западный Мир — поэтическое название Ирландии.

Тигернах, Киаран, Мохта — епископ Тигернах, аббат Киаран (известный в традиции святой) и епископ Мохта, — эти «люди церкви» жили в конце V — первой половине VI века. Нужно думать, что история Муйрхертаха получила большой отклик в церковных кругах.

ИСТОРИИ О МОНГАНЕ

I. РОЖДЕНИЕ МОНГАНА

иахна Лурга, отец Монгана, был единственным королем области. У него был друг в Шотландии, по имени Аэдан, сын Габрана. Пришло послание от него к Аэдану. Пришло послание от Аэдана к нему с просьбой придти к нему на помощь. Он вел войну против саксов. Те выставили громадного воина, чтобы добиться смерти Аэдана в битве. Итак, Фиахна отправился туда, оставив свою королеву дома.

В то время как полки сражались в Шотландии, человек, знатный обликом, явился к его жене в его крепость Ратмор на Маг Лине. Пришелец попросил женщину устроить ложе для встречи. Женщина сказала, что в мире нет владений или сокровищ, за которые она сделала бы что-нибудь, позорящее честь ее мужа. Он спросил ее, сделает ли она это, чтобы спасти

жизнь ее мужа. Она сказала, что, если бы она увидела его в опасности или затруднении, она помогла бы ему всем, что в ее силах. Он сказал, что тогда она должна сделать это, «ибо твой муж в великой опасности. Громадный человек выставлен против него, и он погибнет от его руки. Если мы, ты и я, сделаем любовь, ты родишь через это сына. Этот сын будет прославлен; он будет Монганом. Я пойду в битву, которая разразится завтра в третьем часу, я спасу Фиахну и повергну воина на глазах людей Шотландии. И я расскажу твоему мужу о нашем приключении и том, что это ты послала меня к нему на помощь».

Так и было сделано. Когда войско выстроилось против войска, полки увидели человека, знатного обликом, впереди войска Аздана и Фиахны. Он направился к Фиахне и передал ему беседу с его женой днем прежде и то, что он обещал придти к нему на помощь в этот час. Затем он вышел перед войском к другому войску и поверг врагов, так что Аздан и Фиахна выиграли сражение.

И Фиахна вернулся в свою страну; а женщина была беременна и родила сына — Монгана, сына Фиахны. И он благодарил свою жену за то, что она сделала для него, а она поведала все свои приключения. Так что этот Монган — сын Мананнана Мак Лира, хотя он назван Монганом, сыном Фиахны. Ибо, когда пришелец ушел от нее наутро, он оставил с матерью Монгана четверостишие, гласящее:

*Я иду домой,
Бледное чистое утро близится;
Мананнан, сын Лира, —
Имя того, кто к тебе приходил.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты этих двух небольших сказаний о Монгане содержатся в «Книге Бурой Коровы» (около 1100 года). На русский язык они переводятся впервые. Перевод выполнен по изданию: *Ancient Irish Tales / Ed. by T. P. Cross and C. H. Slover. New York: Barnes & Noble, 1969*. Приведенные нами сказания — не единственные, посвященные Монгану; тексты о нем сформировались уже в VII—VIII веках). Во всяком случае, «многие рассматривают Монгана, равно как и Мананнана, в качестве божества, подобного Адонису, которое имеет много общего с Энгусом Бругским» [67, p. 546].

Монган — сын Фиахны Лурга, загадочная личность конца VI — начала VII века: с одной стороны, это король, правивший восточной частью Улада, королевства на севере Ирландии; с другой стороны, он сам заявлял, что он не тот, за кого его принимали люди, не сын короля Фиахны, а сын бога Мананнана Мак Лира и к тому же воплощение знаменитого героя III века Финна; в свидетели он призывал из могилы известного фения по имени Кайлте, который подтверждал его слова. Приводимые здесь два сказания о Монгане и повествуют о том, что Монган — сын земной женщины, жены короля Фиахны, и Мананнана, а также то, что он — сам Финн Мак Кумал. В сказании «Плавание Брана», созданном примерно в то же время, что и «истории о Монгане» (VIII век), Мананнан, встретив на море Брана, рассказывает тому, что ему, Мананнани, суждено придти в Ирландию и оставить там необыкновенного потомка, который описывается как получеловек-полубожество [16]. Подобные Монгану герои, плоды любовной связи женщины с божеством — инкубом, знамениты в кельтской традиции: среди них и главный герой уладского цикла

Кухулин, и британский чародей-пророк Мирддин (Мерлин). Согласно ирландским, и вообще кельтским, представлениям, рождающийся таким образом сын есть личное возрождение бога, своего отца. Известно, что Монган был взят Мананнаном с собой, вырос в Обетованной Стране и лишь через 16 лет вернулся в Ирландию, где женился. «Монган, венец поколений», был сражен фениями (воинами-охотниками) Шотландии в 625 году.

Фиакна Лурга — сын Баэдана, приемный отец Монгана, король.

Шотландия — земля скоттов. Скоттами в Средние века называли кельтов Ирландии. Ирландцы-скотты заселяли северную часть Британии (Альбу, или Каледонию) постепенно, в течение первых веков. В V—VI веках Ирландию уже называли Великой, а Шотландию — Малой Скоттией [80]. Кельты Ирландии и Шотландии (более древнее их наименование — гойделы или гэлы) были изначально единым народом с общим культурным запасом и языком. Остальная часть Британии до прихода германцев была заселена кельтами иной языковой ветви — бриттами, предками нынешних коренных жителей Уэльса и Корнуолла.

Аздан, сын Габрана. — Власть ирландских королей в Шотландии изначально была основана Фергусом, сыном Эрка, который прибыл с двумя своими братьями, Лоарном и Энгусом, из Дал Риада, северо-восточной оконечности Улада, около 470 года. Аздан, сын Габрана, правнук Фергуса, был тем, кто утвердил власть королей Дал Риада в Шотландии. Он находился в дружеских отношениях со святым Колумбой, который короновал его королем Дал Риада, и в его правление, в 575 году, тот же святой помог на собрании в Друйм Кеат урегулировать

вать отношения между Дал Риادا в Шотландии и Ирландии. Про Аздана сообщается, что он был братом лейнстерского короля Брандуба и настоящим его отцом был не Габран, а Эохайд [80]. Аздан погиб в 606 году.

Саксы. — В V—VI веках происходило переселение в Британию большой массы германских племен (англы, саксы, юты), которые образовали здесь свои королевства, несмотря на ожесточенное сопротивление хозяев Британии — кельтов. Кельты сохранили за собой лишь Шотландию, Уэльс и Корнуолл. В качестве главного героя событий той эпохи возникла фигура легендарного короля кельтов — короля Артура.

Ратмор на Маг Лине — крепость и королевская резиденция в северной Ирландии, нынешнее графство Антрим. Маг Лине — ныне равнина Мойлинни. Ратмор (большая крепость), по преданию, был возведен Байне, супругой короля Туатала Тхтмара, деда знаменитого Конна Ста Битв.

...поведала все свои приключения. — Существует другая версия этого сказания, где Мананнан в облики «знатного мужа» появляется на поле боя и спасает короля Фиахну от гибели, а после этого требует у него разрешения провести ночь с его женой. Когда Фиахне пришлось согласиться, Мананнан принял его, Фиахны, облик и переспал с королевой [54]. Этот мотив встречается и в истории зачатия знаменитого бриттского короля Артура: там отец Артура, король Утер, является к полюбившейся ему Ингерне в облике ее законного мужа, Горлоя. Этот облик он приобрел, благодаря чарам и снадобьям Мерлина [7].

Имя того, кто к тебе приходил. — В развернутой версии этого сказания, когда Монгану исполнилось три дня и три ночи, Мананнан явился и унес его в свою Обетованную Страну, где мальчик воспитывался до двенадцати лет [54, с. 252].

ИСТОРИИ О МОНГАНЕ.

II. МОНГАН И ФОРГАЛЛ-ПОЭТ

онган был в Ратморе на Маг Лине в своем королевстве. К нему пришел Форгалл-поэт. Многие супружеские пары жаловались на него Монгану. Каждую ночь поэт должен был рассказывать Монгану историю. Так велик был его запас, что они длились от Самайна до Майского дня. Он получал дары и пищу от Монгана.

Однажды Монган спросил своего поэта, какова была смерть Фотада Айргдеха. Форгалл сказал, что он был убит при Дуффри в Лейнстере. Монган сказал, что это неверно. Поэт сказал, что высмеет его своими песнями поношения, и высмеет его отца и его мать и его деда, и напоет чары на их воды, так что рыба не будет ловиться в устьях их рек. Он напоет на их леса, так что они не дадут плодов, на их долины, так что они

будут бесплодны навсегда для любого произрастания. Монган пообещал ему на выбор драгоценности стоимостью до семи наложниц, или дважды семи наложниц, или трижды семи. Напоследок он предложил ему одну треть, или половину своей земли, или всю свою землю; наконец, что угодно, исключая только свою собственную свободу и свободу своей жены Бреотигерн, если выкупит их до исхода трех дней. Поэт отказывался от всего, только смотрел на женщину. Ради своей чести Монган согласился. Оттого женщина стала скорбной. Слезы не упало с ее щеки. Монган сказал ей, чтоб она не скорбела, помощь непременно придет к ним.

Так шло до третьего дня. Поэт начал требовать свой долг. Монган сказал ему, чтоб подождал до вечера. Он и его жена были в своем покое. Женщина плакала, так как отдача ее приближалась, а она не видела помощи. Монган сказал: «Не будь скорбной, женщина. Я слышу в Лабринне шаги того, кто сейчас идет к нам на помощь».

Они подождали немного. Снова женщина заплакала. «Не плачь, женщина! Тот, кто сейчас идет к нам на помощь, я слышу его шаги в Майне». Так они ожидали между каждыми двумя стражами дня. Она принималась плакать, а он по-прежнему говорил: «Не плачь, женщина. Тот, кто сейчас идет к нам на помощь, я слышу его шаги в Лауне, в Лох Леане, на Реке Утренней Звезды между Уи Фидгенте и Арада, в Суире на Маг Фемен в Мунстере, в Эхуире, в Барроу, в Лиффи, на Бойне, в Ди, в Туартеск, на Лох Карлингфорд, в Ниде, на реке Ньюри, на Ларне — реке перед Ратмором».

Когда к ним пришла ночь, Монган был на своем ложе во дворце, а его жена по его правую руку, и она скорбела. Поэт

взывал к ним их клятвами и ручательствами. Покуда они были там, объявился человек, приближавшийся к ограде с юга. Его плащ был обернут вокруг него, и древко от копья без наконечника в его руке было не маленьким. С помощью этого древка он перескочил через три вала, так что приземлился в середине крепости, потом в середине дворца, оттуда между Монганом и стеной на его подушку. Поэт был в задней части дома, за спиной короля. Вопрос стал решаться в доме перед воином, который пришел.

«В чем здесь дело?» — спросил он.

«Я и вон тот поэт, — ответил Монган, — сделали ставки о смерти Фотада Айргдеха. Он сказал, что это было при Дуффри в Лейнстере; я сказал, что это неверно». Воин сказал, что поэт был не прав.

«Это будет доказано. Мы были с тобою, Финн», — сказал воин.

«Тише! — сказал Монган. — Это не по чести».

«Итак, мы были с Финном, — сказал тот. — Мы пришли из Шотландии. Мы встретились с Фотадом Айргдехом вон там, на Ларне-реке. Мы там сразились. Я сделал в него бросок, так что копье прошло сквозь него и вошло за ним в землю и оставило в земле свой железный наконечник. Вот древко, что было у того копья. Голый камень, от которого я сделал тот бросок, найдется, и железный наконечник найдется в земле, и могила Фотада Айргдеха найдется немного к востоку отсюда. Есть там на ней в земле каменная плита. Там, на плите, два его серебряных обруча, и два его ручных кольца, и его серебряное шейное ожерелье. И там у его могилы есть каменный столб. И на конце столба, что в земле, есть надпись на огаме. Вот что она гласит:

«Сей есть Эохайд Айргдех. Кайлте сразил меня в схватке с Финном».

Они пошли с воином. Так все стало явным. Это был Кайлте, приемный сын Финна, что приходил к ним. Монган, однако, был Финном, хотя не позволял об этом говорить.

ПРИМЕЧАНИЯ

В подлиннике из «Книги Бурой Коровы» сказание озаглавлено так: «История, из которой следует, что Монган был Финном Мак Кумалом».

Форгалл-поэт — самый известный поэт-филид Ирландии конца VI — начала VII века, глава поэтов страны. Его полное имя — Эохайд Даллан Форгалл. Он потерял зрение в ученых трудах. Отсюда его прозвище Даллан («слепой»). Больше всего Форгалл прославился своей похвалой, посвященной святому Колумкилле, который заступился за поэтов-филидов перед церковным Синодом, когда им грозило изгнание из страны. Эта хвалебная песнь святому помещена в том же рукописном сборнике («Книга Бурой Коровы»), что и сказание о Форгалле и Монгане, которое мы приводим. После того как был погашен конфликт между «людьми церкви» и поэтами-филидами, Даллан Форгалл возглавил сословие поэтов. Филиды были поэтами-мудрецами, знатоками старины, наследниками друидической культуры. «Обучение поэтов было долгим и в основном заключалось в заучивании наизусть сотен повестей, „дабы исполнять их потом надлежащим образом перед королями и иными благородными людьми“» [54, с. 17].

...от Самайна до Майского дня. — То есть с 1 ноября до 1 мая. Самайн, или Самхейн (он же День поминовения усопших, День всех

святых, Хеллоуин), начинал собою зиму у кельтов; изначально ночь под Самайн была праздником общения людей с существами из Иного Мира. А Майский день, Бельтан, начинал собою лето и был посвящен солнечному божеству — Белу («сияние») или Беленусу. Между двумя этими датами и проходил кельтский год. Из других праздников назовем 1 февраля, день богини Бригиты, знаменующий весну, и 1 августа, Лугназад, или Ламмас, посвященный богу Лугу, праздник урожая. В зимнее время, «от Самайна до Бельтана», у кельтов традиционно исполнялись и слушались повести подобные тем, что рассказывал Форгалл Монгану.

Фотад Айргдех — сын Мак Кона, одно из действующих лиц эпохи Финна Мак Кумала (III век), его противник. Фотад на пару со своим братом узурпировал власть в Ирландии и правил вместе с ним один год, затем стал братоубийцей, враждовал с фениями и, наконец, был убит в сражении с ними [80]. В некоторых текстах Фотад Айргдех наделен демоническими чертами и именами вроде Сильный бог, Красный и т. п. Считается, что он был убит фениями на Маг Лине в битве при Олларба.

Лейнстер — королевство на востоке Ирландии. **Дуффри** — местность в этом королевстве.

Монган сказал, что это неверно. — В последующем столкновении Монгана с Форгаллом главное значение имела традиция, согласно которой, во-первых, «верховный поэт Ирландии („оллам«) перед лицом закона был равен королю» [54, с. 18]; среди тех, кому дозволено говорить «вместо» или «за» короля, первое место занимал поэт с поношением или хвалой; во-вторых, как записано в тех же «Триадах» —

сборнике древнеирландских изречений на основе устоявшихся обычаев, есть «три звания, которые губят племена своей ложью: лживый король, лживый знаток старины, лживый судья» [87, S. 23, 33]. Таким образом, ни королю Монгану, ни поэту Форгаллу — знатоку старины — в равной мере нельзя оказаться неправым в каком бы то ни было суждении, в том числе о том, где и как произошла смерть Фотада Айргдеха.

Что касается короля, то «правое суждение» входит в так называемую «правду короля», от которой зависит благоденствие страны. Известно, что однажды от неправого суждения короля, отца Фотада, Лугайда Мак Кона, по довольно ничтожному поводу одна половина королевского дома в Таре рухнула на другую. «Ровно год с той поры был он королем Тары, и все то время не росла трава на земле, листья на деревьях и зерно в поле» [52, с. 160].

Песни поношения. — Поэты-филиды обладали большим могуществом, поскольку не только знали прошлое, но могли управлять настоящим: их хвалебная песнь утверждала, а песнь поношения низвергала и даже физически безобразила то или иное лицо. Песни поношения были страшным оружием филидов: спев их, филид «рушил» честь своей жертвы. Вот почему филиды пользовались дарами и внушали страх. «Один из поэтов — Фланд, сын Лонана, получил даже прозвище „сын дьявола“ за то, что разбогател, постоянно угрожая ирландцам своими сатирами» [52, с. 15]. Перед нами — история подобного шантажа, против которого бессилен даже «сын Мананнана» Монган. Очевидно, филид мог и «напеть» на воды, леса и долины, чтобы сделать их бесплодными; вот почему шантаж Форгалла оказывается действенным. «Хотя сочинять поношения дозволялось всем поэтам, поэта-хулителя относили к числу „злых людей и сынов смерти“ — безумцев, шутов,

изгоев, язычников, шлюх, — которые участвуют в пирах демонов» [54, с. 143].

Лабринне — Лабринне и последующие географические названия обозначают путь, которым идет ожидаемая Монганом помощь: с юга Ирландии (королевство Мунстер) на север (королевство Улад). Именно на юге Ирландии, точнее, у побережья западного Мунстера располагалась ирландская «страна мертвых» — так называемый Дом Донна. Оттуда на помощь Монгану и приходит Кайлте. Этот Дом Донна связывался с одним скалистым островком у графства Корк.

Огам — письменность древних кельтов, которая, по преданию, изобретена богом Огме из Племени Богини Дану. Огам «был тайною друидов, которые использовали его в целях пророческих в той же мере, как и для письма» [79, р. 187]. Одна из версий происхождения огама такова: его символы происходят от тайных знаков пальцев рук, которыми обменивались между собой друиды. Огам использовался для записи заклинаний и вообще как тайнопись, даже после прихода, вместе с христианской культурой, латиницы. Не все понятно в истории и сущности огама. В сказании «Воспитание в Домах Двух Чаш» Мананнан говорит загадочную фразу: «...Покуда не станут снова одним огам и аху, земля и небо, солнце и луна», которую можно понять так: «Покуда два Письма (Земли и Неба) не сольются» [52, с. 90]. Сохранилось довольно много надписей на огаме, в том числе надгробных, на памятных столбах. Большинство этих надписей обнаружено в Ирландии и Уэльсе; они относятся к V—VI векам. Огамический алфавит состоял из набора прямых и наклонных черточек и точек, расположенных поперек прямой линии, которая называлась «ветвью». Всего в

нем было двадцать основных и пять дополнительных «букв», каждая из которых носила название определенного дерева [26].

Эохайд Айргдех — другое имя Фотада Айргдеха.

Кайлте — Кайлте Мак Ронайн, один из дружинников Финна Мак Кумала, фениев, его приемный сын или, по другим версиям, племянник. Кайлте, подобно Ойсину, был поэтом фениев; например, ему приписывают две поэмы в составе рукописного свода «Лейнстерская Книга» (середина XII века). По преданию, он, как и Ойсин, пережил свое время и вместе с Ойсином донес историю Финна и его Фианны до святого Патрика и дальше. В данном сказании Монган оказывается Финном, почему Кайлте и приходит к нему на помощь в затруднительном положении. Не случайно именно Кайлте преодолевает всю Ирландию с юга на север за какой-то день: в традиции он знаменит быстротой своих ног. С Кайлте мы встречались в сказании «Финн и призраки». К Монгану он приходит не откуда-нибудь, а из «страны мертвых», из Дома Донна.

Монган, однако, был Финном... — Вера в перевоплощение искони присуща всей кельтской культуре, так что в этом утверждении для ирландцев не было ничего абсурдного. Веру в перевоплощение кельтские друиды разделяли вместе с индийскими брахманами и греческими пифагорейцами еще в I тысячелетии до н. э. Однако почему традиция связала именно этих двух людей — Финна и Монгана, — можно только гадать. Кроме того, что «Монган был Финном», известно, что согласно традиции, он мог принимать любые обличья: об этом упоминается в сказании «Сора двух свинопасов», а особенно подробно — в предсказании Мананнана при встрече его с Браном на море:

Он будет в образе всякого зверя,
И на лазурном море и на земле,
...драконом... волком... оленем... лососем... тюленем... лебедем...

[66, p. 140]

ГЛАМ ВИЦИН

айре, то есть «короткая жизнь», как в песне поношения, которую поэт Нейде, сын Адны, сына Гутора, сочинил на короля Коннахта, брата своего отца, а именно на Кайера, сына Гутора; ибо Кайер принял Нейде как своего сына, из-за того что не имел собственных сыновей.

Жена Кайера восчувствовала преступную страсть к Нейде и, чтобы притянуть его любовь, предложила ему шар из серебра. Нейде не принял его и не соглашался на ее предложения до тех пор, пока она не предложила сделать его королем Коннахта после его дяди Кайера. «Как ты можешь совершить это?» — сказал Нейде. «Это не трудно, — сказала она, — сделай на него песнь поношения, чтобы она произвела на нем порчу, а ты знаешь, что человек с порчею не может удерживать королевскую власть».

«Не легко для меня сделать то, что ты советуешь, — сказал Нейде, — так как этот человек не отказал бы мне ни в чем, ибо нет в его владении ничего такого, чего он мне не отдаст». — «Я знаю, — сказала женщина, — одну вещь, которую он тебе не отдаст, а именно нож, который был ему подарен в стране Альба, и его он тебе не отдаст, поскольку ему воспрещено передавать его от себя». Нейде пошел тогда и попросил у Кайера нож. «Увы и ах, — сказал Кайер, — мне воспрещено передавать его от себя». Нейде сочинил тогда глам дицин, или скороспелую песнь поношения, на него, и немедленно на его щеке появились три волдыря. Песнь поношения была такова:

*Зло, смерть и короткую жизнь Кайеру;
Пусть копья битвы поразят Кайера;
Отвергнут землю и почвой Кайер;
Под насыпями и валунами лежат Кайеру.*

Ранним утром Кайер пошел к источнику умыться и, проведя руками по своему лицу, обнаружил на нем три волдыря, которые вызвала песнь поношения, а именно: волдыри «позора», «порчи» и «изъяна» — малинового, зеленого и белого цвета. Обнаружив свое несчастье, он немедленно убежал, дабы ни один из тех, кто знал его, не увидел его позора; и он не останавливался, пока не достиг Дун Кеармна, жилища Кахера, сына Эйдирсгула, главы той округи; там он был хорошо принят, как чужеземец, хотя достоинство его не было известно. Нейде, поноситель, тогда присвоил владычество над Коннахтом и продолжал править им в течение года.

Год попользовавшись своим дурно приобретенным положением, Нейде начал раскаиваться в том, что несправедливо

причинил Кайеру так много несчастья, и, обнаружив спустя какое-то время его прибежище, он решил посетить его. Он отправился, стало быть, в любимой колеснице Кайера и сопровождаемый вероломной женой короля; и в должное время он прибыл к Дун Кеармна.

Когда прекрасная колесница прибыла на лужайку Дуна, ее наружность была пытливо рассмотрена Кахером и его людьми. «Хотелось бы знать, кто они», — говорил каждый. На это появился Кайер и ответил: «Это мы, которых обычно погоняли с хозяйского места, сидим на месте своего хозяина». — «Это слова короля», — сказал Кахер, сын Эйдирсгула, который не узнавал Кайера до сих пор. «Увы, не так!» — сказал Кайер; и он помчался через дом и тотчас исчез в широком валуне, который стоял позади дома, в трещине, в которой он спрятался. Нейде последовал за ним через дом, и борзая собака Кайера, которая его сопровождала, вскоре обнаружила своего хозяина в трещине валуна позади дома. Нейде приблизился к нему, но когда Кайер увидел его, он упал мертвым от стыда. Валун тогда вскипел, раскалился и лопнул при смерти Кайера, и осколок его вошел в один глаз Нейде и вбил его в голову, после чего Нейде сочинил искупительную поэму.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в «Словаре Кормака» (около 900 года), толкующем многие понятия и имена с помощью различных преданий. На русский язык оно переводится впервые. Перевод выпол-

нен по изданию: O'Curry E. *On the Manners and Customs of the Ancient Irish: A series of lectures / Ed. with an introd., app. etc. by W. K. Sullivan. London etc.: Williams a. Norgate etc., 1971. Vol. 2.*

Как и в одной из «Историй о Монгане», в основе этого повествования — конфликт между поэтом и королем, в котором главным оружием поэта-филида всегда была песнь поношения (глам дицин). Точно так же, как стих поэта мог сотворить и взрастить короля, сатира поэта могла короля уничтожить. Сатира сводила на нет «правду короля» и влекла за собой потерю лица, которая делала невозможным для него сохранить свое положение. Речь идет об «обществе, где „злая песнь“ считается оружием куда более грозным, чем меч или копье» [54, с. 381]. В сущности, глам дицин столь же непреодолим и фатален, как и гейс, наложенный кем-либо на кого-либо. Злоупотребление поэтической властью — и во второй истории о Монгане, и в данном сказании — оборачивается поистине бедой для тех, против кого этой властью злоупотребляют.

Глам дицин — песнь поношения. См. примечания к истории «Монган и Форгалл поэт».

Коннахт — королевство на западе Ирландии, одно из пяти «традиционных» королевств страны.

...преступную страсть к Нейде... — Различные варианты подобных «треугольников», которые образуются по инициативе женщины, можно видеть во многих кельтских сказаниях; при этом наиболее распространено «соперничество» отца и сына, дяди и племянника; племянник же есть не что иное, как приемный сын (из бриттской традиции назовем пары Марка и Тристана, Артура и Модреда).

...шар из серебра. — Несмотря на то, что подразумевается стремление женщины «купить» Нейде, этот серебряный шар имеет, можно предположить, тот же символический смысл, что и яблоко, которое женщина Иного Мира дает Конле Красному (см. «Приключение Конлы Красного»).

...не может удерживать королевскую власть. — Это общее место в ирландских сказаниях, да и вообще в кельтской традиции, из которой, например, пришел в рыцарскую литературу Средних веков образ увечного короля. «Правда короля», необходимая для блага его подданных, включала между прочим и отсутствие видимых изъянов.

...сделать то, что ты советуешь... — Затруднение Нейде вызвано тем, что поэты-филиды обладали не безграничной свободой слагать песни поношения и безобразить своих благодетелей: это допускалось только тогда, когда были нарушены их, поэтов, привилегии или отвергнуты их просьбы. В случае «произвольного» поношения и, соответственно, обезображивания, филида могли казнить; так, например, в одном из преданий «Старина мест» филид отправился к королю, «дабы поношением отомстить за свою сестру», погибшую по вине слуг короля. «Три прыща вскочило у короля на лице от его песни. Тогда повелел (король) Мейлге схватить (филида) Фафне, ибо не был он сам повинен в гибели Айге (сестры филида). И убили его на (холме) Фафайнд за поношение короля Тары...» [52, с. 220—221].

...ему воспрещено передавать его... — То есть на Кайера при дарении был наложен зарок (гейс): не передавать нож в чужие руки. Кайер оказывается в безвыходном положении: одинаково невозможно нарушить гейс и отказать филиду.

Нейде сочинил тогда глам дицин... — Согласно традиции, первую песню поношения в Ирландии исполнил филид королю еще во времена Племени Богини Дану. В тексте VIII века, повествующем о различных классах филидов и бардов, указаны семь вещей, которые вдохновляют всякую песнь поношения: тень цветущего шиповника без шипов, три периода в обращении луны, гармоническое чтение нараспев, магическое дуновение, навевающее чары, и собственно колдовство (образ жертвы, сделанный из глины, протыкается шипами) [96].

...три волдыря. — Это обычный результат действия глам дицина, или песни поношения, в ирландских сказаниях. Например, в сказании «Сватовство к Луайне и смерть Атирне» Атирне и два его сына домогались девушки под угрозой «сделать ей глам дицин»: «И все же отказалась девушка возлечь с ними. Тогда спели они ей три песни поношения, что оставили на ее лице три нарыва — Стыда, Упрека и Позора, что были черного, красного и белого цвета. Тотчас испустила Луайне дух от стыда и позора» [52, с. 216]. В песне поношения важен был, наверно, не столько конкретный смысл, сколько сам «посыл» зла.

Дун Кеармна. — Слово Дун («крепость, град») как составная часть входило в названия бесчисленных населенных пунктов по всему пространству кельтского мира. Дун Кеармна — ныне Олд Хэд Кинсале в графстве Корк (Мунстер). Таким образом, Кайер из Коннахта на западе Ирландии добрался почти до самого юга страны.

...помчался через дом... — В ирландских сказаниях многие Дома имели несколько выходов и были «сквозными». Например, «дома гостеприимства», бруйдены. Про Дом Да Дерга читаем: «Семь дверей

было в Доме...» [52, с. 112]. Возможно, что такие брудены обычно строили либо в виде моста, либо две части одного брудена разделяла река.

...сочинил искупительную поэму. — Эта поэма опущена Кормаком и всеми другими источниками.

КАК БЫЛА ПРОКЛЯТА ТИРА

Король Диармайд, чтобы сделать свое величие очевидным для подданных своего королевства, приказал слуге объехать королевство с копьём и ломать у знатных людей двери, которые он найдет так плотно затворенными, что копьё снаружи не сможет проникнуть в дом через дверную щель.

Слуга, проезжая там и сям с этим приказом, приводил его в исполнение ради прихоти короля и взламывал те двери, которые находил неудобными для такой цели, пока наконец не прибыл к дому некоего Хуга Гуайре в земле Майне в Коннахте. Там, приглашенный домочадцами войти в отсутствие Хуга, слуга сказал, что он не может ввести свое копьё как ему надобно. «Ничего, — сказали домочадцы, — мы сломаем половину двери и сделаем ее такой, что ты сможешь ввести свое копьё как пожелаешь». Так они и сделали. Слуга, сломав

дверь, вошел и пировал с ними. Вскоре после этого Хуг Гуайре подошел к замку и, видя свою дверь сломанной, спросил, кто ее сломал. Услышав, что это был королевский слуга, он в ярости вошел в дом и тотчас без промедления убил слугу; сам же направил свой бег к Руадану, аббату Лорры, который был братом его матери, думая его святостью и влиянием защитить себя от неистовства короля за убийство слуги.

Руадан послал своего племянника к королю Уэльса, своему доброжелателю и одному из тех, к кому он питал большое доверие. Ирландский король, услышав, что слугу его убил Хуг Гуайре, приказал во что бы то ни стало сыскать его. Прознав, что того послали к королю Уэльса, он написал ему, чтобы отослал его обратно, а если откажется это сделать, то он со всеми своими силами нападет на него и уничтожит его королевство и останется там, пока не найдет Хуга Гуайре. Узнав об этом, король Уэльса отослал его обратно к аббату Руадану.

Когда король Диармайд понял, что Хуга отправили назад, он собрался придти в Лорру с несколькими своими стражниками и, подъехав к воротам Лорры на своей колеснице, послал одного из людей узнать, где находится Хуг Гуайре. Человек осмотрелся и не смог никого увидеть, кроме Руадана, который восседал в своем привычном кресле, где он имел обыкновение творить молитвы; а под его ногами, или почти под ними, он приказал сделать яму, где бы находился Хуг Гуайре, о которой никто не знал, только сам Руадан и еще один человек — тот, кто носил ему мясо во время трапез. Король, видя, что его человек не принес ему известий, вошел сам, и он был уверен, что Руадан, осведомленный о месте, где находится Хуг Гуайре, не солжет, но скажет правду, как то было в его обычае.

Итак, король вошел и приветствовал его суровым приветствием из резких и обидных слов, которые не пристало говорить такому святому и добродетельному человеку. Он сказал, что к добродетелям того не относится укрывать и прятать в своем доме человека, который совершил такое дело, как убийство его слуги, исполнявшего его указания, и он молится, чтобы не было ни аббата, ни монаха, которые наследуют Руадану на его месте в Лорре. «Божьей милостью, — сказал Руадан, — аббаты и монахи здесь будут всегда, зато с этих пор не будет больше королей, живущих в Таре». Когда они так резко поговорили, король спросил, где Хуг Гуайре. «Я не знаю, где он, — сказал Руадан, — если не там, где ты стоишь», ибо тот действительно был прямо под ногами короля. Король, думая, что он говорит в насмешку, удалился, а будучи в пути, подумал про себя, что святой сказал правду и что Хуг Гуайре был под тем местом, где он стоял. И он послал одного из своих людей обратно с секирой, чтобы разрыть это место и вытащить того силой. Как только человек прибыл туда и ударил по земле секирой, его руки вдруг потеряли всю свою силу, так что не могли даже приподнять секиру от земли. Тогда он взмолился о милости и попросил у Руадана прощения и исцеления, вместе с его благословением, которые Руадан охотно дал ему, и сохранил человека с той поры при себе как монаха. Король же, видя, что он не возвращается, вошел сам и заставил разрыть яму, где он нашел Хуга Гуайре, которого увел узником в Тару.

Руадан, чувствуя себя сильно оскорбленным и лишась своего родственника, послал за другими людьми церкви и последовал за королем в Тару. Там он потребовал Хуга

Гуайре у короля, в чем тот ему решительно отказал. После ужина со своими придворными и князьями церкви, король отправился спать, и около полуночи в тяжком сне ему привиделось великое дерево, глубоко проросшее корнями в землю, чья далекая вершина и чьи ветви были так высоки и обширны, что касались облаков на небе. А вокруг дерева он увидел сто пятьдесят человек, рубивших дерево ста пятьюдесятью острыми топорами с широкими лезвиями; и когда оно было срублено и упало на землю, во время его падения сделался великий шум, пробудивший короля от сна. Вот как был разъяснен, растолкован и разгадан этот сон: великое дерево, глубоко проросшее корнями в землю, широко разросшееся ветвями и упиравшееся в самое небо, — это король, чья власть над всей Ирландией, а сто пятьдесят человек, рубивших дерево острыми топорами, были князья церкви, читавшие сто пятьдесят псалмов Давида, что подрубят его от самых корней к его гибели и обрушат навсегда. Когда настало утро, король, знать и князья церкви поднялись, и, после того как священники прочитали свои молитвы, они снова попросили короля освободить им Хуга Гуайре, в чем он решительно отказал, как и прежде. Тогда Руадан и епископ, бывший с ним, взяли свои колокольчики, имевшиеся при них, сурово позвенели ими, и прокляли короля и место, и помолились Богу, чтобы ни король, ни королева никогда после не смогли жить в Таре, чтобы она запустела навсегда, без двора или замка, что, согласно этому, и произошло. Ни сам король Диармайд, ни его наследники, короли Ирландии, никогда не могли жить в Таре со времени этого проклятия. Каждый из них выбирал себе такое место, какое на его

усмотрение было самым подходящим и удобным для проживания.

Руадан же, получив отказ, предложил выкуп в тридцать лошадей, которых король с удовольствием принял, и тогда пожаловал ему Хуга Гуайре.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в «Анналах Клонмакнойса» (Клонмакнойс — известный ирландский монастырь), переведенных на английский язык в 1627 году Конеллом Мак Геогаганом. На русском языке публикуется впервые. Перевод выполнен по изданию: *Petrie Mr. On the History and Antiquities of Tara Hill // Transactions of the Royal Irish Academy. Dublin, 1839. Vol. 18. Pt. 2.* Название текста дано нами.

После крещения Ирландии святым Патриком в V веке и образования многочисленных монастырских общин во главе с такими духовными отцами, как Руадан из Лорры, сословие клириков во многих отношениях наследовало прежним сословиям друидов и поэтов-филидов, хотя последние довольно долго сосуществовали с клириками. В различных конфликтах с королями клирики, подобно филидам, использовали грозное духовное оружие; только вместо песни поношения — проклятие. Примером тому служит история Муйрхертаха, сына Эрк, или же — история Диармайда, сына Кербалла.

Диармайд — сын Фергуса Кербалла, верховный король Ирландии, правивший с 545 по 565 год. С Диармайдом и его правлением традиция связывает, во-первых, окончательное признание верховенства Тары и разграничение пяти ирландских королевств; во-вторых, последний Праздник Тары, состоявшийся здесь незадолго до гибели короля

Диармайда; в-третьих, оставление Тары ирландскими королями и ее запустение вследствие проклятия, наложенного на это место святым Руаданом и святым Колумжилле. Диармайд — последний король, имевший резиденцию в Таре. На Праздник Тары при нем «не являлись король без королевы, благородный без супруги, увечный без спутницы, хозяин заезжего дома без жены, юноша без возлюбленной, девушка без любимого, кто ни на есть без своего ремесла» [52, с. 75]. Однажды пригласили в Тару легендарного Финтана, помнившего все, что было в Ирландии со времен Потопа, и поведал он королю и всем собравшимся, чем славно каждое из пяти королевств страны, а также установил в Уснехе, недалеко от Тары, Камень, у которого «сошлись острия» этих королевств.

Значительность правления Диармайда и известное почтение к этому верховному королю в традиции связаны, однако, с признанием его великой гордыни, которая проявилась как по отношению к подданным вообще, так и по отношению к «князьям церкви».

...сделать свое величие очевидным... — Судя по всему, король Диармайд не был кротким правителем. Известно, например, что он сжег дом некоего Фланна, сына Димы, причем тяжело раненный владелец дома, пытаясь спастись от огня, спрятался в большом чане для мытья и там погиб. Тогда один из плеяды ирландских святых — Киаран — предсказал, что Диармайд умрет точно так же — будет ранен, утоплен и сожжен; другой святой — Руадан — уточнил, что он погибнет от рухнувшей потолочной балки [54, с. 455]. Это удивительно точно соответствует участи короля Муирхертаха, сына Эрк, жившего немного раньше. Предсказания эти фатальным образом сбылись. Диармайд погиб в 565 году на Маг Лине (ныне графство Антрим на севере Ирландии), в доме своего гостеприимного хозяина.

Руадан — один из плеяды святых Ирландии, наследников Патрика — крестителя страны, живший в VI веке. Был настоятелем Лорры (Лотры) — обители, расположенной некогда у северной оконечности озера Лох Дерг, в нынешнем графстве Типперэри (Мунстер). В «Поэме о святых Ирландии», сочиненной епископом VII века Куймином, сказано: «Руадан, король Лотры, возлюбил проклятие, которое положило конец посещению (Тары). Дело, которое он возлюбил, не подверглось упреку ангелов» [70].

...приветствовал его суровым приветствием... — Отношения короля Диармайда с людьми церкви были весьма сложными и напряженными. Известно, например, что, хотя номинально Диармайд был христианином, он держал при себе друида по имени Фраехан, и друидизм в стране продолжал существовать, хотя прошло сто лет, и более, со времени прихода святого Патрика в Ирландию. Главный святой VI века, Колумкилле, поддержал против Диармайда его врагов; друид Диармайда оградил «своих» друидическими чарами; однако сила святого Колумкилле превозмогла силу друида, и король Диармайд был разбит в битве при Куйл-Дремне [92, р. 122—127]. Таким образом, Диармайд был в конфликте не только с Руаданом, но и с другими «князьями церкви» своего времени. Впрочем, когда Диармайд погиб, его голову похоронили в одном из крупнейших ирландских монастырей — Клонмакнойсе, а тело — в том месте, где он был убит. Из этого монастыря и происходит рукопись, содержащая данную историю, то есть историю проклятия Тары святым Руаданом. Замечательно, что сохранилось «изображение на одном из резных каменных крестов Клонмакнойса, где клирик в длинном одеянии и вооруженный мечом король соединяют руки в символическом акте основания обители» [52, с. 9], хотя, безусловно, этот король — не Диармайд. Для взаимоотношений Диармайда

с «князьями церкви» кажется странным тот факт, что именно к ним обратились с мольбами Диармайд и его жена Мугайн по поводу ее бесплодия, и она, силою их молитв, родила сына — Аэда Слане (см. примечание к «Обольщению Бекфолы»).

...ему привиделось великое дерево... — По традиции такие деревья привиделись нескольким верховным королям Ирландии, в частности — Арту, сыну Конна, и Катайру Великому. Во всех случаях истолкование было одинаковым: Дерево — это сам король, властвующий над страной.

...сто пятьдесят псалмов Давида... — Отношения между ирландскими клириками, с одной стороны, и королями — с другой, не сильно отличались от таковых между филидами и королями. Если у филидов главным оружием в конфликте с королями были „песни поношения“, то у клириков — проклятия. Результат произнесения и тех и других был один и тот же — крах короля. «Сто пятьдесят псалмов Давида» как острые топоры, рубящие королевское Древо, выполняют функции оружия в руках клирика и в сказании «Борома»: святой Адамнан грозит в нем королю Финнахте, что из ста пятидесяти псалмов, которые он, Адамнан, будет читать, есть один, что лишит королевской власти детей его, внуков и всех родичей, один, что укоротит его жизнь, и один, от которого вовеки не получить ему прощения Господа [52, с.190]. В том сказании святой тоже проклинает короля, в результате чего он гибнет в битве (по одной из версий, и Диармайд гибнет в результате проклятия святого Колумкилле). Причины для конфликта между клириком и королем, как и между филидом и королем, были, как правило, сугубо мирские: король чего-то «недодал» или что-то «неправо взял». Впрочем, по Диармайда известно, что святой Колумкилле проклял его в особен-

ности за то, что тот убил в Таре сына короля Коннахта, находившегося под его покровительством [96].

...никогда после не смогли жить в Таре... — Вероятно, это реальный исторический факт. Тара была заброшена и совершенно разрушилась в отместку неправого суждения короля, правившего ею: так сказано в памятнике под названием «Королевское Зерцало» — старинной исландской рукописи (XIV век). В собственно ирландском источнике — «Книге Гимнов» — есть ссылка на проклятие Руадана [92, р. 127]. Кроме того, в известных «Триадах Ирландии» сказано: «Проклятие Ирландии — Лорра», местопребывание Руадана [87, S. 3]. Нет сомнения, что имеется в виду эта самая история с проклятием Тары — столицы верховных королей страны — Руаданом из Лорры. В дальнейшем короли действительно размещали свои резиденции в других местах. Например, Домнал, сын Аэда, разместился в Дун-на-Геде, на берегу реки Бойны, хотя при этом, выстраивая крепость, старательно копировал все ее сооружения с тех, что были в Таре: «И обнес он свою крепость семью большими валами так, как было это в Великой Таре, и все строения внутри крепости расположил он так, как было это в Великой Таре» [54, с. 167—168]. Что касается самой Тары, то, как сказано в поэтических преданиях «Старина мест»:

Она была матерью богатства для всякого племени,

Пока глупое преступление не разрушило ее.

[95]

...с удовольствием принял... — Лошади всегда были предметом пылкой страсти кельтов [4, с. 51].

СУИТХЕРН И РОНАН ДЖКОЛЛА

I.

Дун Эхлайс, где была столица и дворец короля Мунстера, пришла девушка. Она зашла на людный постоялый двор и стала искать на каждой стороне помещение и постель, но никто не впустил ее, пока она не пришла к управительнице, что была там, и та ей дала до рассвета пристанище. Утром она поднялась и отправилась к дому, где жила Мор, ее сестра. А была девушка безобразна и отвратительна, ибо натерлась ржаным тестом; она носила на своем боку заостренную палку и суму из жесткой кожи, на ней был изношенный плащ из серых веревок, а на теле рубаха из грубого полотна, и вся она была мрачна и темнокожа. Она вошла в дом, где была Мор, а Мор долго вглядывалась в нее и сказала: «По совести, хоть и не ведаю, что тебе сказать, но мне кажется, я тебя знаю». — «Как ты думаешь, кто я?» —

спросила девушка. «Я подозреваю, что ты Суитхерн», — сказала Мор. «Это я, — сказала Суитхерн, — но не разглашай этого». — «Что заставило тебя сделаться такой?» — спросила Мор. И Суитхерн стала рассказывать про себя, как она покинула дом и пришла к Дун Эхлайс и что ее отец проклял ее. И Мор предложила оставить ее у себя и сказала, что та получит от нее великую честь и доброе обхождение. «Нет, — сказала девушка, — я не приму ничего, только направь мой путь. Покажи мне дорогу к столице и благородному жилищу Куана Мак Кайлкина, короля Фир Майге, лучшего из людей Ирландии по чести и великодушию, моего юного любовника и избранного мною жениха из всех людей на свете». И Мор просила и упрасивала ее, но ничего от нее не добились. И она осталась, какой была, на долгое время. Тогда с Суитхерн пошли люди, чтобы показать ей главные жилища и собрания, и она отправилась оттуда во главе своей свиты и провожающих и вышла к перекрестку четырех дорог.

II.

Случилось как-то Ронану Диколле, его жене и домочадцам беседовать о женщинах, что жили вокруг дворца, и люди из домашних сказали, что никогда не видели женщины безобразнее, чем Моэл Коирн. Тогда королева сказала Ронану: «Что могло бы тебя заставить лечь с Моэл Коирн до утра?» — «Нет ничего, ни хорошего, ни дурного, что побудило бы меня лечь с ней», — сказал Ронан. Тогда домочадцы сказали: «Честное слово, — сказали они, — Моэл Коирн — наихудшая особь из женщин мира». — «Даю мое слово, — сказал Ронан, — что я никогда не видел на лице женщины глаз прекраснее, чем у

Моэл Коирн, или таких зубов; я не видел таких ног, наконец». И королева сказала: «Ты неравнодушен к Моэл Коирн. Почему тебе не переспать с ней до утра?» — «Что ты дашь мне, если я соглашусь?» — спросил король. «У меня есть,— сказала она,— тридцать славных дворцов, и половина их будет твоей, с их принадлежностями и удобствами, а также тридцать мер красного золота, если ты ляжешь с ней». — «Дай мне поручительство за это», — сказал король. «Любые поручительства, какие пожелаешь», — сказала королева. Так они и заключили сделку. Служанка отыскала Моэл Коирн. «Этой ночью тебе спать с королем, — сказала служанка, — то есть с Ронаном, сыном Дикуйла, сына Фергуса Туйле, королем Уи Лиатайн». И она сообщила ей, как была совершена сделка, от начала и до конца. Тогда Моэл Коирн сказала служанке: «Сделай мне свет всеочищающих омовений, — сказала она, — и пусть мои волосы будут уложены „болотной ватой“, и пусть это будет сделано втайне в уединенном месте на отшибе, не известном никому, только тебе и мне».

И все было сделано, как устроила сама Моэл Коирн. Моэл Коирн пошла в баню в сопровождении служанки, содрала с себя рубаху из грубого полотна и негодные лоскутные тряпки и начала мыться, а служанка стала укладывать ей волосы «болотной ватой»; и кожа цвета коры стала у нее светлеть, так что ни пена волны, ни снег ночью не были бы белее, чем каждый сустав и каждая ее пядь от макушки до носка. Затем Моэл Коирн сказала служанке: «У тебя еще осталась сумка из жесткой кожи, которую я тебе отдала?» — «Конечно, осталась, — сказала служанка, — о самая прекрасная и возлюбленная королева женщин всего мира, ибо я клянусь, что никогда

не видела женщину человеческого племени, которая была бы столь прекрасна, как ты, или могла бы сравниться с тобой». Тогда ей принесли сумку, она раскрыла ее и вытащила оттуда яркий пурпурный плащ, а на голову себе возложила золотую корону.

Для нее приготовили ложе и постель, и она облачилась в свой прекрасный пурпурный плащ. Затем наступила ночь, и король приблизился к уединенному тайному дому, где была девушка. Он вошел к ней без света факела или свечи, и имел сношение с ней, и насытил ею желания своего тела.

Утром они поднялись, и вот как выглядела девушка. Каждый сустав и каждая ее пядь, от макушки до носка, были как снег ночью или как пена волны. Ее волосы были восхитительны, заплетены, совершенного цвета, белокуро-желтые, золотые; ее голова высоко держалась, лицо, узкое книзу и широкое кверху, было воистину прекрасно; на нем сверкали зубы, подобные алмазам. У нее были красивые брови и стойкая шея, шея королевы. У нее были благородные, длинные, светлые пальцы и ногти; стройное, высокое, сильное, светлое тело, крепкие бедра, ровные икры и ступни чудесного цвета. Прекрасным, ясным, ярким, возлюбленным, вечножеланным, подлинным и совершенным был облик этой девушки. И она взяла к себе кожаную сумку, вынула из нее свое тонкое шелковое платье и надела его на свое светлое тело. И она облачилась в плащ-покрывало яркого пурпура с заколкой из белого серебра в ткани этого плаща и одела две сандалии из светлой бронзы между ступнями ее и землей; она одела на одно из запястий обруч из очищенного золота, а на голову — корону из пурпурного хрусталя с золотым шаром на ее

вершине и сотней жилок вокруг из гибкого красного очищенного золота, с украшением из многоцветных драгоценных камней всякого рода. Тогда каждый член и сустав и каждая пядь короля преисполнились к девушке любовью и желанием; и, если б ему дали выбирать среди женщин всего мира от восхода солнца до его заката, она была бы избрана им как единственная его жена и супруга.

И с тех пор как была она с ним, король отдал девушке королевские жилища, принадлежавшие женщине, которую он оставил, а также тридцать мер красного очищенного золота. И они провели вместе двадцать лет, от начала и до конца.

III.

Повесть о Суитхерн, дочери Аэда Беннама, и Ронане Диколле, короле Уи Лиатайн, рассказывается здесь. Однажды названный нами Ронан и его домочадцы обсуждали в его доме женщин, разбирали их облик и повадки. Под конец они сказали: «Хотя мы перечислили многих, мы не знаем среди них более прекрасной или обходительной женщины, чем твоя собственная жена». Ронан сказал: «Я не нахожу в ней изъяна, как в моей жене, кроме того, что не знаю, кто были ее отец и мать и какой земле или племени она принадлежит». — «Нам жаль, — сказали приближенные короля, — что мы не знаем никого, кто бы дал нам эти сведения». — «Мне кажется, — сказал король, — я знаю». — «Кто же это?» — спросили домочадцы. «Мак Да Херда, — ответил он, — главный прорицатель неба и земли, и сейчас он приехал в дом своего отца, чтобы помочь тому в затруднении, в котором он оказался из-за спора, затеянного им». Тогда послали за Мак Да Хердой,

посулив ему большое вознаграждение. Он к ним пришел, и его отвели в дом, где находилась Суитхерн. В обычае у девушки было испытывать всякого человека, хорошего и дурного, который у нее бывал, если он хотел этого. И она ни разу не нашла по сей день никого, кто мог бы завершить ее стихотворение. Ее приемным отцом был Дунланг, сын Маэл Браха, который утонул в Лох Лейн, и его судьба до сих пор оставалась неизвестна. Чтобы его смерть обнаружилась, она и произносила обычно свое двустихие, и она знала, что сегодня услышит известие о его смерти от Мак Да Херды.

*Тяжелы и мучительны вести,
Что идут издалека
О Дунланге, сыне Маэл Браха.
Буря Лох Лейн потопила его.
Мучительны и тяжелы
От огромной, огромной волны,
Что собралась на Лох Лейн
И потопила Дунланга.
Я вижу, о красная Суитхерн.
Холодно это мытье.
Здесь дочь короля Инбер
И дочь короля Лох Лейн.*

После чего они провели там эту ночь. Ронан Диколла был доволен, с тех пор как услышал правдивую повесть о девушке и получил известия о ее отце. Ранним утром на рассвете следующего дня Ронан ушел охотиться и преследовать дичь. Он оставил Мак Да Херду дома с королевой, которая выспрашивала у него новости о своих братьях и своем народе и осведомлялась о дороге к Лиатмуйне, жилищу Куана Мак

Кайлкина. И они между собой сочинили поэму, а те, кто слушали, не понимали, о чем у них речь:

Чернота и ловкость птицы.

Против черного дрозда

Угольки в камышах.

Чернота и ловкость птицы...

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этого сказания содержится в одном очень плохо сохранившемся манускрипте, который предположительно датируется XIV—XV веками. На русский язык переводится впервые. Перевод выполнен по изданию: *Mac Eoin G. S. Suithchern and Ronan Dicolla // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1978. Bd. 36, S. 62—82.*

Три части текста недостаточно связаны между собой, что объясняется утратой части манускрипта. Поэтому читателю приходится домысливать утраченные «связки». Однако несмотря на это, сказание, безусловно, очень интересно как авторитетный и выразительный источник. Оно относится к мунстерскому кругу сказаний. Между тем Мунстер, юг Ирландии, особенно тесно связан в традиции с Иным Миром: «В сфере оккультного Мунстер и силы, стоящие за ним, занимают главенствующее положение» [54, с. 157]. В частности, Женщин из мунстерских сказаний некоторые кельтологи считали, по происхождению и существу, местными «богинями — олицетворениями Власти» [84].

Суитхерн — известная также, как Руитхерн, одна из Женщин ирландской традиции (в данном случае южной, связанной с землей Мунстера), характер и поведение которых можно определить словом «блуждающие»; к этому типу относятся также Бекфола (см. «Обольше-

ние Бекфолы») и родная сестра Суитхерн, по имени Мор (Мор Муман). Однако в «блужданиях» этих героинь есть глубокий смысл: их брак с тем или иным королем узаконивает его, короля, право на королевство.

Дун Эхлайс — одна из резиденций королей Мунстера, которая была расположена, как считают, на территории нынешнего графства Типперэри. В то время, когда сюда явилась Суитхерн, королем Мунстера был Финген Мак Аэда (умер в 619 году), который жил в Дун Эхлайс со своей женой по имени Мор — сестрой Суитхерн.

Мор — Мор из Мунстера. Ее история, изложенная в соответствующем сказании, во многом параллельна истории Суитхерн, ее сестры. Мор была изгнана из родного дома «голосами из воздуха», твердившими: «Горе тебе, Мор». Она же, не переступавшая порога дома, не вытерпела и сказала голосам: «Я предпочитаю, чтобы мне дали это горе, а не обещали его все время». — «В начале или в конце?» — спросили голоса. «Конечно в начале», — ответила она. Тогда на нее напало помешательство, и она отправилась бродить по Ирландии, и провела так два года, почернев от солнца и ветра и износив всю одежду. Затем она пришла в Кашел, столицу Мунстера, где правил король Финген Мак Аэда вместе со своей женой, и с Мор случилось все то же самое, что и с Суитхерн в нашей истории [84]. Нужно учитывать только, что история Мор «первична» по отношению к истории Суитхерн.

...отец проклял ее. — Причины этого проклятия мы не знаем, но, возможно, оно связано с любовными похождениями Суитхерн. В сохранившихся строчках манускрипта, относящихся к этому делу, говорится только, что Аэд Беннам (Беннайн), родной отец Суитхерн,

проклял ее и заставил покинуть дом. В дальнейшем речь пойдет уже о другом — приемном — отце Суитхерн, по имени Дунланг, сведения о котором, кроме того, что он утонул в Лох Лейн, незначительны.

Куан Мак Кайлкин — один из «периферийных» королей Мунстера, то есть правивших на территории одного из племен, входивших в состав этого южного королевства, а именно племени Фир Майге. Резиденцией его был Лиатмуйне, около города Фермой в нынешнем графстве Корк. Куан Мак Кайлкин (или Айлкин) известен и по другим сказаниям «мунстерского круга» как любовник, точнее, похититель Суитхерн: рассказывается, что Мор отдала свою сестру Суитхерн (Руитхерн) королю по имени Лонан Мак Финдиг, а уж у того она была отобрана Куаной (Куаном) из Лиатмуйне. Отзыв Суитхерн о последнем как об «избранном ею женихе» и «юном любовнике», на первый взгляд, не слишком согласуется с историей ее похищения. Однако подробности любовной истории Суитхерн и Куана Мак Кайлкина нам неизвестны. Погиб этот король в 646 году.

...осталась, какой была... — То есть, осталась в облике прокаженной в облике прокаженной. Прямых указаний на мотив, по которому Суитхерн держится за этот облик, нет. Вряд ли это следствие проклятия отца. После этой фразы следуют утраченные строки рукописи.

...к перекрестку четырех дорог. — Отказавшись остаться с Мор, Суитхерн заблудилась и попала во владения другого племенного короля: вместо своего «жениха и любовника», Куана Мак Кайлкина, Суитхерн пришла к королю племени Уи Лиатайн, по имени Ронан Диколла.

Ронан Диколла — Ронан, сын Дикуйла, известен по хроникам как король племени Уи Лиатайн в Мунстере, погибший в битве при Карн Конайл в 649 году. Название его резиденции, куда пришла Суитхерн, как и имя его жены, неизвестно. Во всяком случае, это территория южного Мунстера.

Мозл Коирн — имя, которое взяла себе Суитхерн, оставаясь в облике прокаженной и живя при дворце Ронана Диколлы.

...лечь с Мозл Коирн... — В истории Мор Муман, сестры Суитхерн, содержится точно такой же эпизод: королева, жена Фингена Мак Азда, к которому в ужасающем облике пришла после скитаний Мор, вынудила короля провести с ней ночь, подарив ему за это свою брошь, утверждая, что иначе она больше не станет с ним спать сама. Король пленяется Мор, дарит ей пурпурный плащ королевы и ее брошь и говорит жене, что теперь на ее месте будет Мор, «потому что она лучшего происхождения» [84].

«Болотная вата» — оригинальное средство, применявшееся ирландками для расчесывания и укладки волос. Это был пух (или волокна) некоторых растений с болотистых мест, например, рогоза.

Пурпурный плащ. — См. примечание к «Эмайн-Махе».

...желания своего тела. — Далее текст во многих местах утрачен, вплоть до фразы: «...и вот как выглядела девушка».

...вот как выглядела девушка. — Описание девушки, то есть Суитхерн (она же Мозл Коирн), выдержано совершенно в духе ирландской

традиции. Интересно указание на «сандалии светлой бронзы между ступнями ее и землей»: это деталь, присущая облику выходцев из Иного Мира. Поэтому слова служанки о том, что она «не видела женщину человеческого племени, которая была бы столь прекрасна», как Суитхерн, можно понимать двусмысленно. Это согласуется с мнением кельтологов о «божественной природе» подобных Девушек.

Мак Да Херда — был «мудрым глупцом», то есть чем-то вроде юродивого. Вместе с тем это сын племенного короля по имени Мозл Охтайр. Известно, что отец Мак Да Херды держал пари с приемным отцом Суитхерн, Дунлангом, королем другого племени, о том, у кого из них более просторная резиденция. Этот спор и упоминается в контексте сказания.

...завершить ее стихотворение. — Суитхерн, стремясь узнать судьбу своего приемного отца, использует прием, сходный с Рифмическим Озарением (см. сказание «Мог Эйме»): чтобы «выйти» на сведения, которые ее интересуют, она все время произносит одно и то же двустипие, которое нужно завершить. Это удастся только Мак Да Херде. Он же раскрывает королю подлинное имя и, таким образом, историю Суитхерн.

Лох Лейн — озеро в южном Мунстере около нынешнего города Килларни (графство Керри). В преданиях «Старина мест» говорится, что оно названо так в честь Лена — кузнеца из «чудесного холма» Сид Бодб, который жил в этом озере и мастерил там сверкающие чаши для прекрасной Фанд, дочери Флидас. Согласно некоторой устной традиции, это озеро образовалось на месте цветущей долины с чудесным источником. Фея — покровительница источника позволяла

девушкам тех мест черпать воду из источника под строжайшим условием накрывать источник тяжелым камнем, пока лучи солнца не коснулись воды. Одна из девушек, увлекшись любовью, забыла это сделать, и из источника хлынуло озеро, затопившее все вокруг и погубившее любовников [25].

...короля Инбер... короля Лох Лейн. — Дунланг, приемный отец Суитхерн, был королем племени Осрайге (нынешняя область Оссори между Мунстером и Лейнстером). Он именуется королем Лох Лейн, потому что утонул в нем. Король Инбер, возможно, родной отец Суитхерн Аэд Беннам.

...о дороге к Лиатмуйне, жилищу Куана Мак Кайлкина. — Суитхерн и через двадцать лет не забыла о своем старом «юном любовнике» Куане Мак Кайлкине, и, хотя окончание истории утрачено, можно догадаться о последующих действиях Суитхерн. Лиатмуйне, резиденция Куана, как уже было сказано, находилась близ города Фермой (графство Корк).

Чернота и ловкость птицы... — После этой фразы текст утрачен [85].

КОРОЛЕВА ПЛАНЕТ

Некогда жили человек и его жена. Мужа благословлял всякий, но его жену не благословлял никто. Такой была она жестокосердной. Муж был первым из них, кто умер. И если бы соседи не были ему так благодарны, его не смогли бы похоронить совсем: таким дождливым и грозным был день похорон. Его жена умерла какое-то время спустя, и ей достались для бдения над ней и похорон два лучших дня, что когда-либо сходили с небес. Люди были этому очень удивлены, зная, что она не имела ни от кого доброго слова. Их сын сказал, что он не будет спать две ночи в одной постели и дважды есть за одним столом, пока не выяснит, почему это его отцу, которого благословлял всякий, достался дурной день для похорон, а его матери, которую не благословлял никто, достался прекрасный день.

Он отправился в странствия. Он был довольно далеко от дома, когда дошел до жилья и получил там место на ночь. Это был дом вдовы, которая имела трех дочерей. После еды вдова спросила его, куда он идет, и он ей все рассказал.

«Хорошо, — сказала она, — если ты получишь ответ на свои вопросы, не выяснишь ли ты, почему ни один человек не хочет жениться на моей старшей дочери? Все они хотят жениться на двух других, а на старшую не хотят даже смотреть. Я не знаю, почему это так». — «У меня довольно моих собственных забот, — сказал юноша, — чтобы брать себе на плечи еще, но если я добуду хоть слово для тебя, я принесу его сюда».

Он покинул дом на следующее утро и шел, пока его не застигла ночь. Он пришел к жилищу кузнеца и получил место на ночь. Кузнец, как и вдова, спросил его, куда он идет, и он рассказал ему о своем отце и матери.

«Если можешь, постарайся принести мне какую-нибудь весть о том, что заботит меня», — сказал кузнец.

«Какие у тебя заботы?» — спросил юноша.

«Хорошо, — сказал кузнец, — я работаю здесь в своей кузнице с утра до ночи, с понедельника до субботы и не могу выручить ни гроша. Под конец я так же беден, как всегда».

«Я сделаю что смогу, — сказал юноша, — но не думаю, что я когда-нибудь вернусь».

Он вышел на дорогу следующим утром и шел по ней весь день. Он получил место на ночь в доме крестьянина. Когда они сидели у огня, крестьянин, как и те двое, спросил его, куда он идет. Он рассказал ему о своем отце и матери.

«Если ты можешь принести мне хоть слово, я надеюсь, ты принесешь, — сказал крестьянин. — Там у двери есть кусок

крыши, через который всегда проходит дождь. Я звал лучших кровельщиков, но они не могут заделать ее».

«У меня сейчас с избытком забот, чтобы думать о них, — сказал юноша. — Я не получил ответа на мои собственные вопросы, но каждый допытывается про свои. Я сделаю что смогу, и если я добуду какие-нибудь вести для тебя, я принесу их сюда, встречай».

Он отправился вновь на следующее утро и шел весь день, не встретив жилища. Пришла ночь, когда наконец он увидел свет в доме, стоявшем в стороне от дороги. Он приблизился к дому и нашел дверь перед собой настежь раскрытой. Кухня была просторной, чистой и теплой; в очаге был хороший огонь, а перед ним большое кресло. Но нигде там не было признаков человека. Он сел в кресло, и через какое-то время в дверь вошла прекрасная женщина. Она учтиво и ласково приветствовала его, и он отвечал ей тем же образом. Она приготовила для него еду, и это не затруднило ее. Он сел и досыта наелся. Потом она дала ему воды, чтобы он вымыл после пути свои ноги. Он снова сел у огня и стал с ней беседовать. Она была самой ласковой женщиной из тех, что он когда-либо встречал.

Когда они побеседовали так довольно долго, она сказала, что ему пора идти спать, что он за день устал. Его комната была в конце кухни, с дверью, через которую он мог видеть кухню со своей постели. Там на огне был большой котел воды, готовой закипеть. Юноша вытянулся на постели, но, хоть и был он совсем усталый, заснуть не мог. Вскоре он увидел, что котел на огне закипел, но женщина оставила его кипеть. Затем он увидел, как она кладет свою голову в кипящий котел. Она опускалась все ниже, ниже, ниже до конца, пока он не увидел две ее ноги, тор-

чашие над краем котла. Наконец они исчезли. Он мог все это ясно видеть через дверь комнаты, лежа в постели. Он не думал, что это сон. Он был изумлен и утрашен тем, что видел. Когда он подумал, что она пробыла достаточно долго в кипящем котле, чтобы расплавиться в нем, она вдруг мало-помалу стала выходить из него обратно, так же как в него погружалась, такая же бодрая, какой была прежде. Человек был вконец запуган собственными мыслями. Он думал, что следующим в котле будет он сам.

Затем она достала веревку, сделала на конце петлю и набросила ее на одну из балок кухни. Она встала на стул, положила свою голову в петлю и повесилась. Так она висела, брыкаясь на весу, пока наконец не перестала двигаться. Когда он подумал, что она, должно быть, совсем мертва со своим языком, торчащим изо рта, как вдруг она вышла из петли такой же живой и бодрой, какой была всегда.

Потом она достала бритву и перерезала себе горло. Кровь хлынула, как будто из быка; затем она опустилась на пол и легла там, стуча пятками, причитая и постанывая. Наконец она совершенно затихла.

«Она кончилась теперь или никогда», — сказал человек сам себе, съжившись в постели.

Мысли его вертелись, отыскивая, как ему лучше поступить. Все, что он видел, было так странно.

Вскоре она затеяла другую выходку. Она пошла, принесла мешок и положила его на стол. Она выдвинула стол на середину пола и начала пересчитывать золотые и серебряные деньги, которые были в мешке. Она занималась этим долго, пока весь запас не был пересчитан; потом она собрала их все вместе и положила обратно в мешок.

Затем она достала шелковое платье, надела его, извлекла книгу и долго читала ее. Ровно столько, сколько провела в котле, в петле, на полу с перерезанным горлом и считая деньги. Почитав книгу, она перешла к человеку в комнату.

«Ты спишь?» — спросила она. Он не дал ответа.

«Я знаю, что ты не спишь, — сказала она. — Ты далек от того, чтобы спать. Ты видел, — спросила она, — все, что я делала этой ночью?»

«Видел».

«Слышал ты когда-нибудь о Королеве Планет?»

«Слышал», — сказал он.

«Это я, — сказала она. — Ты видел, как долго я была в кипящем котле?»

«Видел».

«Это смерть, которая уготована для всякого ребенка, который пришел в это время в мир. И ты видел, как долго я была повешенной?»

«Видел», — сказал он.

«Это смерть, которая уготована для всякого ребенка, родившегося в это время. Ты видел, сколько я пролежала на полу с перерезанным горлом, истекая кровью?»

«Видел».

«Это смерть, которая уготована для всякого ребенка, родившегося в это время. Ты видел, сколько я потратила времени, считая деньги?»

«Видел».

«Это жизненный путь, который уготован для всякого ребенка, родившегося, пока я считала. И ты видел, сколько я провела времени, читая книгу?»

«Видел».

«Это жизненный путь, который уготован для всякого ребенка, родившегося в это время. Я знаю, что привело тебя сюда, — ты пришел разузнать о твоём отце и матери. Его благословлял всякий. В чистилище он пробыл только те два дождливых грозовых дня своих похорон. Твоя мать никогда не слышала благословения от бедного, и все, что было уготовано для нее, — это два прекрасных дня, когда ее хоронили. Однако завтра ты повстречаешь свою мать с разинутым ртом, и ее будут преследовать два мастифа. Вот медное яблоко. Им ты должен бросить в нее, и если только оно не влетит ей прямо в рот, она пожрет тебя, чтобы помешать тебе принести домой вести о ее злосчастии. Скажи вдове, которая беспокоится о своей старшей дочери, что, если дочь дважды отнесет ее к воскресной службе на своей спине, каждый будет иметь о ней высокое мнение. Скажи кузнецу, что удача никогда не следует за теми, кто корпит с раннего утра понедельника до поздней ночи субботы. Что же до крестьянина, скажи ему, чтобы вернулся обратно соломенную кровлю, которую он своровал для своей крыши, и его дом будет сухим».

Юноша провел эту ночь в доме женщины и отправился домой на следующее утро. Он не ушел далеко, когда увидел свою мать, идущую к нему с разинутым ртом и преследуемую двумя мастифами. Он бросил в нее медным яблоком, и оно вошло ей в рот. Она пала на дорогу ниц в виде груды студня, а два мастифа убежали. Он отправился домой, передавая по дороге советы Королевы крестьянину, кузнецу и вдове. Все они последовали им и потом всегда преуспевали.

Вот вам рассказ о Королеве Планет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Мы сочли целесообразным завершить наше собрание текстов двумя преданиями, записанными из устных источников Ирландской фольклорной комиссией уже в XX веке. Несмотря на все бросающиеся в глаза отличия этих преданий от древних сказаний, дошедших до нас в рукописных сводах, это, безусловно, та же традиция. «Той же самой» ее делает тождество кельтской Души, выразившейся как в письменных, так и в устных источниках.

На русский язык «Королева планет» и «Чудесная жена» переводятся впервые. Перевод выполнен по изданию: *Folktales of Ireland / Ed. and trans. by S. O'Sullivan; forew. by R. M. Dorson. Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1966.* «Королева Планет» записана от 55-летнего сказителя в графстве Керри в 1930 году; указывается, что «сказитель ни дня не учился в школе». «Чудесная жена» записана от 68-летнего сказителя в графстве Донегал в 1948 году. Наверное, и к этим людям можно отнести слова Дж. Деларжи о том, что «все эти рассказы они перенимали на слух от своих предшественников — членов собственных семей, соседей, заходящих „странников“, нищих или бродяг, и некоторые истории можно было проследить от рассказчика к рассказчику на несколько поколений назад, порой до начала XVIII века» [54, с. 15].

В центре того и другого сказания — фигура Женщины из кельтской традиции, — Женщины, «власть имеющей» и, выражаясь по Юнгу, амбивалентной: притягательной и устрашающей одновременно. Можно сказать, что и в XX веке в народной душе сохранился прежний архетип, суть которого — «магический авторитет всего женского, мудрости, чего-то благостного и темно-дремучего, захватывающей бездны», как писал Юнг о «Великой Матери» [64, с. 211]. Однако это должно стать предметом особого, серьезного исследования (составитель сделал

лишь первый шаг в этом направлении, написав эссе «Кельтская леди Лигейя»).

Королева Планет. — Хотя этот образ не имеет прямых «предшественниц» в древних текстах, он, несомненно, архетипически кельтский, и, как образы большинства героинь, «восходит к представлениям о прекрасной и смертоносной владычице иного мира, любовь которой губительна, а приход в мир людей грозит ей самой гибелью, а людям бедами» [2, с. 500]. Вероятно, имеет свое значение и тот факт, что эта история записана в Мунстере (юг Ирландии) — «области, традиционно населенной женскими мифическими персонажами» [54, с. 151], — области, между прочим, связывавшейся с «Матерью богов» — таинственной Дану. С другой стороны, Королева Планет (Королева Судеб) — это образ, вообще естественный для древнего мышления, которое «нередко отождествляло понятие судьбы с женскими божествами» [31, с. 312].

...в доме, стоявшем в стороне от дороги. — Три предыдущих дома, которые посетил юноша: дом вдовы, дом кузнеца и дом крестьянина, — определенно находились «при» дороге, а не в стороне от нее, потому что всякий раз на следующее утро юноша выходит на дорогу и идет дальше. Указание на то, что последний дом — дом Королевы Планет — находился в стороне от дороги, наводит на мысль, что эта «сторона» — не что иное, как Иной Мир. Подобные незримые и внезапные переходы из Этого Мира в Иной — не редкость в ирландской сказочной традиции. В свое время У. Б. Йейтс писал, что «...в Ирландии этот мир, и мир, в который мы попадем после смерти, расположены совсем неподалеку друг от друга, — причем, добавляя он, — крестьяне искренне уверены в том, что за гробом их ждут такие же точно дома,

только крыша там никогда не течет, а стены подновлять не надо...» [19, с. 81].

Котел, петля, бритва. — Действия Королевы, предопределяющие смерть тех, кто должен появиться на свет во время или в результате этих действий, имеют параллели в древней ирландской традиции. Например, в сказании «Разрушение Дома Да Хока» воины короля Кормака «увидели у брода прекрасную женщину, которая мыла свою колесницу, подстилки и сбрую. Опустила она руку, и вода у брода окрасилась кровью»; и когда приблизился к ней один из воинов, пропела она: «Я мою сбрую короля, обреченного на смерть» [52, с. 133]. Как пишет С. В. Шкунаев, «подобные персонажи — предвестницы смерти сделались впоследствии чрезвычайно распространенными в кельтских преданиях и верованиях» [52, с. 263]; имеются в виду так называемые «банши», которые предвещали смерть криком и плачем, появляясь у дома, где должна случиться смерть. Однако фигура Королевы Планет величественнее и сложнее этих персонажей.

Мастиф — большая могучая гладкошерстная собака с мощными челюстями и лежащими ушами. Популярная в Ирландии порода. Это нашло отражение в топонимике страны: Муллахмаст («Гора мастифа») — крепость графов Килдара в Лейнстере.

Чистилище — согласно католическому вероучению, это не Рай и не Ад, но место, где умершие искупают свои грехи страданиями с последующим вхождением в Рай. В «народном христианстве» ирландцев вход в Чистилище располагается на островке посреди озера Лох Дерг в виде глубокой пещеры, куда до последнего времени спускались пилигримы, — это знаменитое Чистилище Святого Патрика [54, с. 346—347].

ЧУДЕСНАЯ ЖЕНА

Когда-то под Россами жил молодой человек. Он жил один. Однажды, когда он перебирал картошку у входа в дом, ему явилась женщина, и он заговорил с ней.

«Входи», — сказал он.

«Сегодня я не войду», — сказала она.

На следующий день она опять пришла к двери, когда он перебирал картошку.

«Входи», — сказал он.

«Сегодня я не войду», — сказала она.

На третий день он опять перебирал картошку, когда пришла женщина.

«Входи», — сказал он.

«Очень хорошо, сегодня я войду», — сказала она.

Она вошла и стала там с ним жить.

Около года спустя она родила сына. Вскоре после этого в Гленти должен был состояться праздник урожая. «Я думаю пойти сегодня на праздник, — сказал молодой человек. — Я хочу встретить моих друзей из окрестностей Гленти. У меня там живут дядья».

«Иди, конечно», — сказала его жена.

Он отправился на праздник. Там он увидел своих дядьев, но вместо того чтобы подойти и заговорить с ним, они как будто избегали его. Наконец он подошел, встал перед одним из них и спросил, что не так.

«Какое преступление я совершил? — спросил он. — Я долго не встречался с вами, а вы все избегаете меня».

«Почему нам не избегать тебя, — сказал дядя, — когда мы слышим, что ты женился на женщине-сиде? Если бы ты сначала пришел к нам, мы бы раздобыли для тебя хорошую жену, и тебе не нужно было бы сходить с ней вообще. Теперь, — сказал дядя, — я пойду куплю тебе нож, чтобы убить ее, когда ты придешь домой».

Дядя купил ему нож. Молодой человек взял его домой, но, хотя он и сделал это, у него не было желания ее убивать. Около дома было пшеничное поле, и, когда он проходил его по дороге к дому, он забросил туда нож так далеко, как смог. Его жена сидела на кухне, когда он пришел домой.

«Как ты провел день?» — спросила она.

«Очень хорошо», — сказал он.

«В каком настроении были твои дядья?»

«В добром», — ответил он.

«Ты должен был сказать правду, — сказала она. — Они были в дурном настроении. Один из них сказал тебе, что ты

женился на женщине-сиде и что, если бы ты сначала пришел к ним, они бы выбрали для тебя хорошую жену. И не купил ли он тебе нож, чтобы меня убить?»

«Верно, купил», — сказал муж.

«А ты бросил его прочь от себя в пшеницу?»

«Бросил».

«Это хорошо, что ты бросил, — сказала она. — Я собираюсь сейчас бросить тебя совсем, и ты можешь идти к своим дядьям, и пусть они выбирают тебе жену».

Она ушла и взяла ребенка с собой.

«Теперь, — сказала она, когда уходила, — не пройдет много времени, как ты женишься снова. Каждой ночью, когда вы будете ложиться спать, я хочу, чтобы ты оставлял горящий свет и какую-нибудь еду на столе для меня. Ребенок и я сама будем приходить ее есть».

Так и случилось. Некоторое время спустя он женился. Однажды поздно ночью, когда он и его жена были в постели, она повернула свою голову и увидела женщину и ребенка, евших хорошую пищу. Затем они ушли. Через какое-то время она снова увидела женщину и ребенка за столом. Женщина в постели рассмеялась, и смех ее эхом прокатился по дому. Тогда женщина за столом сказала: «Это смех, за который ты еще поплачешь».

Она покинула дом и никогда не возвращалась.

Муж был богат и ни в чем не нуждался. Но затем весь его скот начал падать, и в конце концов он остался только с кобылой и жеребенком. Жеребенок был почти взрослым. Однажды, когда он выводил их на пастбище, кобыла прыгнула с обрыва и погибла. Все, что он имел теперь, был

жеребенок. Он взял его и отвел на остров, чтобы уберечь его от вреда.

Когда жеребенку был год или два, муж сказал своей жене однажды: «Я думаю пойти сегодня за жеребенком, взять его на праздничную ярмарку и продать там».

Он взял жеребенка с острова. Когда он вел его по дороге к ярмарке, он пришел туда, где у обочины дороги был холм. Когда они проходили мимо, в холме открылась дверь и вышел мальчик.

«Что ты просишь за жеребенка?» — сказал он.

Человек назвал цену.

«Я дам тебе за него пять фунтов», — сказал мальчик.

«Этого недостаточно», — сказал человек.

«Тогда возьми его на ярмарку, — сказал мальчик, — и если тебе предложат за него больше, бери. Если ты не получишь больше, возвращайся этим путем, и я дам тебе пять фунтов».

Он добрался с жеребенком до ярмарки и продержал его там до вечера. Но несмотря на это ему не предложили больше чем пять фунтов; тогда он решил, что первый, сделавший ему такое предложение, должен получить жеребенка. Он повел жеребенка обратно домой тем же путем. Мальчик дожидался его, и он отдал ему жеребенка.

«Теперь входи, и я отдам тебе деньги», — сказал мальчик.

Он вошел и увидел свою первую жену, сидевшую у огня. Когда мальчик отдавал ему деньги, она заговорила.

«Дай ему еще пять фунтов», — сказала она.

Мальчик так и сделал.

«И пять фунтов еще», — сказала она.

Мальчик повиновался.

Человек хорошо знал, что это была его первая жена.

«Теперь иди домой, — сказала она. — Ты достаточно наплакался уже за смех, который издала твоя жена последней ночью, когда я была в вашем доме. Теперь иди домой и купи коров и овец на деньги за жеребенка. Это твой сын, кто купил его у тебя. Не пройдет много времени, как ты снова будешь богат».

Он пошел домой и купил коров и овец на деньги за жеребенка, и не прошло много времени, как он был столь же богат, как прежде. Он процветал день за днем и жил в достатке до самой своей смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

Россы — местность в графстве Донегал на северо-западе Ирландии. Эта местность примыкает к морскому побережью; недалеко расположен остров Аран и множество мелких островков. Графство Донегал, где была записана эта история, в древности относилось к владениям уладских королей. Здесь сохранились развалины одной из их резиденций — Грианан Айлех.

Картофель — издавна был главным, а в бедности единственным «хлебом» ирландцев. Существует ирландская пословица, применимая к нашей истории: «Картофель и супружество — две вещи слишком серьезные, чтобы с ними шутить» [29, с. 94]. Картофель «способствовал» распространению среди ирландцев пьянства; в начале XIX века, например, один член английского парламента говорил: «Пока ирландский земледелец имеет у себя запас водки, сделанный им самим вопреки запрещению из картофеля, он не занимается никакою работою; если же дойдет

до крайности, то в поте лица день и ночь томится над работою, пока опять что-нибудь достанет, но и это будет не надолго» [53, с. 281—282].

...сегодня я войду... — Это вхождение в дом только на третий раз, несомненно, имеет тайный смысл, который, однако, не понятен ни герою, ни нам. Для сравнения, в валлийской повести «Дева Озера» подобная же «чудесная жена» трижды отказывается принять от героя в знак соединения хлеб и принимает его только на третий раз, когда этот хлеб испечен лишь наполовину, ибо такой хлеб соединяет оба Мира [54, с. 303].

Гленти — городок к югу от Росс, в том же графстве Донегал.

Праздник урожая — вплоть до новейшего времени устраивался у ирландцев, шотландцев и жителей Островов 1 августа; этот день испокон веку считался посвященным богу Лугу из Племени Богини Дану, отчего Ламмас еще зовется Лугназад. В этот день начинались праздничные ярмарки, сопровождавшиеся различными увеселениями и обрядами, среди которых выделяется обряд заключения «временных», или испытательных, браков (сроком обычно на 1 год и 1 день). «Молодые парни и девушки из престолярства образовывали пары на все время, пока длилась ярмарка, и в течение этого времени назывались братьями и сестрами Ламмас (Урожая)» [22, с. 78—79]. А годовичные браки заключались путем простого скрепления рук, и расторгались по желанию «молодых» ровно через год и один день на том же месте — рыночной площади. Подобные обычаи существовали в некоторых местах Ирландии, Шотландии и Островов еще в конце XIX — начале XX века. Роберт Бернс познакомился со своей возлюбленной Мэри, когда ему было 16 лет, именно во время Ламмаса.

Между тем, в древнеирландских преданиях «Старина мест» рассказывается, что начало у Лугназада было печальное: смерть приемной матери Луга, Тайльтиу: «И собрал тогда Луг ирландцев... дабы каждый год оплакивали они женщин на августовские календы. Это и было собрание Луга, отчего говорится Лугназад, иначе празднование, поминовение, память или игры Луга» [52, с. 233]. Впрочем, известно, что ирландцы, понимая смерть как изменение, а не конец, поминки сопровождали весельем [42].

...женился на женщине-сиде... — «Именно женитьба на такой чудесной жене первоначально являлась сказочно-мифологическим изображением нормального брака, а именно брака экзогамного, за пределами своего рода» [35, с. 57]. Возможно, в этом объяснение ненависти «дядьев» героя к его супруге. В кельтской традиции «существует конфликт между героем и родом его матери», то есть дядьями, которые делают так, что «при выборе будущей супруги мужчина ограничен кратким списком, состоящим из дочерей братьев матери или сестер отца» [54, с. 163—164]. Необходимо учитывать также, что в кельтской традиции «дядья» постоянно выступают как опекуны, приемные отцы и часто — соперники в любви своих племянников: самый известный пример такого «треугольника» — это история короля Марка, его воспитанника Тристана и великолепной Изольды [38].

...горящий свет и... еду на столе... — Эту просьбу «чудесной жены» можно истолковать, исходя из обрядов, которые соблюдались до недавнего времени в шотландской и ирландской «глубинке»: в ночь под Самайн (Хеллоуин), то есть под 1 ноября, когда ожидали ночного визита умерших родных и близких, «чисто выметали пол, очаг чистили и приготавливали дрова, чтобы развести огонь, а на столе в самой лучшей

посуде выставляли еду и питье» [54, с. 345]. То, что делалось для покойных, могло делаться и для выходцев из сидов: насельники Иного Мира всегда различались слабо.

«Это смех, за который ты еще поплачешь. — В ирландской традиции описан не один прецедент столкновения жен-соперниц. Например, в сказании «Сватовство к Этайн» Мидир приводит Этайн к своей первой жене по имени Фуамнах: «Первой вошла Фуамнах в покой, где обычно она почивала, и сказала Этайн: — „В жилище хорошей жены ты вошла“. Когда же села Этайн на ложе, что стояло на полу, ударила ее Фуамнах прутом из красной рябины и превратилась она в лужу воды» [52, с. 64]. Вот как кончается сказка «Король, который имел двенадцать сыновей» из собрания Уильяма Лармини: «И когда первая жена увидела вторую жену своими собственными глазами, она не могла больше себя уважать и умерла от разрыва сердца» [98].

Муж был богат... — В древнем сказании «Недуг уладов» в дом крестьянина точно так же, как в этой истории, приходит фея-сида по имени Маха, а с ней приходит достаток [14].

...в холме открылась дверь... — Фольклорная традиция сохранила представление о том, что холмы внутри — полье и являются обиталищем одноименных с ними сидов. В начале XIX века одна английская путешественница писала: «Нигде не встретите вы столько фей, сколько в Ирландии; они населяют каждый пригорок... наблюдается всевозможное благоговение к сим чудесным существам, и холмы, в которых они основали свое жилище, всегда окружены жертвами» [49, с. 188–190]. В начале XX века примерно то же писал У. Б. Йейтс [19].

...жил в достатке до самой своей смерти. — У этой истории счастливый конец: возможно, потому, что «предательство» героя по отношению к своей «чудесной жене» было не столь велико, как в других случаях того же рода, о которых в Ирландии говорили: «Горе тому, кто не ответил на зов дочери сидов, ибо не найти ему отныне успокоения в любви земной женщины до самого скончания времен, до самой его смерти» [19, с. 133].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аммиан Марцеллин. История Пер. с лат. Киев, 1906—1908. Вып. 1—3.
2. Баркова Л. М. «Тристан и Изольда» // Энциклопедия литературных произведений. М.: Вагриус, 1998. С. 500.
3. Бретонские сказки: Народные сказки Нижней Бретани из собрания Ф. Люзея / Сост. Ф. Морван и др.; Пер. с бретон. Е. Баевской, М. Яснова; предисл. Ф. Морван. СПб.: Всемирное слово, 1995.
4. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 1: Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков / Пер. с фр. В. Мильчиной, С. Зелкинд. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.
5. Вергилий. Энеида / Пер. А. Фета. М., 1883.
6. Вико Д. Основания новой науки / Пер. А. А. Губера. М.; Киев: REPL-book : ИСА, 1994.
7. Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Пер. с лат.; Авт. примеч. А. С. Бобович, М. А. Бобович. М.: Наука, 1984.

276

ЛИКИ ИРАНИИИ

8. Гримасси Р. Викка = The Wiccan mysteries: Древние корни колдовских учений. М.: Фаир-пресс, 1999.
9. Грифцов Б. А. Теория романа. М., 1927. (История и теория искусства; Вып. 6).
10. Де Ла Сарт Я. Об остатках дикости в образованных народах // Журнал российской словесности. СПб., 1805. Ч. 3. С. 148—149.
11. Диодора Сицилийского Историческая библиотека. Переведена с греческого на русский язык Иваном Алексеевым. СПб., 1774. Ч. 2.
12. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. и комм. М. М. Покровского. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
13. Инститорис Г., Шпренгер Я. Молот ведьм. М., 1932.
14. Ирландские саги / Пер. и коммент. А. А. Смирнова. Л.: Academia, 1929. (Сокровища мировой литературы).
15. Ирландские саги / Пер., предисл., вступ. ст. и коммент. А. А. Смирнова. 2-е изд., испр. М.; Л.: Academia, 1933. (Сокровища мировой литературы).
16. Ирландские саги / Пер., вступ. ст. и коммент. А. А. Смирнова. М.; Л.: Гослитизат. Ленингр. отд-е, 1961.
17. Исландские саги. Ирландский эпос / Сост., вступ. ст. и примеч. М. И. Стеблин-Каменского и А. А. Смирнова; Илл. Рокуэлла Кента. М.: Худож. литература, 1973. (Б-ка всемирной литературы).
18. История древнего мира / Р. Ю. Виппер. История средних веков / А. А. Васильев. М.: Республика, 1993.
19. Йейтс У. Б. Кельтские сумерки / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. Михайлина. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 1998. (Цветы зла).
20. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, XIX — начало XX в.: Зимние праздники / И. Н. Гроздова, С. А. Токарев, Н. А. Красновская и др. М.: Наука, 1973.

21. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в.: Весенние праздники / И. Н. Гроздова, С. А. Токарев, Н. А. Красновская и др. М.: Наука, 1977.

22. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в.: Летне-осенние праздники / И. Н. Гроздова, С. А. Токарев, Н. А. Красновская и др. М.: Наука, 1978.

23. Калыгин В. П. К истокам древнеирландского этимологического мифа // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 1998. № 1. С. 146—155.

24. Калыгин В. П. Древнеирландская богиня Brigit в сравнительно-исторической перспективе // Известия РАН. Литература и язык. 1998. Т. 57. № 3. С. 53—56.

25. Кельты. Ирландские сказания / Пер. с англ. Л. Володарской. М.: Арт-флекс, 2000.

26. Кемпбелл Дж. Тысячеликий герой / Пер. с англ., вступ. ст. Н. Калины. М.; Киев: Рефл-бук: АСТ: Ваклер, 1997. (Astrum sapientiae).

27. Килларнейское озеро // Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду». СПб., 1832. № 14.

28. Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1984.

29. Красилов С. П. Цветы и самоцветы: Мифы. Легенды. Предания. М.: Фаир-пресс, 1998.

30. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.

31. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Владос, 1996.

32. Макферсон Дж. Поэмы Оссиана / Под ред. Ю. Д. Левина. Л.: Наука, 1983.

33. Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. СПб., 1994.

34. Махов А. Е. Словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. М., 1998. (Сад демонов).
35. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / РГГУ, Институт высших гуманитарных исследований. М.: РГГУ, 1994. (Чтения по истории и теории культуры; Вып. 4).
36. Мифология: Иллюстрированный энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. СПб.: Фонд «Ленингр. галерея»: АО «Норинт», 1996.
37. Михайлин В. Ю. Краткий словарь персонажей кельтской мифологии (Ирландия): Учеб. пособие для студентов 1 курса филол. фак. Саратов: Пароход, 1998.
38. Михайлов А. Д. История легенды о Тристане и Изольде // Легенда о Тристане и Изольде: Переводы / Подгот., предисл. и примеч. А. Д. Михайлова. М.: Наука, 1976. (Литературные памятники). С. 623—697.
39. Михайлова Т. А. «Боевая колесница с серпами» как памятник, как текст, как реалья // Эпос Северной Европы: Пути эволюции / О. А. Смирницкая, И. Г. Матюшина, Е. А. Гуревич и др. М.: МГУ, 1989. С. 119—142.
40. Михайлова Т. А. «Заговор на долгую жизнь» — попытка интерпретации (к образу «дочерей моря») // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2000. № 2. С. 67—81.
41. Михайлова Т. А. «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 118—128.
42. Михайлова Т. А., Николаева Н. А. Номинация смерти в гойдельских языках: к проблеме реконструкции кельтской эсхатологии // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 121—139.
43. Моммзен Т. История Рима. СПб.: Лениздат, 1993.

44. Моне Ф. И. Историческое обозрение мифологии северных народов Европы // Московский телеграф. 1827. № 7. Апрель. С. 167—190; № 8. Апрель. С. 251—277; № 9. Май. С. 25—34.

45. Мортон У. Артуровский цикл и развитие феодального общества // Мэлори Т. Смерть Артура. М.: Наука, 1974. (Литературные памятники).

46. Мур Т. Избранное = Selected verse / Сост., предисл., коммент. Л. И. Володарской. М.: Радуга, 1986.

47. Николаева Н. А. Смерть как судьба в древнеирландском языке: семантика и этимология // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2000. № 2. С. 52—66.

48. Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом // Иллюстрированное приложение к «Вестнику иностранной литературы». СПб., 1904.

49. Отрывок письма из Ирландии. Из соч. госпожи Еджеворт // Вестник Европы. М.: Типография Ун-та, 1809. Ч. 45. № 11. С. 188—193.

50. Полибий. Всеобщая история: В 3 т. / Пер. Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука: Ювента, 1994. Т. 1.

51. Похищение быка из Куальнге / Изд. подгот. Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев; Примеч. С. В. Шкунаева. М.: Наука, 1985. (Литературные памятники).

52. Предания и мифы средневековой Ирландии / Сост.; пер., вступ. ст. и коммент. С. В. Шкунаева; Под ред. Г. К. Косикова. М.: МГУ, 1991. (Университетская б-ка).

53. Речь Курвена, члена английского парламента, о состоянии Ирландии // Благонамеренный. СПб., 1820. № 2. С. 281—282.

54. Рис А., Рис Б. Наследие кельтов = Celtic Heritage: Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. Т. Михайловой. М.: Энигма, 1999.

55. Скотт В. О чудесном в романе // Сын отечества и Северный архив. СПб., 1829. Т. 7. № 44. С. 229—245; № 45. С. 288—309; № 46. С. 355—365.

56. [Смесь] // Вестник Европы. М., 1809. Ч. 48. № 21.
57. Смирнов А. А. Ирландская сага о смерти короля Муйрхертаха, сына Эрк // Записки Неофилологического общества. Пг., 1915. Вып. 8.
58. Стефенс Д. Пять королевств Ирландии: Битвы, любовь и странствия ирландских вождей и героев / Пер. с англ., предисл. А. Платов. М.: Менеджер, 1998. (Четвертая грань: Фэнтэзи магического реализма).
59. Стороженко Н. А. Очерк истории западноевропейской литературы: Лекции, читанные в Московском университете. М.: Изд-во учеников и преподавателей, 1908.
60. Страбон. География: В 17 кн. / Пер., вступ. ст. и коммент. Г. А. Стратановского. М., 1994.
61. Тацит Корнелий. Сочинения: В 2 т. / Под ред. С. Л. Утченко. Л.: Наука, 1969.
62. Тит Ливий. История Рима от основания Города / Под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнова. М.: Наука, 1989—1994. Т. 1—3.
63. Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000.
64. Юнг К. Душа и миф. Шесть архетипов / Пер. с англ., сост. В. И. Менжулина. Киев: Порт-Рояль; М.: Совершенство, 1997. (Бестселлеры психологии).
65. Amra Cu Roi // Etudes Célétiques. Paris: Société d'Édition «Les belles lettres», 1981. Vol. 18.
66. An Anthology of Irish Literature / Ed. with an introd. by D. H. Greene. N. Y., 1974. Vol. 1.
67. Ancient Irish Tales / Ed. by T. P. Cross and C. H. Slover. N. Y.: Barnes & Noble, 1969.
68. Binchy D. A. Bretha Crolige // Eriu. Dublin; London, 1938. Vol. 12. P. 1—77.

69. Coffey. On the Tumuli at New Grange, Dowth and Knowth // Transactions of the Royal Irish Academy. Dublin, 1892—1896. Vol. 30.
70. Cuimin's poem on the saints of Ireland // Zeitschrift für Celtische Philologie. Halle, 1897. Bd. 1.
71. Curtin J. Myths and Folklore of Ireland. Boston: Little, Brown and Co., 1890.
72. Flood J. M. Ireland: Its myths and legends / By J. M. Flood; With ill. by C. MacDowell. [Reissued.] Port Washington (N. Y.); London, [1970].
73. Folktales of Ireland / Ed. and trans. by S. O'Sullivan; Forew. by R. M. Dorson. Chicago: Univ. of Chicago press, 1966.
74. Gwynn and Purton. The Monastery of Tallaght // Proceedings of the Royal Irish Academy. London, 1911—1912. Vol. 29. N° 5.
75. Hull V. Cain Domnaig // Eriu. Dublin, 1966. Vol. 20. P. 151—177.
76. Hyde D. A literary history of Ireland. From earliest times to the present day. London, 1899.
77. Irische Texte / Ed. W. Stokes. III. Leipzig, 1891.
78. Jackson K. H. A Celtic miscellany: Translations from the Celtic Literatures. London etc., 1971.
79. Jobes G. Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols. N. Y., 1962.
80. Keating G. The history of Ireland / Ed. with transl. and notes by D. Comyn [and P. S. Dinneen]. London: Irish texts society, 1902—1914. Vol. 1—4.
81. Larousse P. Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle. Paris. Vol. 3.
82. Lebor Gabála Éirenn: The book of the taking of Ireland / Ed. and transl. with notes, etc by R. A. S. Macalister. Dublin: The educational Co. of Ireland, 1956 [8]. Pt. 5.
83. Legendary Fictions of the Irish Celts / Collect. and narrated by P. Kennedy. London: Macmillan, 1866.

84. MacCana P. Aspects of the Theme of King and Goddess in Irish Literature // *Etudes Céliques*. Paris: Société d'Édition «Les belles lettres», 1955. Vol. 7. N 1. P. 76—114.

85. MacEoin G. S. Suithchern and Ronan Dicolla // *Zeitschrift für Celtische Philologie*. Tübingen, 1978. Bd. 36. S. 63—82.

86. Meyer K. Goire Conaill Chernaig i Crúachain agus Aillella agus Conaill Chernaig // *Zeitschrift für Celtische Philologie* [herausgegeben Kuno Meyer und L. Chr. Stern]. Halle; London; Paris, 1897. Bd 1. S. 102—111.

87. Meyer K. Finn and Grainne // *Zeitschrift für Celtische Philologie*. Halle; London; Paris, 1897. Bd. 1. S. 458—461.

88. Meyer K. The Triads of Ireland. Dublin: Hodges, Figgis & Co; London: Williams & Norgate, 1906. (Royal Irish Academy Todd lecture series; Vol. 13).

89. Mudie M. Attic fragments of characters, customs, opinions and scenes. London, 1825 // *Северная пчела*. СПб., 1827. № 95.

90. O'Curry E. On the Manners and Customs of the Ancient Irish: A series of lectures / Ed., introd., app. etc by W. K. Sullivan. London etc.: Williams & Norgate etc., 1873. Vol. 1—2.

91. Old Celtic romances / Transl. from the Gaelic by P. W. Joyce. Dublin: Talbot press, 1961.

92. Petrie Mr. On the History and Antiquities of Tara Hill // *Transactions of the Royal Irish Academy*. Dublin, 1839. Vol. 18. Pt. 2.

93. Rolleston T. W. Myths and legends of the Celtic race. London: Harrap, 1916.

94. Stokes W. Finn and Faintoms // *Revue Célique*. Paris, 1886. Vol. 7.

95. The metrical dindsenchas / Ed. E. Gwynn. Dublin: Hodges, Figgis & Co; London: Williams & Norgate, 1903. (Royal Irish Academy Todd lecture series; Vol. 8)

96. Uraicecht na Riar: The poetic grades in Early Irish law / Ed. by L. Breatnach. Dublin, 1987.

97. Vita Columcille // Zeitschrift für Celtische Philologie [herausgegeben von Kuno Meyer]. Halle; London; N.Y., 1905. Bd. 5.

98. West Irish Folk-tales and Romances / Collect. and transl. by W. Larminie. London, 1893.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
ПРИКЛЮЧЕНИЕ КОНЛЫ КРАСНОГО	15
ОЙСИН В ТИР НА Н-ОГ	29
ПРИКЛЮЧЕНИЕ АРТА, СЫНА КОННА	45
ФИНН И ПРИЗРАКИ	76
ИЗВЕРЖЕНИЕ ЛОХ ЭКАХ	89
ПРИКЛЮЧЕНИЕ КОРМАКА В ОБЕТОВАННОЙ СТРАНЕ.....	98
ЭМАЙН-МАХА	113
ОСАДА ДРУЙМ ДАМГАЙРЕ	123
МЕЧ КУХУЛИНА	134
МОГ ЭЙМЕ	143
ЗАБОТА О КОНАЛЕ КЕРНАХЕ.....	151
ОБОЛЬЩЕНИЕ БЕКФОЛЫ	163
СМЕРТЬ МУЙРХЕРТАХА, СЫНА ЭРК	178
ИСТОРИИ О МОНГАНЕ	213
ГЛАМ ДИЦИН.....	228
КАК БЫЛА ПРОКЛЯТА ТАРА	234
СУИТХЕРН И РОНАН ДИКОЛЛА	244
КОРОЛЕВА ПЛАНЕТ	258
ЧУДЕСНАЯ ЖЕНА	265
<i>Карта</i>	273
<i>Список литературы</i>	276

*Приглашаем посетить
книжные магазины издательско-торгового дома*

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

Салон гуманитарной литературы

Большой пр. П. С., 82, ст. метро Петроградская

тел.: (812) 232-2104

«Университетская книга»

В.О., Менделеевская линия, 5

тел.: (812) 328-9638

Книжный центр РХГИ

Фонтанка, 15, тел.: (812) 310-9791

Магазин в редакции журнала «Нева»

Невский пр., 3

В МОСКВЕ:

Магазин-салон «Летний сад»

Большая Никитская, 46, ст. метро Баррикадная
тел.: (095) 290-0688

Книжная лавка при РГБ

ул. Воздвиженка, 3/5
1-й (читательский) подъезд
тел.: (095) 222-8358

Оптовый отдел-склад

Б. Предтеченский пер., 7
ст. метро Краснопресненская
тел.: (095) 255-0198

ЛИКИ ИРЛАНДИИ

КНИГА СКАЗАНИЙ

Редактор — А. Безрукова

Оформление — М. Verte

Корректоры — Н. Изъюрова, С. Зубкова

Тех. редактор, верстка — В. Васильев

Подп. в печать 24.03.2001. Усл. печ. л. 12,92. Уч.-изд. л. 8,6.
Формат 70×100/32. Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Гарнитура «Палатино». Тираж 3000. Заказ № 994.

Издательско-торговый дом «Летний сад»
121069, Москва, ул. Большая Никитская, 46.
Изд. лицензия ИД 03439 от 5.12.2000 г.

Книга отпечатана в ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3

ANIMA CELTICA

007087